

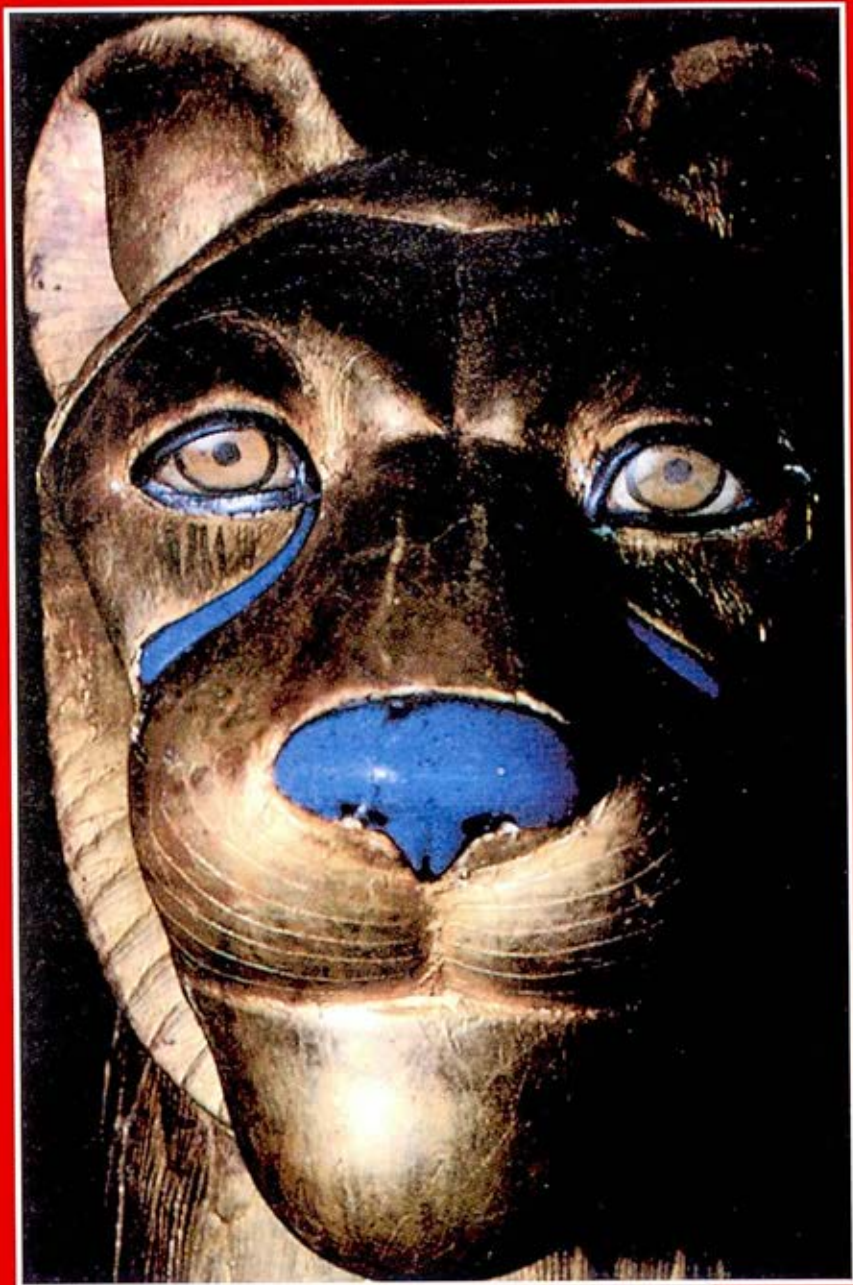
СМЕНА

март 2004

129-179 Молодой бульвар 26-35 Императрица хотела любви!

180-187 Мачо из Голливуда

141-145 Девушка и автомобиль?! 36-103 Пропала жена

Тайны гробницы Тутанхамона

стр. 4-9

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил
Низилов

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

Э 2004
март (1673)

Сдано в набор 15.01.2004.
Подписано к печати 16.02.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 7943
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

март 2004

наследие веков

Игорь Опарин

4 Тайны гробницы Тутанхамона

Ирина Опимах

10 Ханс Мемлинг

издалека

Любовь Русева

26 Она хотела любить и быть любимой

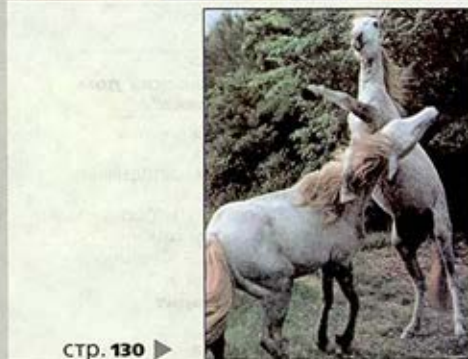
женщина и мужчина

Светлана Бестужева-Лада

104 Семейное шоу

▼ стр. 167

стр. 4 ►

стр. 130 ►

стр. 26 ►

детектив

Рут Рэнделл

36 От Дуна со смертью

расследование

Игорь Гамаюнов

120 Смерть на пороге

◀ стр. 180

▼ стр. 10

молодой бульвар

Марина Фетисова

130 Звонкий цокот копыт

Даша Колесова

136 Панки, хой!

Елена Захарова

141 Борьба за права

Бертран Въедливый

145 Заметки пижона и экстремала

Наталья Концевая

148 Знакомьтесь: кулинар от Бога

Екатерина Постникова

156 Приключения лысого духа

Полина Теслер

162 Вот вам, играйте!

Ольга Быстрых

167 Дискотека Авария

Катерина Измайлова

170 Неудачники

Рассказ

Ник Сигарищенко

177 Телеоборзение

Александр Андриюхин

ФЕЯ ПО ИМЕНИ МАРТА

Жил в городе Саратове талантливый изобретатель Вадим, придумавший некий аппарат «усыпитель». Но как можно пробиться в провинции, да еще прокормить семью? Вадим решает ехать в Москву и искать там богатых спонсоров. Но следы его затерялись в столице. Что произошло с бедолагой-провинциалом и каким образом вновь воссоединилась семья, вы узнаете, прочитав новый роман Александра Андриюхина «Фея по имени Марта».

апрель 2004

АНОНС: 4

ТАЙНЫ

Игорь ОПАРИН

Эта история — одна из самых поразительных и драматичных в богатой на удивительные сюжеты археологии. Здесь сошлось все — и подвиг ученых, не терявших веру в успех и продолжавших свое дело, даже когда всем их работа казалась просто смешной и нелепой, подвиг археологов, осуществивших раскопки на высочайшем научном уровне, сенсационная находка несметных сокровищ, пролежавших в земле тысячелетия, и необъяснимые смерти — происшедшие в Древнем Египте и в XX веке... Предметы, найденные в гробнице юного Тутанхамона, потрясли весь мир красотой, роскошью и изысканностью исполнения, а люди, вновь вернувшие человечеству богатства, навсегда вписали свои имена в летопись науки.

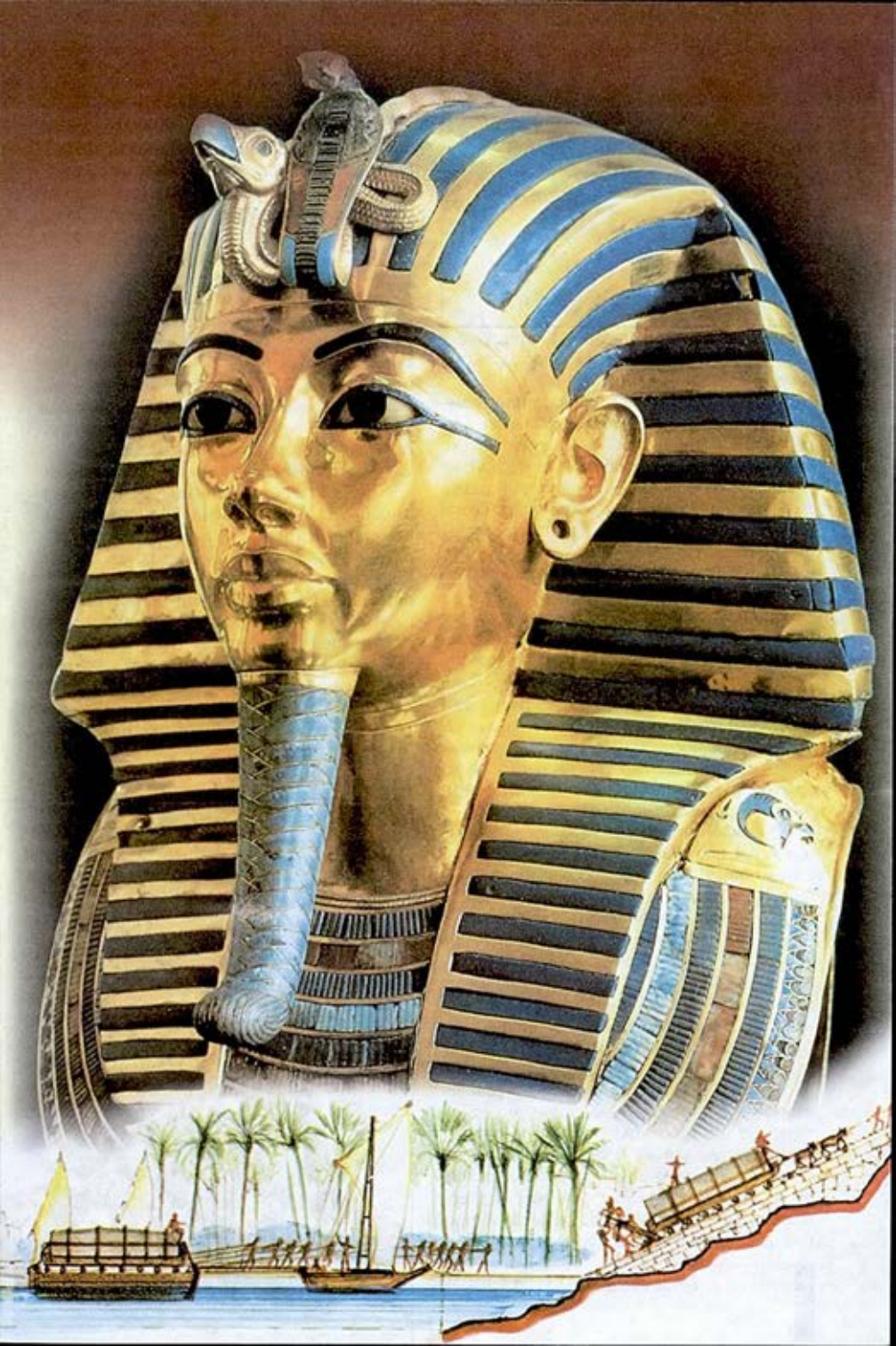
С 1902 года раскопки в Долине царей, по разрешению египетского правительства, вел американец Теодор Дэвис. Удача ему явно сопутствовала — он раскопал гробницы Тутмоса IV, Сипта, Хoremхеба и, главное, — нашел саркофаг Аменхотепа IV, называвшего себя Эхнатоном, с прекрасным скульптурным портретом его царственной жены красавицы Нефертити. Казалось, уже ничего нового и интересного в Долине обнаружить нельзя, и в 1914 году Дэвис легко согласился передать концессию на раскопки лорду Карнарвону.

Гробницы Тутанхамона

Карнарвон приступил к самостоятельному раскопкам, но тут же понял — его знания и навыки весьма недостаточны для серьезных археологических изысканий. Знающие люди порекомендовали ему Говарда Картера, молодого, но уже опытного археолога, человека, сочетавшего в себе необходимый для ученого педантизм и упорядоченность с отвагой, умением ориентироваться в сложной обстановке, некой авантюристкой и готовностью к приключениям.

Картер предложил вести раскопки в треугольнике между гробницами Рамсеса II, Меренпта и Рамсеса VI. "Рискуя быть обвиненным в том, что проявляю прозорливость задним числом, я, тем не менее, считаю обязанным заявить, что уже тогда мы твердо верили, что обязательно найдем гробницу Тутанхамона", — писал спустя годы Картер. Это заявление звучит совершенно невероятно, учитывая то, что шансов найти еще что-нибудь в Долине царей у них было ничтожно мало — весь ученый мир считал, что время сенсационных находок здесь уже прошло. Но Картер был уверен, что найдет Тутанхамона, и не без оснований: он собственными глазами видел найденные Дэвисом кубок с именем Тутанхамона и деревянную шкатулку, в которой лежала золотая пластинка с именем этого фараона. Были и другие соображе-

ния, основываясь на которых Картер утверждал, что где-то рядом должна находиться и сама гробница.

Карнарвон и Картер разворотили наметенную ими площадку, но все оказалось безрезультатно. Оставался нетронутым только пятачок у подножия гробницы Рамсеса VI, на котором стояли открытые археологами развалины лачуг — там обычно жили художники и рабочие, принимавшие участие в строительстве гробниц.

Снеся развалины лачуг, — случилось это 3 ноября 1922 года, — археологи чуть ли не с первым же ударом кирки обнаружили вход в гробницу! К вечеру 5 ноября не оставалось никаких сомнений, что они нашли вход в какую-то гробницу. Но еще ничего не было ясно — возможно, это уже давно разграбленная гробница, ведь за долгие века, прошедшие после существования великой цивилизации Древнего Египта, редко какую усыпальницу не посещали грабители и охотники за древностями.

С каждой открытой ступенькой возбуждение нарастало! Наконец показалась дверь — запечатанная! — значит, после захоронения никто не нарушал покой умершего! И печати на двери свидетельствовали — здесь захоронен фараон! Картер, дрожа от нетерпения, проделал в двери дырку и вставил туда фонарь — весь проход по ту сторону двери оказался завален щебнем и камнями, что доказывало: древние изо всех сил пытались обезопасить гробницу от проникновения грабителей. Расчистили все ступени, и археологи принялись изучать печати. На них было выгравировано имя Тутанхамона — выходит, это действительно его гробница! Но стало очевидно, что грабители все же побывали здесь, а поскольку двери запечатаны, возможно, до конца ее не разграбили. Настроение у Картера слегка упало. Работы продолжались, и, прорыв довольно длинный коридор, археологи

обнаружили еще одну дверь, тоже опечатанную. Стоя перед ней, Картер и Карнарвон сгорали от нетерпения — что их ждало за этой дверью, разочарование или сенсация? 26 ноября Картер проделал отверстие в левом верхнем углу двери и просунул туда прут — нет ли там каких-либо препятствий? Пустота. Затем Картер расширил отверстие, нервно чиркнув спичкой, зажег свечу и, просунув в отверстие, заглянул внутрь. Рядом с ним, дрожа от волнения, стоял Карнарвон. "Удивительные животные, статуи и золото, везде золото... На какое-то мгновение, — тем, кто стоял рядом со мной, оно показалось вечностью, — я онемел от изумления. Наконец лорд Карнарвон спросил: "Вы что-нибудь видите?" "Да, — ответил я. — Чудесные вещи". — Так сам Картер рассказывал об этом волнующем моменте.

Перед ними было помещение, наполненное погребальными принадлежностями для загробной жизни фараона. Воры явно побывали тут — Картер даже видел их следы, оставленные на слое пыли, — но, видно, их что-то спугнуло, возможно, охрана некрополя, и им пришлось бежать. Охранники постарались вернуть все вещи на места. В этой комнате, получившей название Передней, находились сваленные в кучу трон, украшенный золотыми пластинами и драгоценными камнями, позолоченная мебель, две золотые колесницы, золотые статуи и керамические вазы. Но в помещении не оказалось главного — саркофага с мумией фараона.

К февралю 1923 года Картер смог переключиться на дверь, замурованную в северной стене.

Вскрыв ее, ученый оказался в погребальной камере, перед огромным золоченым саркофагом. Вместе с ним в помещение протиснулся и Карнарвон. Вернувшись, они не могли вымолвить ни слова — столь велико было потрясение. В саркофаге оказалось три позолоченных ковчега, вставленных один в другой, и только в последнем, четвертом, покоился фараон.

За погребальной камерой находилась четвертая комната, которую Картер назвал сокровищницей — там находились самые ценные предметы из всех, найденных в гробнице: шкатулки с драгоценными камнями, вазы, миниатюрные ладьи, статуэтки, позолоченная голова коровы и другие вещи, среди них — веер из страусиных перьев, выглядевший так, будто его только что положили. Через несколько дней перья вдруг стали ссыхаться. Их едва успели законсервировать. Вход в сокровищницу охранял бог Анубис, покровитель умерших, — существо с головой шакала.

А потом археологи приступили к саркофагу. Три месяца длилась работа. Внутри саркофага была золоченая деревянная рама, покрытая льняным полотном. Она служила футляром для трех других саркофагов, покрытых золотом и испещренных многочисленными надписями. В последнем из них помещался желтый кварцитовый саркофаг с крышкой из розового гранита. Приглашенная публика, замерев, наблюдала за снятием крышки. "Содержимое было завернуто в льняной саван, — писал Картер. — Когда сняли последний холщевый слой, с наших губ сорвался возглас изумления — столь великолепное зрелище предстало перед нашими глазами. Все внутреннее пространство саркофага занимало золотое изваяние молодого фараона великолепной работы. В руках фараон держал знаки царского достоинства. Лицо сделано из чистого золота и отделано камнями. Внутри саркофага лежали три гроба, тесно пригнанные друг к другу, с крышкой, изображающей царя в виде бога Осириса. Третий, последний, гроб сделан из чистого золота. "Чудесный, уникальный памятник — гроб длиной 1,85 метра, тончайшей работы, сделанный из листового золота толщиной от 2,5 до 3,5 миллиметра ...", — писал Картер. А в нем, в этом последнем гробу, находилось самое ценное сокрови-

ще — за-
вернутая в
холст, усы-
панная за-
щитными
амулетами
и украше-
ниями
из золота
и драго-
ценных
камней
мумия
юного фа-
раона.
(Кстати,
среди
амулетов
найдены
один, сде-
ланный из

железа — наиболее раннее изделие из же-
леза, обнаруженное в Египте!) Лицо Тутанха-
мона закрывала посмертная, тоже золотая, с
инкрустациями из лазурита, маска — пре-
красное лицо, благородное, с правильными
чертами, пухлыми мальчишескими губами,
исполненное покоя — теперь это одно из са-
мых известных символов культуры Древнего
Египта, украшение Каирского музея.

Кем же был юный фараон, чью гробницу
нашли Картер и Карнарвон?

В Древнем Египте люди поклонялись
многим богам, чуть ли не в каждой области
был свой. Взошедший на престол в начале
XIV века до н.э. фараон Аменхотеп IV решил,
что такое положение дел не способствует
единению народов, населявших его импе-
рию. Кроме того, обилие богов порождало
несчетное количество жрецов, располагав-
ших огромными средствами — храмам при-
надлежали целые города. И фараон решил
нанести удар по непомерно разбогатевшему
и обнаглевшему жречеству: он назначил
главным богом бога Солнца Атона, взял себе
имя Эхнатон, что означало "Угодный Атону",
и перенес столицу страны из Фив в новый го-
род Ахетатон. Однако реформы, наткнувши-
еся на мощное сопротивление жрецов, ока-
зались недолговечны. После смерти фарао-
на (около 1347 г. до н.э.) на престол вступил
его девятилетний сын Тутанхамон. Молодого
фараона женили на прекрасной Анхесамун.
Очень скоро в стране восстановили
культы старых богов, столицей Египта стал

Мемфис. Этот фараон царствовал очень не-
долго, и о времени его правления не сохра-
нилось каких-либо сведений.

О сенсационной находке Картера и Кар-
нарвона писали все, кому только не лень, а
читатели любовались прекрасным ликом
молодого фараона, восхищались мастерст-
вом древних египетских мастеров. В Долину
царей устремилось огромное количество ту-
ристов. Но тут вдруг с теми, кто так или ина-
че участвовал в открытии гробницы, начали
происходить загадочные и страшные вещи.
Во-первых, умер от укуса москита 57-летний
лорд Карнарвон. "Вот оно, возмездие богу-
хульнику, осквернителю могил!", — слы-
шалось с разных сторон. Затем стало извест-
но о смерти архитектора А.К. Мейса, вместе с
Картером вскрывшего погребальную каме-
ру. Лорд Вестбурн выбросился из окна своей
лондонской квартиры, а его сына, секретаря
Картера, нашли мертвым утром в своей по-
стели, хотя накануне ничто не предвещало
такого исхода. Покончил с собой сводный
брат Карнарвона Обрей Герберт, а в 1929 го-
ду от укуса какого-то насекомого умирает ле-
ди Карнарвон. "Страх объял Англию", — пи-
сали газеты после того, как скончался
А.Д. Рейд, захотевший сделать рентгенов-
ский снимок мумии. К 1930 году умерли уже
двадцать два человека, так или иначе свя-
занные с гробницей! Конечно, журналисты,
охотники за сенсациями, с огромным рвене-
м писали обо всех этих странных смертях.
Появились публикации о том, что якобы в
гробнице найдена надпись, гласившая:
"Смерть быстрыми шагами наступит того,
кто нарушит покой фараона". Заговорили о
"проклятии фараонов". А когда в газетах по-
явилось сообщение о том, что в Америке
при странных обстоятельствах скончался ми-
стер Картер и что фараон таким образом
расправился уже со всеми осквернителями
своей гробницы, в дело вмешалось несколь-
ко ведущих археологов, которых возмутили
все эти глупые, как они были уверены, слухи,
и первым выступил... сам Говард Картер. Он
заявил, что слухи о его смерти сильно пре-
увеличены — в Америке скончался его одно-
фамилец. Выдающийся археолог с горечью
признавал, что, по всей видимости, совре-
менные люди не намного, по сравнению с
древними, продвинулись в борьбе с суеверия-
ми. В 1933 году появилась статья профессо-
ра Штейндорфа, заметившего, что у всех по-
гибших совершенно разные причины смер-

ти, и нельзя делать столь ненаучные выводы, основываясь на полувывести и известности фактов,

“проклятие фараонов” — выдумка журналистов и падкой на мистические тайны публики.

Однако так ли это? Видимо, не случайно гробница осталась нетронутой грабителями. Может, их постигла та же участь, что и тех, кто оказался в скорбном списке, связанных с открытием гробницы и умерших в силу разных, не всегда понятных причин?

Существует множество теорий, объясняющих все эти загадки. Так, например, некоторые ученые полагают, что в гробнице могли оказаться какие-то бактерии или грибки, которые за многие века мутировали и превратились в штаммы, смертельно опасные для человека. Возможно, древние египтяне, большие специалисты по ядам, намешали

их в краски, которыми были выполнены росписи в помещениях гробницы. Существует и такое предположение: при бальзамировании мумий для защиты святынь от тления использовались радиоактивные соединения, смертоносное излучение которых убивает и спустя тысячелетия. Но тогда почему все эти возможные ядовитые штаммы и ухищрения египетских мастеров и жрецов не помогли сберечь от разграбления другие, гораздо более богатые усыпальницы? Ведь вряд ли к гробнице Тутанхамона, далеко не самой богатой, проявлено какое-то особенное внимание как со стороны природы, так и со стороны древних.

...Их имена навечно останутся рядом — погибшего в восемнадцать лет Тутанхамона, блестящего лорда Карнарвона и замечательного археолога Говарда Картера, который нашел гробницу юного фараона, провел раскопки на высочайшем научном уровне и подарил человечеству прекрасные творения древних египетских мастеров, радующие нас и восхищающие изысканностью и непревзойденным изяществом и ныне, спустя многие столетия после гибели древнеегипетской цивилизации. ■

Ирина ОПИМАХ

ХАНС МЕМЛИНГ

Страшный суд. 1473. (Фрагмент)

Северное Возрождение — так называют поразительный подъем искусства в странах Северной Европы в XIV-XVI веках. Это было страшное время — войны, эпидемии чумы и холеры, насилие, вероломство властей имущих, мятежи, охота на ведьм, костры инквизиции, невежество, нищета простого люда и безумная роскошь господ — все заставляло ощутить хрупкость человеческой жизни, ее быстротечность, близость смерти. Тем поразительнее появление выдающихся художников, осветивших своим искусством суровую эпоху. Художники Германии, Бельгии, Фландрии и Голландии, художники Северного Возрождения, более связанные с традициями готики и не столь подверженные влиянию античной культуры, как их итальянские современники, создали особый стиль, особый мир, продемонстрировав совершенно оригинальное понимание красоты.

Ярчайший представитель этой блестящей когорты мастеров — Ханс Мемлинг, немец по происхождению, проживший почти всю жизнь во Фландрии и написавший одну из самых великих картин в мировом искусстве — триптих "Страшный суд".

Во многих книгах о художнике рассказывается трогательная история: Мемлинг, молодой и способный, якобы состоял после смерти ван Эйка придворным живописцем бургундского герцога Карла Смелого. Художнику приходилось не только выполнять заказы герцога, но и участвовать во всех сражениях своего патрона, мечтавшего подчинить себе Эльзас и Лотарингию. Но смерть помешала реализоваться честолюбивым помыслам Карла — в 1477 году герцог погиб, сражаясь против войск Швейцарской конфедерации в битве при Нанси. После этого кровавого боя, после оглушительного поражения, изменившего ход истории Северной Европы, раненый, в жалком, бедственном состоянии, возвращался Мемлинг во Фландрию. В один из январских вечеров, морозных и темных, постучался он, ища приюта и хлеба, в двери госпиталя святого Иоанна. Мо-

Муцирующие ангелы. 1484.

Ваза с цветами.

нахи проявили милосердие, пригрели и подлечили художника. Оправившись от ран, отдохнув от бранных трудов, Мемлинг вернулся к живописи и в благодарность приютившим его монахам написал для монастыря "Обручение св. Екатерины", выполнил раку св. Урсулы и другие работы, которые и ныне бережно хранятся в древних стенах госпиталя.

К сожалению, эта романтическая легенда — чистый вымысел.

На самом деле все было совсем не так.

Предполагают, что Мемлинг родился где-то около 1440 года, в деревушке Мемлинген, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Известно, что около 1451 года в городке Зелингштадт умер некто Ханс Мемлинг, как считают историки, отец художника. В то время в Германии всех подряд косила чума; видно, не пощадила она и семейство Мемлинга, потерявшее кормильца. Рядом с Зелингштадтом располагалось аббатство бенедиктинцев. Милосердные монахи пригрели осиротевшего мальчика, дали ему кров и еду, а потом и кое-какие знания и навыки. Заметив же его склонности к рисованию, служители Господа обучили мальчика началам ремесла художника. Известно, что в 1459-1460 годах Мемлинг приехал в Нидерланды, в Брюссель. Брюс-

сель в то время — крупный торговый и культурный центр, здесь жили предприимчивые и богатые купцы. Именно тогда он познакомился с выдающимся художником Рогиром ван дер Вейденом. Ван дер Вейден, фаворит герцога Бургундского, благодаря мастерству и таланту, имел большое количество заказов, что приносило вполне неплохой доход и уважение сограждан. Брюссельцы даже присвоили ему почетное звание — городской живописец. Мастерская ван дер Вейдена считалась настоящим центром искусства, здесь творил он сам и его преданные последователи, а Мемлинг уже по-настоящему освоил основы живописи. Ван дер Вейден с его мощным даром оказал огромное влияние на молодого ученика. В Брюссель приезжали купцы со всех стран, привозили они и

картины. И конечно же, Ханс видел работы других художников, итальянцев, своих земляков-немцев и нидерландцев.

14 июня 1464 года ван дер Вейден умер, и Мемлинг уехал из Брюсселя — теперь его больше здесь ничего не удерживало — в Брюгге.

Брюгге, основанный еще в VII веке, с конца XI стал столицей графов Фландрских. В 1384 году Фландрия вошла в состав Бургундии, попав под власть герцогов Бургундских. Благодаря им, город быстро превратился в один из крупнейших в Европе торговых центров: сюда везли английскую шерсть, из которой брюггские суконщики ткали отличные ткани, открывались отделения банковских домов со всей Европы. Брюгге называли Северной Венецией — так хороши

были его многочисленные каналы и горбатые мостики, взмывающие ввысь величественные готические соборы, узкие улочки, живописные мельницы и уютные площади. Это был город купцов и моряков, а еще искусных ремесленников, ткачей и кружевниц, изготавливавших тончайшие кружева, пользовавшиеся огромным успехом у известных красавиц и красавцев того времени. Мемлинг, решив, что, возможно, ему здесь повезет, открывает мастерскую. 30 января 1465 года он официально становится гражданином Брюгге.

Мало-помалу местные жители, прознав о способном художнике, начали приходить к нему с заказами, которые он выполняет в срок, при этом его работы отвечали вкусу почтенных бюргеров. Довольно быстро у него появились деньги, и в 1466 году он приобрел свой собственный дом, большой, кирпичный, на улице Синт-Йорис, в квартале, где жили живописцы и ювелиры, а еще через год вступил в гильдию художников — гильдию св. Луки. Более того, его приняли в братство “Снежной Богоматери”, членами которого были представители сливки брюггского общества. Наверное, на собраниях этого братства и знакомился он со своими клиентами. Они заказывали художнику портреты свои и своих домочадцев, и потом эти картины украшали их чистенькие дома. Преуспевающий художник примерно в эти же годы женится — его избранницей становится очаровательная Анна Валькенаре, дочь зажиточного бюргера Лодевейко де Валькенаре. Одного за другим дарит она обожаемому супругу троих сыновей — Яна, Корнелиса и Николаса.

Это было неспокойное время. 15 июня умирает король Фландрии Филипп Добрый. Его наследник, Карл Смелый, постоянно испытывает нужду в деньгах, а, кроме того, мечтает подчинить себе Лотарингию и Эльзас. Везде — и на главной площади Громаркт, где стояли Суконные ряды и возвышалась Городская башня, и на площади перед ратушей, и в уютных кабачках, народ обсуждал последние новости. Что будет с Фландрией? Куда приведет страну честолюбивый герцог?

Но, кажется, вести о бурных политических событиях не доходили до Мемлинга. Ему хорошо среди его большой семьи, сыновья растут, жена заботится о том, чтобы в доме царили уют и чистота, а на столе всегда была вкусная еда. А уж он, Ханс, добрый христианин и прекрасный семьянин, делает все, чтобы у его любимой женушки хватало денег покупать на рынке свежее мясо и хорошее вино. Художник по-прежнему писал небольшие портреты и другие работы, которые очень нравились его соседям и знакомым, да еще платили за них совсем неплохие деньги. Но вот однажды в мастерской Мемлинга появился необычный заказчик — флорентиец Анджело Тани. Тани начинал карьеру консулом в Венеции, затем представлял банк Медичи в Лондоне, а в 1450 году его назначили управляющим филиала банка Медичи в Брюгге. Тани нравилось жить в этом городе, и в 1464 году он приехал во Флоренцию просить продления своего контракта у Козимо Медичи, в то время не покидавшего постель из-за обострения подагры. И герцог Козимо обязательно бы позволил Тани остаться в Брюгге, но его внезапная кончина нарушила все планы честолюбивого сеньора Анджело: новый герцог Медичи, Пьеро, назначает в Брюгге представлять интересы семейства Медичи Томмазо Портинари. Тани вынужден был покинуть Брюгге и переехать во Флоренцию. Там он в честь женитьбы на двадцатилетней Катарине Танальи строит капеллу Сан-Микеле в местечке Бадиа — совсем недалеко от Флоренции, у Фьезоло. А алтарь для капеллы он заказал Мемлингу — а кому же еще, ведь лучшего художника в Брюгге нет! Мемлинг согласился — наверное, совсем не бедный Тани посулил ему хорошее вознаграждение, да и

задача интересная, ничего подобного он еще не делал. И вот Мемлинг пишет "Страшный суд" — центральная часть алтаря и есть сцена суда Божьего, на правой створке — "Ад", на левой — "Райские врата", на боковых поверхностях створок художник изобразил своих заказчиков — Катарину Танальи у статуи архангела Михаила и Анджемо Тани у статуи Богоматери. (В 1480 году супруги Тани вернулись во Флоренцию, а в 1492 году их жизни оборвала чума — эпидемия этой страшной болезни разразилась тогда в столице Тосканы.)

Триптих "Страшный суд", написанный Мемлингом, когда ему не было и сорока лет, стал вершиной его творчества и самой известной его работой.

Художник изобразил на триптихе более 50 фигур. Эта красочная картина окрашена отнюдь не ужасом перед неизбежным судом Всевышнего, нет, художник скорее просит нас задуматься — а правильно ли мы живем, и еще есть время, можно что-то исправить, словно говорит он. Ад у него страшен, но как-то картинно, и обнаженные тела грешников, легкие и грациозные даже в муках, словно складываются в некую гирлянду. Рай же полон света, ярких красок, покоя и гармонии. И над всем этим — Бог — Высший Судья. К Его справедливости взывает Богоматерь, одетая в одежду фламандских вдов — она слева от Господа. К Божьему милосердию взывает и Иоанн Креститель, преклонивший колени справа от Христа. Ниже — святой Михаил держит весы, символ правосудия. Он взвешивает грехи представших перед Судом. (Кстати, коленопреклоненный человек на левой чаше весов имеет черты сходства с Томмазо Портинари — по видимому, он оказался на картине из желания Тани угодить влиятельному земляку.) С каким ужасом ожидают люди последнего приговора и с какой надеждой — вечного спасения! Мемлинг великолепно передал все эти чувства, обуревающие его персонажей. У людей обнажено не только тело, но и душа. У Райских врат встречает праведников святой Петр, а ангелы дают им полагающиеся их рангу одежды, и в верхней части тщательно выписанных врат сонмы ангелов, приветствуя их, играют на трубах или поют.

Современники художника высоко оценили триптих. Но судьба у этой работы Мемлинга оказалась на редкость драматичной. Итак, в 1473 году триптих, как и было задумано, отправили на корабле под английским флагом во Флоренцию, на родину заказчика, Анджемо Тани. В море судно захватили ганзейцы, члены Ганзы, торгового и политического союза северо-немецких городов — тогда Ганза воевала с англичанами. Ганзеец бравый капитан Пауль Бенеке передал трофеи, среди которых оказался и "Страшный суд" Мемлинга, гданьским судовладельцам, неким Зидингузену, Фаландту и Нидерхоффу, а те решили установить триптих в Гданьске на алтаре Георгиевского братства. При этом авторство приписали Яну ван Эйку! Все требования Тани вернуть ему "Страшный суд" и даже специальная булла возмущенного разбоем ганзейцев Папы Римского Сикста IV остались без ответа. Несчастному сеньору Анджемо ничего не оставалось, как только смириться с потерей триптиха. Шли годы, и в начале XVII века император Германии Рудольф II, увидев однажды "Страшный суд", возжаждал его приобрести. Он был готов заплатить неслыханные по тем временам деньги — 40 тысяч талеров, но жители Гданьска не захотели лишиться картины, уже ставшей для них святыней. А в 1716 году в Гданьск приехал Петр I, и ему работа Мемлинга тоже очень понравилась. Он захотел заполучить ее любой ценой.

Русский царь не привык, чтобы его прихоти не выполнялись, но и ему не удалось приобрести "Страшный суд". Зато это получилось у французского императора — Наполеона Бонапарта. В 1807 году триптих попал во Францию, в Лувр, где и был установлен истинный автор шедевра. Однако во Франции трип-

тих пробыл недолго, в 1815 году он снова попал в Данциг (так теперь уже назывался город, захваченный немцами), теперь уже в костел Девы Марии. Путь в Данциг не обошелся без приключений — картиной попробовал завладеть немецкий император Фридрих Вильгельм, но у него ничего не получилось, и "Страшный суд" благополучно оказался в Данциге. Однако приключения мемлинговского шедевра на этом не закончились — в годы Второй мировой войны картина, захваченная гитлеровцами, все-таки попала в Германию, но после победы над фашистскими войсками снова доставлена в Гданьск, где и находится по сей день.

Жизнь самого художника, в отличие от судьбы его "Страшного суда", текла спокойно, без особых приключений. В 1468-1486 годах он признан первым художником Брюгге. Среди его работ — замечательное "Обручение св. Екатерины", поражающее богатством декора, обилием точных деталей и богатством палитры, "Поклонение волхвов" — несколько театральное, слегка застывшее изображение Девы Марии с младенцем Христом и волхвами, как бы парящими в

пространстве. Потрясает душу верующего "Мария, поддерживающая мертвого Христа" — так она необычна: за Марией — крест, к перекладине которого прислонено копьё; слева — петух, с кукареканьем которого связано отречение Петра, а также несколько голов — по-видимому, это Каифа, Пилат, Петр и Ирод. Справа — две руки — одна, нанесшая пощечину Христу, другая сжата в кулак.

Мемлинг много работал — у него большая семья, трое сыновей, большой дом, на все требовались деньги, и он почти не уходил из своей мастерской, делая перерывы лишь на еду и сон, ну и иногда на то, чтобы поговорить о последних политических событиях — ведь в мире творится Бог знает что и не замечать этого уже просто невозможно! В 1477 году во время осады Нанси погиб Карл Смелый, а с его смертью рухнуло все Бургундское государство. Его дочь и преемница на престоле, молодая Мария Бургундская, вышла замуж за Максимилиана, сына германского императора, а потом вдруг умерла, оставив Фландрию в руках немцев — известных всей Европе солдафонов. А теперь еще и Людовик I вмешался в дело — претендует на Бургундию. Но ему пришлось смириться, Габсбурги таки заполучили Бургундию — в 1482 году Франция и Германия заключили Арасский договор, по которому Франция уступала Габсбургам Нидерланды. И что теперь будет? Что будет с Брюсселем и Брюгге? Но жизнь Брюгге с новым королем не очень-то изменилась. Фламандцы еще не почувствовали гнет могущественных Габсбургов и католических чинушей, и еще не родился отважный и дерзкий Тиль Уленшпигель, еще не гуляет он со своим верным Ламой и преданной

Неле по улицам родного Брюгге и не бродит по городам и весям любимой Фландрии, все еще впереди — и правление безумного и жестокого Карла V, и его сына Филиппа II, родившегося, как утверждает замечательный бельгийский писатель Шарль де Костер, в один день с его легендарным героем Тилем, и впереди великая Нидерландская революция, принесящая национальную трагедию и освобождение от испанского гнета. А пока все так же приставали груженные товарами суда на порту, все так же уплывали в море другие, и так же торговали в своих лавках удачливые и не очень бюргеры, так же ходили они на воскресную службу в собор Девы Марии и капеллу Святой Крови, развлекались на субботних базарах и, конечно же, веселились в кабачках, попивая пиво, изобретенное легендарным королем Фландрии Гамбринусом. А кроме того, так же заказывали любимому художнику портреты.

Мемлинг за свою жизнь создал целую галерею своих земляков. Вот перед нами юный Мартин ван Ньюенхофе. Симпатичный и набожный юноша из весьма аристократической семьи, родившийся в 1463 году, впоследствии попечитель госпиталя святого Иоанна, а потом и бургомистр Брюгге. Восторженный взгляд, в выражении лица — некая наивность, благоговение, с которым он смотрит на Деву Марию — художник поразительно передает настроение и душевное состояние юноши, ищущего Идеал и готового посвятить свою жизнь высокому служению. А вот молодой мужчина, с гордостью сжимающий в руках золотую стрелу — наверняка, член гильдии лучников, ставший победителем соревнований по стрельбе из лука. Еще одно лицо из прошлого: Виллем Морель, судья в 1472 году и бургомистр с 1478 года — один из самых известных граждан Брюгге и главных заказчиков художника. Мемлинг пишет и женские портреты. Они по тем временам выглядели весьма революционно: их позы — раскрепощены, выражения лиц — яркие и выразительны. Его словно зачаровывает красота женских образов. Замечателен портрет очаровательной, кокетливой, любящей изящные украшения Маддалены Портинари, супруги представителя банка Медичи в Брюгге, влиятельного флорентийца сеньора Томмазо Портинари. А как хороша Вирсавия с картины "Купание Вирсавии" — женственная, вся такая белая и чистая, поразившая в самое сердце царя Давида, который увидел ее, купающуюся, с крыши своего дворца! Мемлинг пишет женщину, пишет ее прелесть, очарование, притягательность не только физическую, но и душевную. "Вирсавия" — редкая картина в нидерландской живописи того времени, художники еще не осмеливались свободно писать обнаженную женщину, при этом так живо, с таким чисто мужским чувством восхищения.

Мемлинг изображает своих современников с поразительным психологизмом, глубоко проникая в их внутренний мир. Лица его героев удивительно современны. И это понятно — ведь в сущности люди мало меняются, и нас волнуют примерно те же проблемы, что и современников Мемлинга — чтобы близкие были здоровы, политические события не ввергли страну в хаос, чтоб было на что купить еду и одежду...

Мастерская художника расширилась, у него работали довольно много помощников и учеников. Его живописная техника и вкус привлекали все больше заказчиков. И соответственно росло его состояние. Он был одним из самых богатых жителей Брюгге. В 1480 году Мемлинг купил три больших дома у Брюггского моста. И писал все новые и новые работы. И среди них — "Страсти Христовы", картина, которую в своих знаменитых "Жизнеописаниях..." упоминает Вазари как одну из драгоценностей коллекции Медичи. Еще один триптих — "Семь радостей земных". В 1480 году эту картину подарили супруги Бейтлинки кафедр-

ральному собору в Брюгге. На полотне представлены все основные сцены из жизни Марии и Христа, изображено более 200 персонажей, великолепно выстроена композиция. На полотнах и досках Мемлинга появляются все более масштабные сюжеты, краски приобретают большую изысканность, фигуры, становясь несколько вытянутыми, занимают все пространство. И не случайно — ведь всегда для Мемлинга главным оставался человек, с его скорбями и радостями!

В 1487 году Мемлинга постигла горькая утрата — скончался супруга, его любимая жена Анна. Огромное горе перевернуло душу художника. Он некоторое время не мог работать, но жить-то надо, и приходилось снова идти в мастерскую, брать в руки кисти — заказов за то время, что он скорбел в одиночестве, скопилось уйма! Обстоятельства складывались так, что он писал много картин, посвященных Богоматери, и в образе Девы Марии выплескивал тоску об ушедшей жене, тоску о чистой, доброй, мужественной женщине, так помогавшей ему жить в этом непостоянном мире... Его Мадонны — нежные и задумчивые, изящные и очаровательные, они все понимают, способны пожалеть израненную душу, они несут людям, страждущим и нуждающимся в утешении, радость и покой.

В 1489 году Мемлинг выполнил свою, наверное, самую известную работу — раку святой Урсулы. Небольшой ларец имеет форму маленького готического собора, в контрофорсах располагаются фигурки святых. А между аркадами — написанные Мемлингом эпизоды из жизни святой Урсулы. Легенда о святой Урсуле возникла в Кельне во времена Римской империи, в эпоху гонений на христиан. К дочери британского короля Урсуле посватался принц-язычник. Урсула, не желая выходить замуж за нехристианина, решает бежать. В сопровождении десяти своих подруг, девушек из самых благородных семейств, она покидает отцовский дом и Британские острова и оказывается в Европе. Но и там им пришлось несладко. Когда отважные христианки плыли по Рейну в Кельн, на них напали нечестивые гунны. Разбойники предложили девушкам жизнь взамен бесчестья, они, конечно же, предпочли смерть и — стали святыми. Миниатюрные изображения (не более 35 сантиметров высотой) написаны художником виртуозно и с большим теплом. Работа Мемлинга очень понравилась, и 21 октября 1489 года епископ Жиль де Бардемакер торжественно поместил в раку святые реликвии, связанные со святой Урсулой и ее подругами и привезенные им со Святой Земли.

Ханс Мемлинг умер 11 августа 1494 года, окруженный почетом, славой и любовью учеников. Братство "Снежной Богоматери" заказало несколько месс в соборе Брюгге за упокой души покойного. Мемлинга похоронили в церкви святого Эгидия.

Благоговение работ художника осталось в его родном Брюгге и выставлено в том самом госпитале святого Иоанна, который, по легенде, приютил раненого в битве при Нанси художника. Его именем благодарные потомки назвали одну из площадей города, а в центре установили памятник с простой, лаконичной надписью: "Хансу Мемлингу — город Брюгге".

"Мемлинг говорит то, что хочет сказать, с искренностью человека, простого умом и сердцем, с детской непосредственностью, — писал о фламандском художнике выдающийся французский искусствовед Эжен Фромантен. — Он пишет то, перед чем поклоняется, во что верит, пишет так, как в это верит. ...И теперь мы можем иметь представление об исключительной душе Мемлинга и о чуде, какое совершает он в своих картинах". Вот за это чудо мы и благодарны замечательному фламандскому художнику. ■

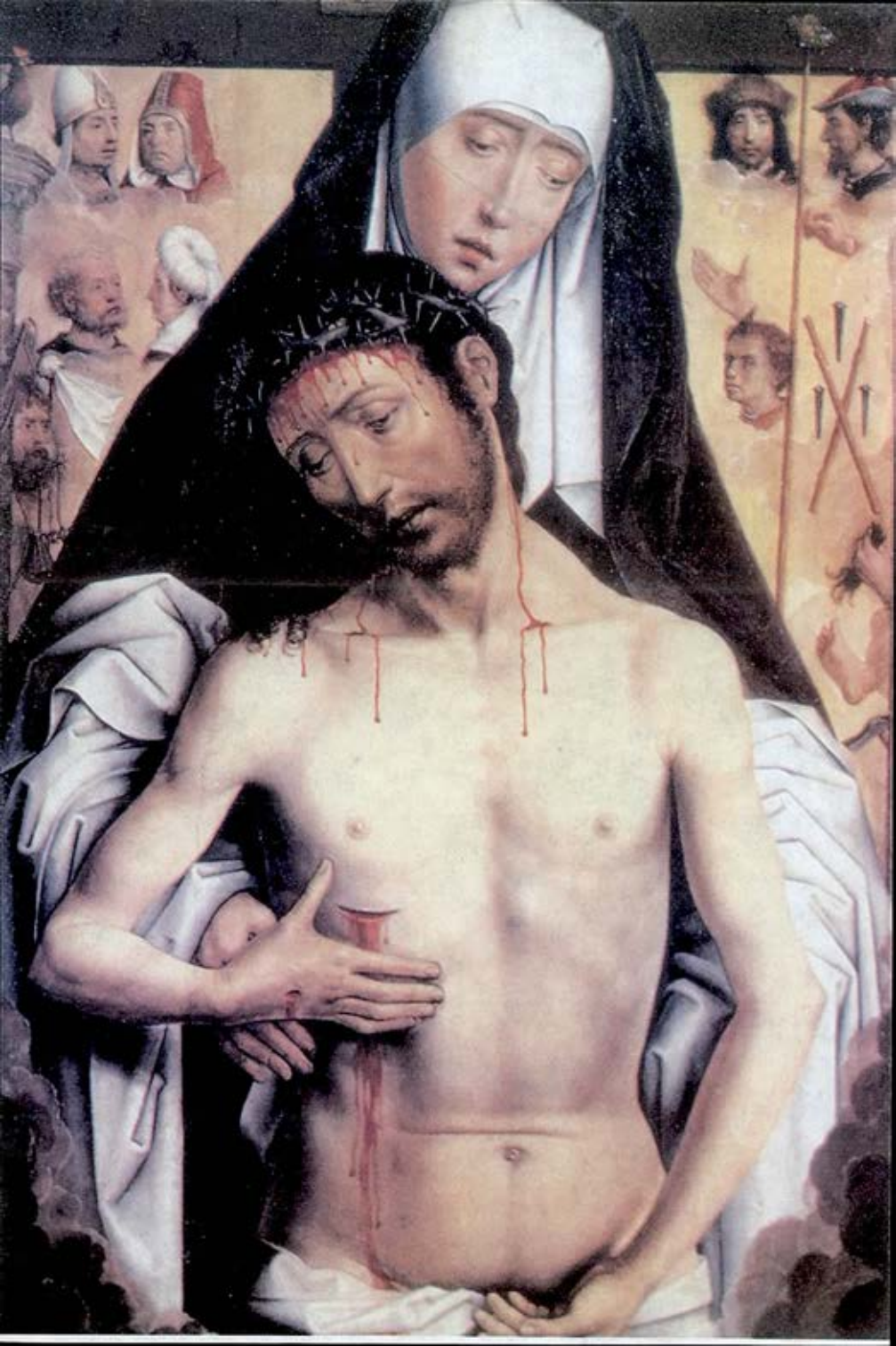
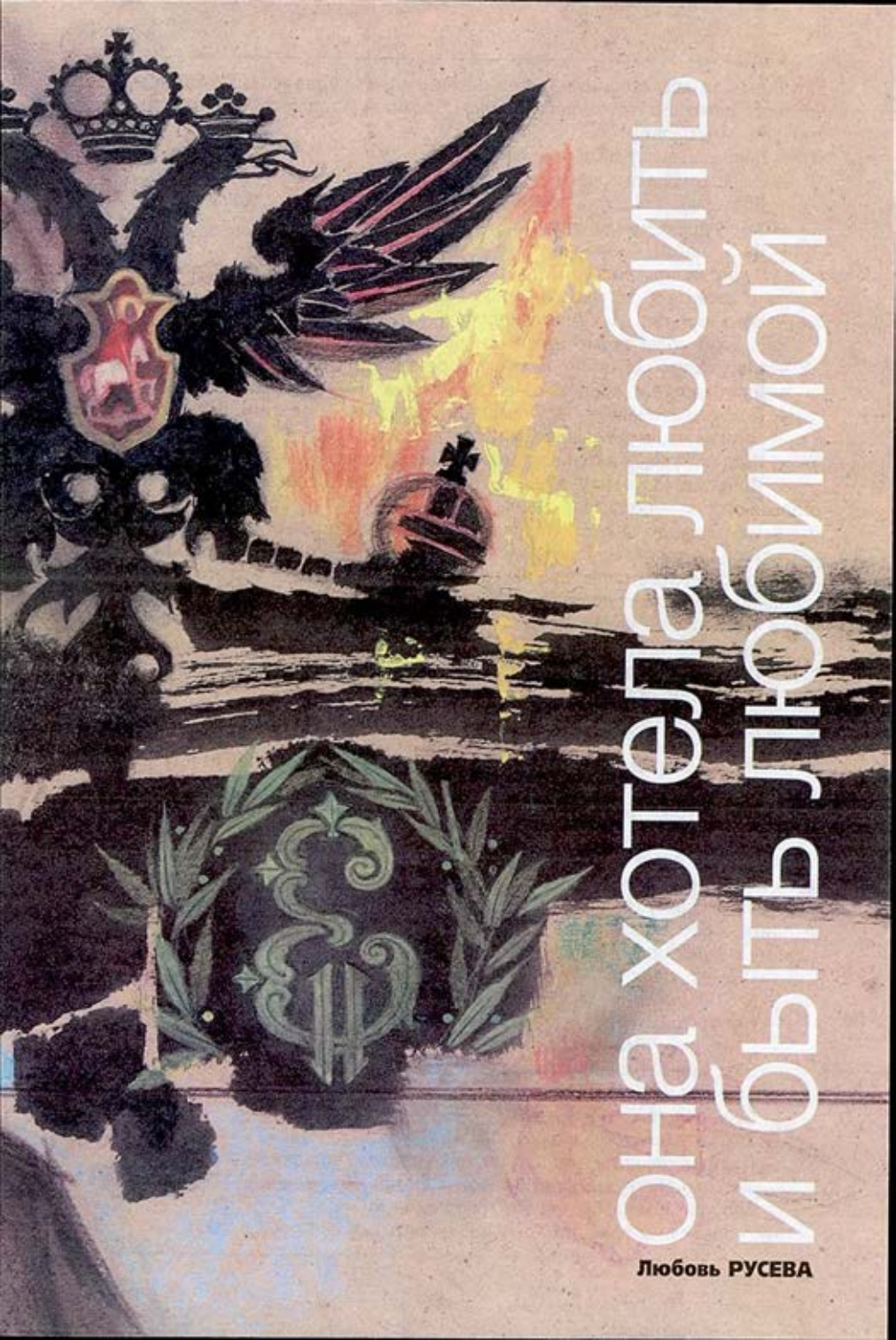

иллюстрация Геннадия Новожилова

ОНА ХОТЕЛА ЛЮБИТЬ
И БЫТЬ ЛЮБИМОЙ

Любовь РУСЕВА

В дверях на Екатерину налетел Нарышкин, и та едва успела отскочить. Сделав несколько шагов, он остановился, бормоча, задрал голову, закатил глаза и стал загибать пальцы.

— Лёвушка, я, случаем, тебя не зашибла?

— Ничего, ваше высочество. Днем раньше, днем позже...

— Да ты бы, нахал, хоть извинился, что меня чуть с ног не сбил.

— Уж лучше я, чем иезуиты.

— Да ты, часом, не заболел? Что за околесицу несешь?

— Ну вот, опять сбился. Да что ты, Екатерина Алексеевна, точно репей пристала?

С утра не сосчитаю, сколько мне на похороны нужно!

— Кого хоронить, Лев Александрович? — всплеснула руками та.

Нарышкин только отмахнулся и снова принялся подсчитывать.

— Матушка-то как себя чувствует? — осторожно спросила Екатерина.

— Благодарю вас, ваше высочество, отменно.

— Похороны-то чьи? — не унималась Екатерина. — Не томи, Лёвушка!

— Да мои, ваше высочество, мои.

— Вот негодник, а я-то и впрямь подумала, преставился кто.

— Конец света на носу, а она — негодник! Голые великаны летают, попы с неба сваливаются да народ дают...

— Ты, гляжу, до самых попиков допился, — рассердилась Екатерина.

— Тебе бы только человека честного оговорить! — обиделся Нарышкин. — Моего кучера от сего светопреставления родимчик хватил, а слугу и вовсе иезуит парящий зашиб. Вот апосля сих демаршей я и стал готовиться к похоронам. Ежели год так начался, то как же он закончится?

— Проспись, дружок, не то и впрямь свихнешься. Шутки у тебя сегодня.

— Лев Александрович не шутит, — прервал перепалку Разумовский.

— Да что произошло?

— На прислугу, что при экипажах стояла, свалились два офицера.

— А при чем тут иезуит?

— Так машкерад вчера был, Екатерина Алексеевна. Вот один из них и был гладиатором, а второй в сутану одет.

— Но Лёвушка твердит, что они по воздуху летали?

— Суцая правда, хотя летели они с третьего этажа. Представьте, стоят мужики, байки травят, вдруг с неба сваливается великан. В темноте-то казалось, что он вовсе голый. Не успели охнуть, как следом святоша прилетел. Сии посланцы небес вскочили в карету графини Румянцевой — и были таковы. Мой кучер твердит, что Атланты, бросив свои ноши, по Петербургу разгуливают, через дворцы скачут да еще и по-русски разговаривают.

— Они что, пари заключили?

— Кто? — выпучил глаза Нарышкин. — Атланты?

— Нет, граф Шувалов застал их в опочивальне своей любовницы.

— Сразу двух?! Но это слишком даже для княгини Куракиной.

— Счастливый соперник графа — один, а что второй там делал, ума не приложу.

— Ваш великан испугался графа?

— Сей вряд ли кого боится.

— Так зачем же тогда в окно прыгать?

— Говорят, спешили очень. А тут кареты прямо под окном.

— Так он, небось, заболел? В такой мороз да обнаженный...

— Здоров. Правда, братец его, говорят, не жилец.

— А брат с ним тоже прыгал? — удивилась Екатерина.

— Да нет, его нашли окоченевшим на набережной с пробитой головой. Да не переживайте вы, ваше высочество, выходят его братья.

— Много ли братьев у этого несчастного?

— Да ты, матушка, никак с луны свалилась?! Ты где живешь-то, что слыхом не слыхивала об Орловых? Да их в Петербурге знает каждая собака, — проворчал Нарышкин.

— Благодарю тебя, Лёвушка, ты сегодня на редкость учтив. Собака, может, и каждая знает, да я пока еще великая княгиня.

— Орловых, ваше высочество, пятеро, и все богатыри да красавцы.

— А тот, что летал...

— Его зовут Григорием, он адъютант графа Шувалова.

— Не тот ли это офицер, что привез в Петербург графа Шверина? — Она вспомнила красавца-офицера, которого видела в кабинете супруга. — Граф ему этого не простит.

— Да уж, не желал бы я быть на его месте, — ответил Разумовский. — Он сейчас под арестом, и граф поклялся его уничтожить.

Екатерина не любила Шувалова, и ей захотелось спасти офицера.

— Кирилл Григорьевич, прошу тебя, замолви словечко за несчастного, поговори с братом.

— Желание вашего высочества для меня закон.

— Орлов не Стась, — хмыкнул Нарышкин, когда тот ушел. — Он даже под угрозой смерти не желает отступить от дамы.

Слова эти больно кольнули великую княгиню. Да, ей нужен такой, как Орлов. Ей нужен не просто возлюбленный, а сильный мужчина, который сумеет ее защитить, на которого можно было опереться, который бы ее любил. Она страстно хотела любить и быть любимой. Она завоеует Орлова!

— Бедная девочка, надо же уродиться такой некрасивой!

Подобные реплики часто слышала маленькая принцесса София-Фридерика-Августа. Она родилась 21 апреля (1 мая) 1729 года в Померании в городе Штеттине*, где принц Ангальт-Цербстский, служивший прусскому королю, был комендантом, а затем губернатором. День рождения девочки пришелся в праздник, в Штеттине звонили во все колокола, что сочли благим предзнаменованием. Однако в семье ждали мальчика, потому мать и не обрадовалась появлению на свет Софии. Любимцем Иоганне-Елизаветы стал сын, дочь же раздражала, и она часто награждала ее пощечинами. Но гораздо более оказывались нравственные оплеухи матери.

— Софи, при такой непривлекательной внешности ты должна стать нравственным совершенством, чтоб не отпугивать людей.

"Не знаю наверное, была ли я действительно некрасива в детстве, — писала она в воспоминаниях, — но я хорошо знаю, что мне много твердили об этом и говорили, что поэтому мне следовало позаботиться о приобретении ума и достоинств, так что я была убеждена до 14 или 15 лет, будто я совсем дурнушка, и я действительно гораздо больше старалась о приобретении достоинств, нежели думала о своей наружности".

Сама мать мало заботилась о воспитании дочери. В Гамбурге Софию впервые увидел шведский вельможа граф Геннингс-Адольф Гюлленборг. Этот умный, уже не молодой человек, сразу обратил внимание на девочку и попенял Иоганне-Елизавете, которая его уважала, за невнимание к дочери.

* Ныне польский город Щецин.

— Вы напрасно мало цените свою дочь и не обращаете на нее внимания. Это несправедливо, потому что она не по летам развита, у нее философское расположение ума.

Екатерина не лукавила, когда писала, что "гораздо больше старалась о приобретении достоинств, нежели думала о своей наружности". Внушения, что она не создана для любви, и женское счастье не ее удел, привели к тому, что ни она, ни окружающие не заметили произошедшей в ней метаморфозы. Внимание к Софии принца Генриха и других кавалеров не воспринимались ухаживанием. "К 14 годам София из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя, — пишет историк Ольга Елисеєва, — а место постоянных насмешек и придирок со стороны матери заняла глухая ревность. Но юную принцессу уже не так легко было остановить..."

В это время София познакомилась с одним из своих дядей — принцем голштинским. Веселый Георг-Людвиг был старше ее на 10 лет. Первой на ухаживания принца обратила внимание гувернантка Бабет Кардель, но ее словам не придали значения. Однако вскоре принц признался в любви и сделал племяннице предложение. Такой поворот поразил Софию: она не только не отпугивает людей, но может вызвать возвышенные чувства, причем эти чувства она внушила не уроду. "Он был тогда очень красив, — запишет она позже, — глаза у него были чудесные, он знал мой характер, я уже свыклась с ним, он начал мне нравиться и я не избегала его".

— Я согласна выйти за вас замуж, если мои родители не будут против.

Иоганна-Елизавета увозит дочь из Гамбурга в Цербст, чтобы провести Рождество в семейном кругу. София рисовала в своем воображении будущую жизнь и торжествовала в душе над матерью. Но в судьбу юной принцессы вмешалась большая политика. Русская императрица Елизавета Петровна, обеспокоенная судьбой трона, спешила женить племянника, не отличавшегося крепким здоровьем. Вопрос о выборе невесты был очень важен, а борьба партий — ожесточенной: каждая выдвинула свою кандидатуру. Сторонников ангальт-цербстской принцессы поддержали французский дипломат Шетарди и прусский — Мардефельд. Чрезвычайно заинтересован в этом вопросе был и Фридрих II. В своих записках он отмечал: "Из немецких принцесс, могших быть невестами, принцесса Цербстская более всех годилась для России и соответствовала прусским интересам. Ее отец был фельдмаршалом королевской службы; ее мать — принцесса Голштинская, сестра наследника Шведского престола и тетка великого князя Русского. Мы не войдем в подробности переговоров; довольно знать, что надобно было употреблять такие усилия, как будто дело шло о величайшем интересе в мире..."

Гром грянул утром 1 января 1744 года. В Цербст из Берлина доставили письмо опекуна наследника русского престола Брюммера, который писал Иоганне-Елизавете: "...По приказанию ея императорского величества, я должен вам внушить, чтоб ваша светлость, в сопровождении старшей дочери, немедленно приехали в Россию. Ваша светлость, конечно, поймет, почему ея величество так сильно желает видеть вас здесь..."

В тот же день ее светлости вручили письмо от самого короля Фридриха: "...Целю вас и принцессу... я стал обдумывать, нет ли возможности сочетать ее с ея кузеном, ныне Русским великим князем. Я действовал... разумеется, в величайшей тайне, что, надеюсь, не будет вам неприятно, и хотя, конечно, не обошлось без некоторых затруднений, особливо по отношению к кровной близости между принцессой и великим князем..."

Но мать не сразу дала согласие. Ее разговор с отцом услышала София.

— Если вам действительно делают подобное предложение из России, — заявила она матери, — то не следует отказываться. Это счастье для меня.

— А мой бедный брат Георг, что он скажет?

— Он только может желать моего благополучия и счастья.

12 января принцессы отправились в путь. София ехала с твердым намерением вызвать глубокие чувства наследника (теперь она знала, что может нравиться), стать верной любящей женой и доброй государыней. Но вместо любви ее ждали унижение и оскорбления. Светские дамы, открыто разглядывая ее, презрительно сжимали губы, а служанки смеялись над нищенским гардеробом и худобой. Жених же постоянно признавался в любви к другим и просил совета, как понравиться очередной пассии. Но все впереди, она сумеет заслужить его доверие, он по достоинству оценит ее. И вот свадьба, первая брачная ночь. Дамы, раздев и уложив Екатерину, удалились. Более двух часов она не знала, что делать: то ли оставаться в постели, то ли встать? Наконец Петр, плотно поужинав, явился, лег на брачное ложе и заснул. Позже Екатерина признается:

— Муж мой не терпел меня и сам не мог внушить мне ни любви, ни уважения, тетка Елизавета Петровна обходилась со мной довольно ласково, но чуждалась сблизиться со мною и мало мне доверяла. Все глядели на меня с досадой и даже с презрением. Дочь прусского генерал-майора собирается быть русской императрицей! Однажды в большом доме, в многолюдном обществе, когда речь зашла обо мне, стали меня осмеивать, унижать, только что не бранить. Вдруг бабушка хозяина, современница Петра Великого, за меня вступилась, стала уверять, что при дворе еще не было подобной мне принцессы и что я предназначена судьбой составить счастье и славу России. Все приутихли... с тех пор ни одно оскорбительное слово не было произнесено на мой счет в этом доме...

В этом доме нет, но при дворе судачили о ее неполноценности: второй-то наследник не появляется на свет. Чету лишили общества и принудили постоянно находиться вместе. За молодыми следят. Государыня с нетерпением ждет результата. Екатерина же в это время часами стоит с мушкетом на плече у дверей, или же Петр обучает ее ружейным приемам.

— Мне казалось, что я годилась для чего-нибудь другого.

В 21 год, после 6 лет замужества, она оставалась девственницей. О любви к другому не может быть и речи. Елизавета стала косо смотреть на Екатерину, придирается по пустякам. Наконец разразился скандал.

— Государыня гневается на вас за то, что вы, будучи замужем столько лет, не имеете детей! — выговаривала Чоглокова. — И вина в этом ваша. Очевидно, у вас в телосложении скрытый недостаток, о котором никто не знал. Поэтому государыня пришлет вам повивальную бабку для осмотра.

Петр вступился за жену и резко ответил по поводу детей и осмотра; "разговор между ними принял очень бурный характер; они высказали друг другу всевозможные горькие истины, я тем временем плакала и дала им наговориться". О причине ее слез поинтересовалась Владиславава.

— Как же можете вы быть виноватой в том, что у вас нет детей, тогда как вы еще девица?! Императрица не может этого не знать, и Чоглокова большая дура, что передает вам такие разговоры. Ее величество должны обвинять своего племянника и самое себя, женив его слишком молодым. Я доложу государыне об истинном положении, как я его понимаю!

Истина оказалась чрезвычайно горькой, ее подтвердили врачи. Тем не менее, России нужен наследник, законность которого признает Европа. И она признает родившегося Павла благодаря сложным хитростям канцлера и императрицы. Их действия мы с вами, спустя 250 лет, обязаны тому, что нас потчуют двухтомниками "любowników" Екатерины Великой, что на протяжении веков "обсасывается" ее безнравств-

венность и распущенность. В полной мере о роли Елизаветы и Бестужева в дальнейшей ее судьбе Екатерина узнает только после восшествия на престол. А пока...

В сентябре 1751 года камер-юнкер Сергей Салтыков стал камергером двора. Его то и наметил в любовники Екатерине Бестужев. "Он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравниться ни при большом дворе, ни тем более при нашем... Ему было 26 лет; вообще и по рождению, и по другим качествам это был кавалер выдающийся..." Этот кавалер не упускал случая выразить свое восхищение великой княгиней. Они виделись в присутствии двора, что не мешало ему обольщать ее своим красноречием. Во время охоты, когда все увлеклись погоней за зайцами, Салтыков остался наедине с Екатериной и страстно заговорил о любви.

— Позвольте мне надеяться, что вы, по крайней мере, ко мне не равнодушны, — умолял Салтыков.

— Я не могу помешать игре ташего воображения. Сергей Васильевич, езжайте прочь. Наш долгий разговор может стать подозрительным.

— Я не уеду, пока вы не скажете, что не равнодушны ко мне.

— Да, да, но только убирайтесь!

— Я это запомню! — воскликнул Салтыков и пришпорил коня.

— Нет! Нет! — крикнула вслед великая княгиня.

— Да! Да! — послышалось в ответ.

В "Записках" Екатерина не скрывала своего счастья. Наконец-то она почувствовала себя желанной. Но атака велась с двух направлений. Как-то к ней подошла Чоглокова и заявила, что должна поговорить очень серьезно. Начала же с уверения в своей привязанности к мужу, о взаимной любви...

— Но бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключение из правил. Вы увидите, как я люблю свое Отечество!

В доказательство любви к Отечеству Чоглокова предложила Екатерине выбор: Салтыков или Нарышкин, причем особо выделила последнего. Оно и понятно — тот был в родстве с императрицей. Разговор этот насторожил Екатерину. Опытный Бестужев видел, что творится с великой княгиней: она влюблена, но не решается на сближение. И канцлер решил поговорить сам. Такое бесцеремонное вторжение в душу оскорбило и вызвало протест. "Она негодовала, угрожала... — писал позже секретарь французского посольства. — Он внушил ей, что препоручение сие делается со стороны тех, кому она намерена жаловаться... он представил, каким опасностям подвергает она Империю, если не примет сей предосторожности, какие меры... могут быть приняты против нее самой..."

Как только роман принес свои плоды, за великокняжеской четой стал присматривать начальник Тайной канцелярии Шувалов. "Какую цель тут преследовала Елизавета Петровна, — пишет Олег Александрович Иванов, — нетрудно догадаться: пресечение всяких разговоров вокруг великого князя и княгини". Салтыков свое выполнил, и его необходимо было удалить, но, зная, что он значит для Екатерины, решили подождать до ее разрешения от бремени. Через 17 дней после рождения Павла камергер покидает Россию. Екатерина страдает, просит Бестужева вернуть любимого человека.

— Ваше высочество, государи не должны любить. Вам потребно было, чтоб Салтыков вашему высочеству служил. Он выполнил поручение по предназначению, ныне польза службь всемиловитвейшей императрицы требует, чтоб он служил в качестве посла в Швеции. Высочайшая воля монархини для всех и для каждого есть священный закон.

Какое потрясение! Какое унижение и удар по женскому самолюбию! Значит, не только она уступила Сергею по приказу, но и сам он ухаживал за ней по той же причине. Значит, его страстные признания вызваны не ее обаянием. "Внутреннее опусто-

шение, нервный срыв и как результат долгого и мучительного издевательства над человеческой душой — серьезный психологический комплекс женской неполноценности, оставшийся с великой княгиней на всю жизнь, — пишет Елисеева. — Отныне для Екатерины становится необходимым постоянно доказывать свою дамскую привлекательность, причем... самой себе".

Вскоре Екатерине стало известно, что ее Салтыков, находясь за границей, распространяет слухи о ее распущенности, но только после восшествия на престол она узнает, чьи он выполнял распоряжения. Одновременно с началом романа между великой княгиней и камергером послы стали доносить своим дворам, что Петр успешно перенес операцию — теперь он способен иметь детей, и можно ожидать наследника. Тот родился 20 сентября 1754 года. Кстати, Екатерина в своих "Записках" называла Павла исключительно "мой сын" и никогда — "наш".

Но раз фимоз Петра Федоровича устранен, значит, должны родиться еще дети. Но откуда им взяться? Об этом снова позаботился великий канцлер, о чем писал в своих мемуарах приехавший в Россию в 1755 году Станислав Понятовский: "Тщетно пытался он подбирать ей любовников. Он наметил, в частности, некоего графа Лансдорфа; граф представлялся ко двору в тот же день, что и я, и любопытные придворные стали уже вечером расхваливать его принцессе, а она ответила, что из двоих иностранцев поляк подходит ей больше..." Фразу, сказанную без особого умысла, подхватили моментально. С одной стороны, Нарышкин расхваливал Понятовскому Екатерину, с другой — постоянно твердил ей о достоинствах и красоте поляка. "Что же касается меня, — писал будущий король Польши, — то я долго избегал говорить с ним наедине — так опасался я коварства и шпионажа при любом дворе, но, особенно, страшных бед, грозивших каждому при дворе российском. Я находился под впечатлением рассказов об ужасном правлении Анны Иоанновны, одно имя которой все еще заставляло трепетать русских..." Но старания канцлера и Нарышкина увенчались успехом: тот влюбился и забыл, что существует Сибирь. Его привели к Екатерине, не предупреждая о визите. "Она никак не могла постичь... каким образом я совершенно реально оказался в ее комнате, да и я, впоследствии, неоднократно спрашивал себя, как удалось мне, проходя в дни приемов мимо стольких часовых и разного рода распорядителей, беспрепятственно проникать в места, на которые я, находясь в толпе, и взглянуть-то толком не смел..." Зато это хорошо знал канцлер.

Понятовский во всех отношениях выгодно отличался от Салтыкова, и в Екатерине снова заговорила женщина. Бестужев добился от саксонского кабинета министров его возвращения с официальными полномочиями. "Казалось, радость переполняет Екатерину до краев, — пишет Елисеева. — Стась был не просто красив, нежен, образован... он обладал еще и тем невыразимым шармом, который сводит с ума детей севе-вера... Нет, бедный Стась не изменил великой княгине. Он поступил хуже..."

В игру вступил Петр Федорович и едва не спутал все карты.

— Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность... — заметил он Нарышкину.

В это время великий князь уже подумывал избавиться от Екатерины и жениться на Воронцовой. Он начал мстить жене и за свое бессилие, и за родившегося наследника. Несмотря на его многолетний роман с этой женщиной, у них детей не было. Впоследствии Воронцова выдадут замуж, и у нее родится дочь, которую Екатерина II определит в свои фрейлины. Петр знал, как уязвить жену: он подкараулил польского дипломата и сдал его Шувалову. Елизавета приказала выпустить Понятовского. После чего и разыгралась следующая сцена в Монплезире, описанная "Стасем".

— Ну не безумец ли ты! Что стоило своевременно признаться? Никакой чепухи бы не было... Раз мы теперь добрые друзья, здесь явно еще кого-то не хватает!

Петр направился в комнату жены, вытащил ее из постели, дал натянуть только чулки без туфель, накинуть платье без нижней юбки и в этом наряде привел ее к Понятовскому и другим гостям. Дипломат был рад, что теперь ему и его возлюбленной ничего не грозит, и веселился. "Так что же, собственно, сделал очаровательный Стась? — продолжает Ольга Елисеева. — Ничего. В том-то и беда, что милый польский дипломат позволил у себя на глазах оскорбить Екатерину... Понятовский так до конца жизни и не понял, что именно тогда погубил себя в глазах Екатерины..."

Канцлер мог быть доволен: великий князь второй раз стал отцом — в 1757 году Екатерина родила дочь, названную именем матери Петра Анной. Вскоре Стась уехал — его официальные полномочия закончились. Впоследствии, став императрицей и сделав Понятовского королем Польши, она откажется выйти замуж за него. У нее появился Григорий Орлов, но это был уже ее выбор. В этом мужчине для нее личные чувства соединились с политическим интересом. Полюбила она его не только за четыре гвардейских полка, которые доставили ей корону, но и за его рост, красоту, доброту, молодецкую удаль и отвагу. Это была самая большая привязанность в ее жизни, и на протяжении долгих лет он единственный занимал в ее сердце место. Чувство императрицы было настолько сильно, что она мечтала стать его женой. За дело снова взялся Бестужев, но на этот раз безуспешно.

— Государыня может делать все, что ей угодно, но графиня Орлова никогда не будет императрицей! — выразил мнение большинства Панин.

Более 10-ти лет они шли рука об руку, но чувства не вечны: Григорий страстно полюбил свою кузину. Екатерина впала в депрессию. Ее письма к любимому читать без слез трудно. Но она не желала удерживать рядом человека, разлюбившего ее. Более того, когда Сенат постановил развести Орлова с супругой и заключить их в монастырь, Екатерина разорвала подготовленный указ.

— Орлову я обязана тем, чем я емь!

В "Чистосердечной исповеди" Потемкину она писала о Григории: "Сей бы век остался, если б сам не скупал, я сие узнала в самой день его отъезда на конгресс из Села Царского... мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор коя-какой... я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года..."

Екатерина не лукавила. От отчаяния она "пригрела" Васильчикова — ставленника Панина. В век фаворитизма она обязана была иметь фаворита, но найденные ее собственноручные записки к нему свидетельствуют, что близости как таковой не было. На жалобы и недовольства Васильчикова она отписывалась занятостью государственными делами, утешала его тем, что он может по утрам видеть ее в кругу самых влиятельных вельмож.

Следующим ее выбором стал Григорий Александрович Потемкин, который безнадежно любил ее вот уже 12 лет. Жажда любить и быть любимой заставляют императрицу вызвать его с театра военных действий. Екатерина в "Чистосердечной исповеди" поведала и об истории взаимоотношений с Салтыковым и Понятовским: "Но Господин Богатырь, после исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих, изволишь видеть, что не пятнадцать, не третья доля из сих, перваго по неволе да четвертаго из дешперации, я думала на счёт легкомыслия поставить никак не можно, а о трех прочих, есть ли точно разберешь; Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если б я в участь получила с молода мужа, котораго бы любить могла, я бы вечно к нему не переменялась. Беда то, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают такой пороки людския покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статья может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель, но напрасно я сие

к тебе пишу, ибо после того влюбишь или не захочешь в армию ехать. Боюсь, чтоб я тебя позабыла, но право не думаю, чтоб такую глупость сделала, а если хочешь, навек меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче любви и говори правду”.

Потемкин приехал, и терять его по прихоти вельмож она не намерена. Наученная горьким опытом, Екатерина венчается тайно. Это произошло 30 мая 1774 года в церкви Самсония. “Какие счастливые часы я с тобой провожу... Я отроду так счастлива не была, как с тобою. Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно пробалтывает страсть. Знатно, что полно налито, и оттого проливается”.

Но это было вначале, тайный брак имел свою негативную сторону: супруги не могли встречаться открыто. Екатерина, вставая в 5 утра, отправлялась к нему в покои, но с досадой замечала, что деятельный Потемкин уже на ногах и его секретари спуют по коридорам с бумагами. Ее муж и сопровитель часто с ней спорил по государственному вопросам, что отразилось на их чувстве. “Мы ссоримся о власти, а не о любви”, — с грустью писала она. В конце концов, Великая Екатерина стала перед выбором: сохранить Потемкина как государственного деятеля или как возлюбленного. Разрыв оба пережили болезненно, но, потеряв в лице мужа любовника, она приобрела надежного друга.

А как же женское сердце, требующее любви? Екатерина была настолько обаятельна, что вызывала сильные чувства в мужчинах до конца своих дней. Она же выбирала только достойных, причем способных к государственной деятельности. “Этот красный кафтан, — писала Екатерина о Мамонове, — облакает существо, обладающее прекраснейшим сердцем вместе с большим запасом честности; уже хватит на четверых; неистощимый запас веселости, замечательная оригинальность во взглядах на вещи и в способе выражения этого взгляда, удивительная благовоспитанность и острое знание всего, что придает блеск уму...”

И снова удар, оказывается, Александр увлекся ее фрейлиной, а она узнала об этом только спустя несколько месяцев. Екатерина соглашается на брак, что сделало его несчастным. Мамонов вдруг понял, что любит по-настоящему только Екатерину. Свой дом он украсил ее портретами и бюстами.

Другой фаворит, Завадовский, после “отставки” так никогда и не женился, он также, несмотря на разницу в возрасте, страстно любил ее.

Большое чувство испытала Екатерина к Ланскому, его смерть она пережила очень тяжело. Императрица писала Гримму: “...рыдая, объявляю вам, что генерала Ланского нет более на свете. Злокачественная горячка, усложнившаяся жабой, свела его в пять суток в могилу, и комната моя, прежде столь мне любезная, стала для меня пустою пещерою, где я едва двигаюсь, как тень...” “Выйти из тяжелого состояния помогли Федор Орлов и муж. “Оба они взялись за дело умеючи. Они начали с того, что принялись выть заодно со мною; тогда я почувствовала, что мне с ними по себе, но конца еще было далеко. От слишком сильного возбуждения я сделалась бесчувственной ко всему, кроме горя...”

Последней сердечной привязанностью этой великой женщины был Платон Зубов. Мнение о нем, как о пустом и бездарном человеке, не верно — Екатерина не терпела около себя посредственности. И горе Зубова после кончины государыни было искренним — он плакал о возлюбленной, а не о покровительнице.

Последним же сильным моральным ударом для Екатерины явилась смерть ее супруга и сопровителя. Она почувствовала опустошение и стала угасать. 6 ноября 1796 года Екатерина Алексеевна — великая государыня и великая женщина — скончалась. Она умела любить, и была любимой.

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

СО СМЕРТЬЮ ОТДУНА

Рут Рэнделл

Сент-Эванс
...еще над мной нависают
тучи и грозы: / где-то в
дальней дали / слышны
голоса / и вдали
над всем / возмущенно
вздыхают / и вдали
над всем / возмущенно
вздыхают / и вдали

Ты разбила мое сердце. Я пишу эти слова, но не для тебя, Минна. Письмо никогда не будет отправлено, и поэтому твой маленький, всегда строго поджатый ротик, не разразится мелодичным, как колокольчик, смехом.

Как рассказать тебе, Минна, о Музе, ожидающей меня? Мне так хотелось бродить с тобой рука об руку по сводчатым залам Геликона, где бьют весенние ключи! Нас ожидала бы пища духовная, где хлеб — проза, а вино — поэзия. Да, вино, Минна...

Ярко-красное, как кровь трубадура!

Но никогда мне не совершить такое путешествие с тобой, потому что вино ты превратила в пресную воду безразличия, а мой обернутый в золотую бумагу хлеб ты спрятала в кувшине презрения...

Глава первая

— Мне кажется, вы зря так волнуетесь, мистер Парсонс, — говорил Берден. Он устал, ему пора было уходить, сегодня он собирался пойти с женой в кино. К тому же, когда Парсонс ввел его в комнату, первое, что Берден заметил, были книги на полке рядом с камином. Их названия могли заставить и спокойного человека затрястись от страха, а уж неуравновешенного и вовсе выбить из колеи: "Палмер-отравитель", "Три утопленницы-невесты", "Суд над Маделин Смит", "Самые скандальные дела британских судов".

— Вам не кажется, что чтение таких книг могло повлиять на ваше состояние, скажем, вызвать необоснованную тревогу? — спросил Берден.

— Меня интересуют криминальные истории, — ответил Парсонс, — это мое хобби.

— Я вижу. — Берден не собирался усаживаться здесь, он всячески избегал такой возможности. — Послушайте, вы не можете пока быть уверены, что ваша жена пропала. Вы пришли домой всего полтора часа назад. Ее не оказалось дома. Но она, вероятно, просто отправилась в кино. Я и сам туда тороплюсь, должен еще зайти за женой. Наверное, мы увидим, как миссис Парсонс выходит оттуда.

— Маргарет никогда бы так не поступила, мистер Берден. Я ее знаю, а вы — нет. Мы женаты почти шесть лет, и за все эти годы, приходя домой, я ни разу не нашел его пустым.

— Вот что мы сделаем. Я зайду к вам на обратном пути. Но могу поставить свой последний доллар, что она к тому времени будет дома. — Берден направился к двери. — Но вы можете зайти в участок и оставить заявление. От этого вреда не будет.

— Нет. Я обратился к вам, потому что вы живете рядом, и вы инспектор...

И еще в мой выходной день, думал Берден, сидя с женой в полутемном зале кинотеатра. Если бы я был доктором, а не полицейским, то смог бы подрабатывать на стороне. И ручаюсь, он не прибежал бы ко мне за помощью, если бы речь шла о гонораре за визит...

— Послушай, любовь моя, — обратился он к жене, — я больше не могу этого выносить. Ты оставайся, досмотри фильм до конца. А я должен вернуться к Парсонсу.

— Мне надо было выйти за того репортера, который так красиво за мной ухаживал.

— Ты шутишь. Он все ночи проводит в редакции, выпуская газету, так говорит, а сам, наверное, в это время а секретаршей редактора.

Берден поспешил вверх по Табард-роуд, направляясь к викторианскому дому, где жили Парсонсы. Света в доме не было, шторы задернуты на больших "фонар-

ных" окнах. Белели ступеньки, блестела начищенная ручка двери. Миссис Парсонс, видимо, хорошая хозяйка.

Не успел он постучать, как Парсонс открыл дверь. Он по-прежнему был одет в свой отглаженный поношенный костюм, галстук аккуратно повязан, но лицо имело какой-то зеленовато-серый оттенок, напоминавший Бердену утопленника, которого тот как-то видел в полицейском морге.

— Она так и не пришла, — произнес Парсонс. Голос звучал хрипло, как будто у него было простужено горло. Вероятно, от напряжения и страха.

— Давайте-ка выпьем чаю, — предложил Берден. — Выпьем по чашке и обсудим все.

— Я не перестаю думать о том, что с ней могло случиться. Здесь кругом окрестная местность. Как и во всех деревнях.

— Вы начитались своих книг, — заметил Берден, — это плохо. — Он снова взглянул на блестящие обложки. На одной был изображен ворох пистолетов и ножей на кроваво-красном фоне. — Слишком сильно действует на обычного человека. Могу я от вас позвонить?

— Телефон в передней.

— Я позвоню в участок. Может быть, к ним поступили сведения из больницы.

Передняя комната выглядела так, как будто сюда никогда никто не заходил. С чувством некоторого смущения Берден отметил убогость обстановки. Он бывал во многих домах и видел немало антикварной мебели. Но это не тот случай: мебель просто была очень старой. Берден услышал звяканье посуды на кухне и свисток чайника. Вдруг раздался звон — упала и разбилась чашка.

— Я заявил о вашей жене. Сказал, что она пропала. — Берден вернулся в комнату. — Из больницы ничего не поступало. Вы не представляете даже, куда могла уйти ваша жена?

— Я все время думаю об этом, просто мозги свернул. Но ничего не могу придумать.

— Как насчет друзей? Матери?

— Ее мать умерла, а друзей у нас здесь нет. Мы переехали всего шесть месяцев назад.

Берден помешал чай ложечкой. За окном, казалось, сгустилась непроглядная влажная мгла. Здесь, в этом темном, угрюмом доме, наверное, всегда кажется, что за окнами зима.

— Послушайте, — снова заговорил Берден, — мне неприятно об этом спрашивать, но кто-то все равно обязан будет спросить. Пусть это буду я. Могла она сбежать из дома с другим мужчиной? Простите, что спрашиваю, но приходится.

— Разумеется, вы обязаны спросить об этом. Но вы ошибаетесь. Только не Маргарет. Это просто смехотворно. Маргарет — порядочная женщина. Очень необходимая.

— Надо осмотреть все комнаты. Пошли, — предложил Берден.

Свет в холле был еще слабее, чем в комнате. Маленькая лампочка тускло освещала розовую тканую дорожку и линолеум, в полумраке рисунком напоминающий паркет, только светлее тоном. Парсонс направился к лестнице, ведущей наверх, и инспектор вслед за ним поднялся по крутым ступенькам.

— Я уже осматривал спальни, — произнес Парсонс. — Святые Небеса, ведь она могла лежать наверху, беспомощная, все это время!

Берден распахнул дверь, оказавшуюся перед ним. Он почти был уверен, что они найдут там хозяйку дома, расprostертую на полу, ему хотелось как можно скорее обнаружить ее и покончить с этим делом. Его пугало выражение лица Парсонса,

когда тот поднимался по лестнице, а еще он представлял реакцию шефа Уэксфорда, если женщина до сих пор все это время находилась наверху.

Из комнаты повеяло холодной сыростью, в воздухе плывал запах нафталина. Окошко было не занавешено. Полная светлая луна плавала в черном квадрате окна, на нее напоззали края облака.

— Ее здесь нет, — упавшим голосом произнес Парсонс.

— Посмотрим в других местах, — высказался Берден, и они прошли в соседнюю комнату.

Она была меньше первой, но там стояла кое-какая мебель. Берден проверил шкаф, открыл крышки двух чемоданов.

— Сейчас половина одиннадцатого, — взглянув на свои часы, отметил он. — Последний поезд придет не раньше часу ночи. Она может приехать на нем.

— Она никуда не могла уехать на поезде. — В голосе Парсонса зазвучали упрямые нотки.

— Тогда обзвоните ее знакомых и друзей по церкви, — предложил Берден, направляясь к выходу. Если бы Парсонс знал, сколько они получают заявлений о пропавших женщинах, и какой маленький процент оборачивается тем, что находят потом в поле или в чемоданах.

— В такое время? — Предложение Бердена удивило Парсонса.

— Примите пару таблеток аспирина и попытайтесь уснуть, — посоветовал Берден. — Если что-то произойдет, позвоните мне. В участок мы заявим. Пока больше ничего нельзя предпринять. Они сразу вас оповестят, если что-то обнаружится.

Придя домой, он сообщил жене:

— Она не вернулась.

— Знаешь, это странно, Майк. Я бы сказала, она последняя из женщин в городе, о ком можно было бы подумать, что она сбежала с мужчиной. Никогда не поверила бы.

— Она такая невзрачная?

— Ну нет, не сказала бы, — ответила Джин. — Она выглядит... ну очень... домашней. Знаешь, туфли на низком каблучке, никакой косметики, перманент с тугими кудряшками. Ты понимаешь, о чем я. Наверняка с ней встречался.

— Может быть. Но не запомнил.

— Я не назвала бы ее некрасивой. У нее до смешного старомодное лицо, такое можно встретить в семейных альбомах. Можешь им не восхищаться, но никогда не забудешь.

— А я забыл, — бросил Берден, тут же выкинув из головы миссис Парсонс.

Глава вторая

Телефон разбудил Бердена в семь утра.

— Я слушаю...

— Это Рональд Парсонс. Она не вернулась. И... мистер Берден... знаете, она ушла без пальто.

— Вы уверены?

— Я не мог уснуть. Начал просматривать ее одежду. Она не надела ничего из верхней одежды. У нее только три вещи: плащ, зимнее пальто и старое, в котором она работает в саду. Костюм висит в шкафу. Я думаю, на ней было только хлопчатобумажное платье, новое. — Парсонс замялся и кашлянул. — Она сама его сшила.

— Я заеду за вами через полчаса, и мы поедем в участок.

Парсонс был полностью одет, даже побрился. В маленьких глазках сквозил ужас. Чашки, из которых они пили вчера чай, стояли вымытые в деревянной самодельной сушилке. Бердена восхитила эта врожденная приверженность к порядку, не позволявшая Парсонсу расслабиться. Он машинально поддерживал привычный порядок в доме.

— Вы готовы? — спросил Берден. Парсонс запер заднюю дверь огромным ключом, руки его тряслись. — У вас есть с собой фотография?

— В кармане.

Проходя через столовую, Берден опять бросил взгляд на яркие обложки книг. Теперь, с наступлением утра, когда хозяйка дома все еще не появилась, Берден подумал, что эта история может вскоре присоединиться к хронике известных зловещих преступлений.

Здание полицейского участка находилось на въезде в город, как предупреждающий или охранный бастион. Новое, белое, квадратное, как упаковка мыла, довольно нелепое, по мнению Бердена, оно сияло белизной и безвкусицей, как пасторальная открытка.

Берден наблюдал за реакцией Парсонса, когда тот переступил порог участка. Все вели себя по-разному: некоторые пугались, у других появлялось выражение осторожности, свойственное гражданам при контакте с полицией. Но Парсонс ничего не замечал, погрязший в тревогу и смятение.

Берден постучал в дверь Уэксфорда и, услышав разрешение войти, открыл дверь.

— Мистер Парсонс ждет в холле, сэр.

— Хорошо. — Уэксфорд взглянул на часы. — Я его сейчас приму.

Он был выше Бердена, плотно скроенный, но не толстый, пятидесяти двух лет от роду, и очень походил на одного из тех актеров, которые играют роли высших полицейских чинов в кино.

Парсонс вошел, явно нервничая. Он огляделся, и на его лице появилось вызывающее выражение, как будто он заранее знал, что здесь его человеческое достоинство будет ущемлено, и готовился защищать себя.

— Понимаю ваше беспокойство, — заговорил Уэксфорд сильным ровным голосом, лишенным интонаций. — Инспектор Берден доложил мне, что вы не видели жену со вчерашнего утра.

— Да. — Парсонс выхватил из кармана фотографию и положил на стол Уэксфорда. — Это она. Маргарет. — Потом повернул голову, взглядом указывая на Бердена. — Он сказал, что вы захотите увидеть ее.

На снимке была изображена довольно молодая женщина в саду около дома, в простой блузке и широкой юбке в складку. Она застыла в скованной позе, руки опущены по бокам, неестественно широкая улыбка, солнце светит ей прямо в лицо. Во внешности ничего от той деликатной старины, на которую намекала Джин.

Уэксфорд, взглянув на снимок, спросил:

— Это лучшее, что у вас есть?

Парсонс тут же прикрыл снимок рукой и принял оскорбленный вид.

— Мы не привыкли делать студийные портреты.

— Я бы хотел услышать от вас описание вашей жены, мистер Парсонс. Приядьте, пожалуйста.

Берден позвал молодого Гейтса и усадил его за машинку.

Парсонс сел и медленно, несколько смущенно заговорил:

— У нее светлые кудрявые волосы и светло-голубые глаза. Она красивая. — Он вызывающе взглянул на Уэксфорда. — Я считаю, что она красивая. У нее большой лоб, не очень высокая, около пяти футов и двух дюймов.

Уэксфорд продолжал смотреть на снимок.

— Худая? Плотная?

Парсонс заерзал на сиденье.

— Я бы сказал, хорошо сложена. Ей тридцать. Исполнилось пару месяцев назад.

— Что на ней было надето?

— Белое платье с зелеными цветами и желтая кофта-кардиган. О, и босоножки.

— Сумка?

— Она не носит сумки, так как не курит и не пользуется косметикой. Ей не нужна сумка.

— Есть особые приметы?

— Шрам от аппендицита. — Парсонс покраснел.

Гейтс вытащил лист из машинки, и Уэксфорд просмотрел напечатанный текст.

— Расскажите мне про вчерашнее утро, мистер Парсонс. Как выглядела ваша жена? Была возбуждена? Чем-то обеспокоена?

— Она была такой же, как всегда. Я ничего не заметил. Понимаете, Маргарет не была эмоциональной женщиной. Нет, она была такой, как всегда.

— О чем вы разговаривали?

— Не помню. О погоде, кажется. Мы мало разговаривали. Я уйду на работу в половине восьмого — работаю в Стоувертоне. Я сказал, что будет хороший день, она согласилась, но заметила, что уж слишком светло. Скорее всего, скоро пойдет дождь. И оказалась права. Дождь пошел и лил все утро.

— Вы поехали на работу. На чем? На автобусе?

— Я всегда успеваю на восемь-тридцать семь, остановка на рыночной площади. Я попрощался с Маргарет. Она не проводила меня до двери. Но она никогда и не провожала. Кажется, мыла посуду.

— Она говорила, что собирается делать днем?

— Обычные дела. Уборка и магазины. Что обычно делают женщины днем? — Парсонс замолчал и вдруг проговорил: — Слушайте, она никогда бы себя не убила. Даже не думайте. Маргарет была очень религиозна.

— Ладно, мистер Парсонс. Постарайтесь успокоиться, перестаньте так волноваться. Мы сделаем все возможное, чтобы найти ее.

Уэксфорд увидел, как на лице Парсонса появилось разочарование и гнев, кажется, он по-своему истолковал слова старшего инспектора. Он вскочил с места.

— Я знаю, о чем вы думаете! Думаете, что это сделал я. Прекрасно понимаю, в каком направлении работают ваши мысли.

Берден постарался смягчить обстановку.

— Машина ждет вас у входа. Вас отвезут домой, — обратился Берден к Парсонсу. — Вам надо взять выходной, и пусть доктор даст вам успокоительного.

Парсонс пошел к выходу дергающейся походкой. Из окна Берден видел, как он садился в машину рядом с Гейтсом.

— Она взбрыкнула, Майк, — сказал Уэксфорд, — так мой отец говорил о сбежавших из дома женщинах. Но все же надо проверить. Ты можешь заняться этим, потому что знаешь, как она выглядит.

Берден взял снимок со стола и положил в карман. Сначала он отправился на станцию, но там его уверили, что миссис Парсонс мимо них не проходила.

Женщина в книжном магазинчике с газетными стендами сразу узнала ее на снимке.

— Это невероятно! Миссис Парсонс приходит платить за газеты по вторникам. Вчера был вторник, но она не пришла. Подождите-ка минутку. Мой муж был здесь вчера вечером, во второй половине дня. — И позвала: — Джордж!

Хозяин магазина, который стоял у окна, выходящего на улицу, подошел к ним. Выслушав, открыл конторскую книгу и пробежал пальцем по странице.

— Нет. Она не приходила. Это необычно. — Он с любопытством посмотрел на Бердена. — Она платила всегда в одно и то же время, часы можно было проверять.

Берден вернулся на Хай-стрит и стал заходить в магазины. В большом супермаркете он обратился к кассирше. Женщина стояла в ленивой позе и слушала негромкую музыку, доносившуюся откуда-то снизу. Когда Берден показал ей снимок, она ответила:

— Да, миссис Парсонс постоянная покупательница и вчера заходила как обычно. Около половины десятого.

— Вы с ней разговаривали? Помните, о чем она говорила?

— Ну, не знаю... Подождите, дайте вспомнить. Кажется, вспомнила. Она решила взять отбивные, но потом передумала, сказала, что уже брала их в понедельник.

— Помните, как она была одета? Зеленое платье, желтая кофта?

— О, ничего подобного! Все покупатели вчера утром были в плащах. Ну да, шел дождь. Она сказала: "Ей-Богу, льет как из ведра!" Я запомнила, потому что она сказала "Ей-Богу", как школьница. И еще, что надо купить хоть что-то на голову. Я предложила один из наших шарфов в уцененном ряду, и она его купила.

Кассирша вышла из-за прилавка и повела Бердена туда, где висел ворох прозрачных нейлоновых шарфов: розовых, голубых, персикового цвета и белого.

— Они, конечно, от дождя не спасут, — доверительно сообщила она, — во всяком случае, не от ливня. Но они красивее, чем толстый пластик. Она выбрала розовый цвет.

— Большое спасибо, — поблагодарил ее Берден. — Вы очень мне помогли.

Он проверил все магазины между супермаркетом и Табард-роуд, но никто там не помнил, чтобы миссис Парсонс заходила. На Табард-роуд все соседи были напуганы и взволнованы. Миссис Джонсон, ближайшая соседка Парсонсов, видела, как та вышла из дома сразу после десяти и вернулась без четверти одиннадцать. Потом, где-то в двенадцать, во всяком случае, так ей кажется, потому что она была на своей кухне и видела, как миссис Парсонс вышла в сад и повесила на веревку две пары носков, она услышала, как у Парсонсов открылась входная дверь и снова закрылась. Но это ничего не означало. Молочник всегда опаздывает, они уже жаловались на него. И миссис Парсонс могла просто забрать бутылки с крыльца.

Оказалось, что вчера утром на углу Табард-роуд была распродажа с аукциона, и Берден про себя выругался, количество автомобилей, припаркованных вчера на улице, удваивалось. Он попытался отыскать следы миссис Парсонс в автобусном парке, зашел даже в фирмы по найму машин, но ничего не узнал и усталый возвратился в участок. Самоубийство, кажется, исключалось полностью. Вы не станете жизнерадостно болтать об отбивных, которые хотите приготовить мужу на ужин, если собираетесь себя убить, и не пойдете на свидание с любовником без сумочки и пальто.

К тому времени Уэксфорд тщательно осмотрел дом Парсонсов — от убогой кухни до двух комнат мансарды. Он обнаружил в ящиках комода миссис Парсонс две ночные рубашки из прочной грубой ткани, а в шкафу халат из голубой шерстяной материи с темно-голубой отделкой и ночные туфли. Кошелек и ключей нигде не нашли. Зимой дом отапливался лишь двумя открытыми очагами-каминами, а воду нагревали, погружая в нее кипятильник. Уэксфорд и Гейтс исследовали оба камина

и мусорный бак, выяснив, что последний раз мусор вывозили в понедельник, но не обнаружили и следов пепла.

Парсонс сказал, что дал жене на хозяйственные расходы пять фунтов в прошлую пятницу. И, насколько он знал, у нее не было других денег. Гейтс, обыскивая кухонный шкаф, нашел две свернутые двухфунтовые банкноты, засунутые в банку из-под какао, стоявшую на одной из полок. Если миссис Парсонс получила пять фунтов в пятницу и купила на них продукты, оставив два фунта, значит, в пропавшем кошельке находилось не более нескольких шиллингов.

Уэксфорд надеялся найти дневник, записную книжку или письмо, которые помогли бы пролить свет на происшедшее. В бронзовом ящике для писем в столовой были только счета за уголь, проспект фирмы, устанавливающей центральное отопление, и смета по аренде от агента.

— У вашей жены совсем не было родственников, мистер Парсонс? — спросил Уэксфорд.

— Никого у нее не было, кроме меня. Мы всегда были вдвоем. Маргарет трудно сходилась с людьми. Я вырос в детском доме. Она потеряла мать и стала жить у тетки. Тетка умерла после того, как мы поженились.

— Где это было? Я имею в виду, где вы встретились, мистер Парсонс?

— В Лондоне. Маргарет преподавала в начальной школе в Бэлхэме, я снимал комнату в теткинском доме.

Уэксфорд вздохнул. Сеть поиска расширялась. Но все равно никто не поедет за сорок миль без пальто и без сумки. Он решил пока не трогать Бэлхэм.

— Вашей жене никто не звонил в понедельник вечером? Она не получала писем?

— Никто не звонил, никто не приходил, и не было никаких писем. Мы сидели и разговаривали. Маргарет вязала, я разгадывал кроссворд. — Он открыл шкаф и с верхней полки достал клубок с воткнутыми четырьмя спицами. — Наверно, оно никогда не будет закончено...

— Не надо отчаиваться, — с фальшивой бодростью отозвался Уэксфорд, — мы найдем ее.

Уэксфорд собрал всех свободных полицейских и послал обыскивать пустые дома в Кингсмархэме и его окрестностях. А также поля между Хай-стрит и Кингсбрук-род и сам Кингсбрук. Они подождали закрытия магазинов, чтобы народ разошелся, но все равно на мосту собралась толпа, глядя сверху на полицейских, ведущих поиски в воде. Уэксфорд пытался уговорить их покинуть мост, но бесполезно. Наконец, когда стемнело, и полицейские перешли на север и на юг от города, он отдал приказ прекратить поиски.

Глава третья

В четверг утром новый помощник пекаря заехал на ферму, владельцем которой был человек по имени Прюитт, она располагалась на дороге между Кингсмархэмом и Помфретом. Парень оставил буханку белого и буханку черного на выступе окна и пошел обратно к своему фургону, не закрыв за собой калитку.

Вскоре во двор вошла корова, а за ней потянулось и остальное стадо, около дюжины голов. К счастью для фермера, их внимание привлекли кусты чертополоха, росшие на опушке небольшого перелеска. Одна за другой, они неуклюже перелезали через зеленую изгородь и начинали жевать листья чертополоха, медленно продвигаясь вперед.

гаясь в колючие заросли. А когда чертополох кончился, они начали жалобно мычать.

Здесь их и нашел пастух мистера Прюитта. А еще он нашел мертвое тело миссис Парсонс. Это случилось днем, в половине второго.

К двум часам Уэксфорд и Берден прибыли на машине Бердена, а Гейтс и Брайен привезли доктора Крокера и двух полицейских с фотокамерами. Прюитт и пастух Байсот знали из телевизионных сериалов, что нельзя до приезда полиции ни к чему прикасаться. Маргарет Парсонс лежала там, где нашел ее пастух, в бело-зеленом сбившемся платье и желтой кофте, натянутой на голову.

Берден отодвинул в сторону нижние ветки боярышника, которые, как шатром, накрывали тело, Уэксфорд наклонился и осторожно приподнял край желтой кофты. На шее оказался красный след, похожий на узкую ленту, он шел от спины к горлу. Все молчали. Тело сфотографировали с разных ракурсов, доктор осмотрел след на шее, распухшее лицо. И закрыл ее глаза.

— Вот оно как, — сказал Уэксфорд, — ну и дела. — И медленно покачал головой. Говорить было не о чем.

Он опустился на колени и пошарил в мокрых листьях, в маленькой ложбинке под тонкими прутьями, это было неприятно и, как оказалось, бессмысленно. Потом перевернул тело, ища кошелек и ключи. Берден видел, как Уэксфорд что-то поднял с земли. Это была почти полностью обгоревшая спичка.

Они вылезли из-под шатра ветвей на относительно светлое пространство. Уэксфорд обратился к Байсоту.

— Как давно бродит здесь стадо коров?

— Три часа или поболее, сэр.

Вся земля вокруг была затоптана, тут и там виднелись коровьи лепешки, коровы уничтожили возможные следы борьбы между убийцей и напуганной женщиной. Старший инспектор оставил Брайена и Гейтса обыскивать заросли ежевики, над которыми звенела туча комаров, а они с Берденом и фермером пошли обратно к машине.

— Кто пользуется этой дорогой, сэр? — обратился Берден к фермеру.

— На другой стороне дороги обычно пасется стадо джерсейских коров, — ответил Прюитт. — Байсот пригоняет их туда по этой дороге утром и гонит обратно вечером. Иногда проезжает трактор.

— А как любовные парочки?

— Заезжие случайные машины, — произнес с отвращением Прюитт. — Разумеется, здесь частная дорога, но кто в наши дни уважает частную собственность? Впрочем, уверен, что местные парочки сюда не приезжают. К нам, конечно, заезжают посторонние машины.

— Вы не заметили отпечатков протектора незнакомой машины со вторника, сэр?

Фермер красноречиво показал рукой в сторону дороги, и Берден понял, что он имел в виду. Вся дорога была в отпечатках разнообразных по рисунку и размеру шин, собственно, эти следы и делали ее дорогой.

— Трактора ездят туда и обратно, коровы бродят ...

— Но не кажется ли вам странным, что при таком интенсивном движении никто не заметил ничего необычного?

— Да никто не останавливается здесь. Мои люди заняты работой. Они хорошие работники и не слоняются без дела. Во всяком случае, можете убрать из списка меня и жену. Мы были в Лондоне с понедельника до сегодняшнего утра. И к тому же мы пользуемся парадным въездом к дому. Дорога эта мало проходима. Хороша для

тракторов, но моя машина увязнет. — Приюитт помолчал и добавил резко: — Как видите, я не подхожу под тип фермера, созданного воображением городских жителей.

Бердена послали в Кингсмархэм, чтобы сообщить Парсонсу о страшной находке, поскольку он был с ним знаком. Парсонс медленно открыл дверь, двигаясь, как лунатик. Когда Берден сообщил ему страшную новость, стоя посреди убогой комнаты, он ничего не ответил, только закрыл глаза и покачулся.

— Я позову миссис Джонсон, пусть она приготовит вам чаю, — участливо произнес Берден.

Парсонс только кивнул в ответ. Он повернулся спиной к инспектору и стал смотреть в окно.

— Я хотел бы побыть один, — наконец произнес Парсонс.

— Все равно я скажу соседке. Она зайдет попозже.

В участке Берден зашел к Уэксфорду, тот уже сидел за своим столом и разглядывал обгорелую спичку.

— Знаешь, Майк, похоже, кто-то зажег спичку, чтобы получше рассмотреть место преступления.

— Значит, было уже темно. Он держал спичку, пока она не обожгла ему пальцы. Байсот?

Уэксфорд покачал головой.

— Нет, света было достаточно. Тот, кто зажег спичку, хотел удостовериться, что не оставил никаких улик. Как Парсонс воспринял новость? — спросил он.

— Трудно сказать. Это всегда шок, даже если человек ожидает подобного. Он сейчас под действием седативных препаратов, их дает ему доктор, и такое впечатление, что он еще не осознал случившегося.

— Крокер составляет заключение.

— Может он сказать о времени смерти?

— Я и сам мог бы сказать. Во вторник. Должно быть, это произошло между двенадцатью и... В какое время Парсонс позвонил тебе во вторник? Вечером?

— Точно в половине восьмого. Мы собирались в кино, и я часто смотрел на часы.

— Тогда между половиной двенадцатого и половиной восьмого вечера.

— Это подходит к моей версии, сэр.

— Давай послушаем. У меня никакой версии пока нет.

— Значит так. Парсонс сказал, что пришел домой в шесть и нашел дом пустым. Но можно сказать, что он был дома лишь с половины восьмого, когда позвонил мне, так? Предположим, что Парсонс ее убил. Насколько нам известно, у нее не было здесь друзей, и, как вы всегда говорите, муж — первый подозреваемый. Положим, он назначил жене свидание, она отправилась к автобусной станции Кингсмархэма.

— Зачем?

— Мог предложить пойти поужинать где-нибудь в Помфрете или прогуляться, или пикник... ну мало ли что...

— Как тогда быть с разговором про отбивные, Майк? Она явно ничего не знала о встрече с мужем, когда решала в супермаркете вопрос с ужином для него.

— Он мог позвонить позже, во время ланча — к тому времени погода начала проясняться, и попросить жену идти к автобусу на пять-тридцать пять, чтобы поехать в Помфрет на ужин. Может быть, у них была привычка ужинать вне дома. Ведь мы ничего не знаем, кроме того, что сказал сам Парсонс.

— Автобус, отбывающий из Стоувертона в это время не идет в Помфрет, у него конечная остановка в Кингсмархэме.

Берден достал из кармана какую-то бумагу и взглянул на нее.

— Нет, но тот, что выходит в пять-тридцать две, идет. Стоувертон — Помфрет, через Форби и Кингсмархэм. — Он внимательно смотрел на свои записи. — Значит, предположим следующее: Парсонс позвонил жене где-то во время ланча и попросил подойти к автобусу, который приходит из Стоувертона к станции Кингсмархэм в пять-тридцать две, за три минуты до следующего, у которого в Кингсмархэме конечная. Он мог успеть к этому автобусу, если ушел с работы на минуту — две раньше...

— Проверь это, Майк.

— Предположим, миссис Парсонс села в этот автобус. Он проходит через Форби в шесть-одну и прибывает в Помфрет в шесть-тридцать. Доехав до ближайшей остановки у леса, около фермы Прюитта, Парсонс сказал жене, что в такой хороший вечер можно пройти остаток пути пешком.

— Там с хорошей милю до Помфрета. Впрочем, они могли любить пешие прогулки.

— Парсонс сказал, что знает короткий путь через поле...

— Через непроходимые заросли, высокую мокрую траву и темный лес?

— Я знаю, сэр. Мне тоже не нравится эта идея. Но они могли что-то увидеть в лесу: оленя или кролика, или нечто в этом роде. И Парсонс каким-то способом заманил жену в лес, где и задушил.

— О, замечательно! Оказывается, миссис Парсонс привыкла ужинать в фешенебельном загородном пабе, но не протестует, когда ей предлагают тащиться через мокрый темный лес за кроликом! И что она сделала, поймав его? Съест? А ее муженек идет за ней, и когда они очутятся в густой чаще, говорит: "Постой-ка минутку, дорогая. Мне надо достать веревку из кармана, сейчас я задушу тебя!" Боже всемогущий, Майк!

— Он мог убить ее еще на дороге и оттащить тело в заросли. Там глухая дорога, и никто не ходит по ней в Помфрет. Он мог отнести ее — он крупный малый, а следы невозможно увидеть после того, как стадо коров все затоптало.

— Верно.

— Автобус из Помфрета на обратном пути заходит в Форби в семь-девять, а в Кингсмархэм, на конечную, в семь-двадцать. Пятнадцать минут примерно на то, чтобы убить жену и вернуться на остановку на другой стороне дороги. Там автобус окажется в шесть-сорок шесть. Потом Парсонс быстро поднимается вверх по Табард-роуд, входит в дом через пять минут и успевает позвонить мне в семь-тридцать.

Уэксфорд сел в маленькое крутящееся кресло с розовой обивкой.

— Но он ужасно рисковал бы, Майк. Его могли увидеть. И люди в автобусе заметили бы, потому что очень редко кто-то садится на остановке около фермы Прюитта. И что он сделал с ее кошельком и ключами?

— Забросил в колючие заросли. Да разве трудно спрятать? Нет, все-таки не вижу мотива.

— Ах, мотива, — протянул Уэксфорд. — У любого мужа есть мотив.

— У меня — нет, — заметил Берден.

В дверь постучали, и вошел Брайен.

— Я нашел это на опушке леса со стороны дороги, сэр. — Он держал кончиками пальцев маленький блестящий цилиндр. — Губная помада.

Уэксфорд взял помаду из рук Брайена с помощью носового платка, перевернул, чтобы взглянуть на круглую этикетку на основании. — "Арктический соболь", — прочитал он, — и цифры, кажется, "8" и "6" фиолетовыми чернилами. Что-нибудь еще?

— Больше ничего, сэр.

— Хорошо, Брайен. Вы с Гейтсом отправитесь сейчас в Стоувертон, в компанию "Саусерн Уотер", и узнаете с точностью до минуты, когда Парсонс ушел с работы во вторник вечером.

— Кажется, твоя версия не годится, — сказал он Бердену, когда Брайен вышел. — Мы снимем отпечатки с помады, но я спрашиваю тебя, разве эта помада могла принадлежать миссис Парсонс? У нее даже нет дамской сумки, ведь она не пользовалась косметикой и была бедна, как церковная мышь. Несмотря на все это, по-твоему, она берет с собой помаду, кладет в сумку, или при отсутствии таковой записывает под лифчик — помаду стоимостью в восемь фунтов с лишним! Это если следовать твоей теории. Дальше: они входят в лес, миссис Парсонс видит кролика, открывает сумку, вероятно, чтобы достать оттуда дробовик, швыряет помаду в канаву, бежит за кроликом, по дороге сжигая спичку, чтобы мы могли потом проследить ее путь, и, оказавшись посередине дороги в лесу, садится под дерево и позволяет своему мужу задушить ее!

— Но вы, тем не менее, послали Брайена в Стоувертон.

— Он проверит время ухода Парсонса. — Уэксфорд помолчал, глядя на помаду. — Кстати, я проверил чету Приюиттов. Они действительно были в Лондоне. У миссис Приюитт серьезно больна мать и, по сведениям университетского госпиталя, где она лежит, Приюитты пробыли у ее постели во вторник примерно с двенадцати до позднего вечера. Оттуда поехали в отель "Тотенхэм", ночевали, позавтракали там сегодня утром. И это полностью исключает их из числа подозреваемых. — Он показал на помаду, которую положил на лист бумаги. — Новая совсем. Ею почти не пользовались. Надо найти владелицу помады, Майк. Мы завтра поедем опять к Приюитту и поговорим с этой земельной девицей, или как там она себя называет.

Глава четвертая

Когда Уэксфорда уведомили с полной категоричностью, что отпечатки на губной помаде не принадлежат миссис Парсонс, они с Берденом отправились на ферму Приюитта, чтобы допросить каждого по отдельности: четверых работников и "земельную" девушку, как выразился Уэксфорд. У каждого из них тот день был полон событиями, которые исключали убийство.

Приюитт оставил управляющего, Джона Дрейкотта, за главного, и во вторник утром Дрейкотт поехал в Стоувертон на рынок в сопровождении работника по имени Эдвардс. Они взяли грузовик и выехали с главного входа на ферму. Это было в объезд, но предпочтительнее, потому что проселочная дорога от фермы к Помфрету узкая и грязная, и на прошлой неделе грузовик застрял в глубокой колее.

Байсот и Трейнор, отвечающие за свиней, остались на ферме одни. Мисс Свитинг, девушка-практикантка, во вторник брала выходной, чтобы посетить лекцию в сельскохозяйственном колледже в Сьюнгерби. В половине первого оба оставшихся на ферме работника пообедали на кухне. Еду им готовила, как всегда, миссис Криви, она приходит на ферму каждый день готовить и убирать в доме. После обеда, в четверть второго, Трейнор позвал Байсота с собой взглянуть на свиноматку, которая должна была опороситься.

В три часа Дрейкотт и Эдвардс вернулись, и управляющий сразу приступил к работе со счетами. Эдвардс, в обязанности которого входила работа в саду, пошел стричь газон перед домом. Он не был на глазах управляющего какое-то время, но Дрейкотт сказал Уэксфорду, что он целый час слышал шум газонокосилки. Примерно в половине четвертого Дрейкотта от работы оторвал Трейнор. Он пришел

сообщить, что его беспокоит состояние свиноматки. Пять поросят уже появились на свет, но она испытывает трудности с оставшимися, и он хотел, чтобы управляющий вызвал ветеринара. Дрейкотт направился в свиарник, посмотреть в чем там дело, потом позвонил ветеринару. Ветеринар приехал в четыре, и с этого времени до половины шестого управляющий, Эдвардс, Трейнор и Байсот находились все вместе в свиарнике. Примерно на полтора часа из этого времени, по словам Трейнора, Байсот уходил, чтобы пригнать коров и загнать их в сарай для дойки. При этом он дважды должен пройти мимо того леска. Уэксфорд допросил Байсота очень тщательно, но тот настаивал, что ничего по пути не заметил, не слышал никаких посторонних звуков и не встретил ни одной машины ни на проселочной дороге, ни на шоссе в Помфрет. По словам остальных, он обернулся даже быстрее, чем всегда, его поспешность объяснили тем, что он хотел поскорее узнать, как дела с опоросом.

В половине седьмого, наконец, все поросята появились на свет. Ветеринар прошел на кухню вымыть руки, и все потом выпили чаю. В семь он уехал и подвез при этом Эдвардса, Трейнора и Байсота, которые живут в домах для сельских рабочих в деревне под названием Кластервелл, примерно в двух милях от Флэгфорда. Во время отсутствия Прюитта миссис Криви осталась ночевать на ферме. Управляющий последний обход совершил в восемь и поехал к себе домой, дом его стоит в пятидесяти ярдах по дороге в Кластервелл.

Уэксфорд сверил все показания и решил, что в действительности никто из них не имел времени убить миссис Парсонс и спрятать тело в лесу. Только Байсот проходил по дороге мимо того перелеска, но если он выполнил свою работу вовремя, то тоже оказывался вне подозрений. Миссис Криви оставалась одна, и никто не мог видеть ее с трех-тридцати до половины седьмого, но ей было по крайней мере шестьдесят, она явно страдала ревматизмом.

Дороти Свитинг была из них единственной, кто мог иметь помаду "Арктический соболь", но с первого взгляда было совершенно очевидно, что она не пользуется абсолютно никакой косметикой, ни кремами или пудрой, ни помадой. Мужчины на ферме чуть не расхохотались, когда Уэксфорд спросил, не видел ли кто-нибудь из них губной помады у мисс Свитинг.

— Вы не были на ферме целый день, мисс Свитинг?

— Я не заходила на ферму, но была недалеко от нее. Я поехала навестить свою тетю в Сьюингбери после лекции, и погода во второй половине дня стала такой замечательной, что я сошла с автобуса и прошла остальной путь пешком. Старина Байсот как раз загонял коров, и я остановилась поболтать с ним.

— Когда это было?

— В пятом часу. Я выехала на автобусе в четыре-десять из Сьюингбери.

— Хорошо, мисс Свитинг. Не беспокойтесь, ваши отпечатки будут уничтожены после необходимой проверки.

Она разразилась громким смехом. У нее были большие и сильные руки, как у деревенского кузнеца. Интересно, что она собирается делать после того, как закончит колледж, и какое именно направление в сельском хозяйстве изучает.

Они возвращались в Кингсмархэм по довольно пустынному шоссе. Еще оставался целый час до вечернего потока машин. Белые барашки облаков распухли и стали напоминать творожистую массу.

Уэксфорд подъехал прямо к участку. Первое, что они сделали — сравнили отпечатки мисс Свитинг с теми, что были на помаде. Как и ожидал Уэксфорд, они не совпали. Отпечатки больших пальцев практикантки больше походили на мужские.

— Надо непременно отыскать владелицу помады, Майк, — повторял старший инспектор. — Надо прочесать все магазины, торгующие косметикой, все до последней лавочки. И лучше займись этим сам, потому что задание не из легких.

— Это имеет отношение к миссис Парсонс, сэр? Может, просто кто-то обронил, когда шел по дороге?

— Послушай, Майк. Помада была не у дороги, она лежала на опушке леса. И мисс Свитинг, и миссис Криви не ходят по этой дороге, ни та, ни другая не пользуются губной помадой, а если бы и пользовались, то наврядли купили бы помаду такого ультрамодного розовато-коричневого цвета. Это ужасный цвет, и богатая дама купит такую только в том случае, если у нее уже есть дюжина других цветов, и она просто хочет позабавиться.

Берден хорошо знал Кингсмархэм, но взял местный справочник и отыскал семь парфюмерных магазинов на Хай-стрит, три — на боковых улицах и одну лавку — в деревне. Помня, что Уэксфорд сказал о богатых женщинах, он начал с Хай-стрит.

В супермаркете был отдел косметики, но у них оказался ограниченный выбор дорогих помад. Продавщица знала миссис Парсонс в лицо и прочитала в газете об ее исчезновении, поэтому горела нездоровым любопытством. Берден не сказал ей, что они нашли труп, и не стал больше тратить время на вопросы, когда узнал, что у продавщицы миссис Парсонс купила в прошлом месяце всего лишь дешевую пудру.

— Вы говорите о новой линии, — сказала продавщица в другом магазине, — она только недавно вышла в продажу, но у нас ее пока нет.

Берден пошел в шикарный торговый центр, поднялся по широкой лестнице, через двойные двери, ступил на ковер винного цвета. За пирамидами украшенных бантами коробочек он разглядел девичью головку с короткими светлыми кудряшками и кашлянул. Девушка повернулась, и он увидел, что на самом деле это молодой человек.

— Ну разве не изысканный цвет? — заметил молодой человек, говоря об "Арктическом соболе". — Такой невинный, свежий и юный. О, это, конечно же, одна из наших. Я помечаю все этим. — Он поднял с прилавка шариковую ручку, лежавшую около кассы.

— Вы, вероятно, не сможете сказать, кто купил ее?

— Но я обожаю загадки! Давайте сейчас проведем настоящее расследование.

Молодой человек открыл ящичек и достал подносик с помадами-цилиндрами. В каждом отделении было по несколько штук.

— Так, посмотрим. "Мутационная норка" — продано три. Каждого оттенка было по дюжине. "Тринидадский тигр" — Господи, продано целых девять! Довольно обычный красный цвет. Вот то, что надо. "Арктический соболь". Продано четыре. А теперь подумаем. У нас есть постоянная клиентура, так сказать, сливки общества. Я не хочу показаться снобом, но мы избегаем дешевых сортов. Миссис Клементс из агентства недвижимости купила одну. Нет, две, одну для себя, вторую кому-то в подарок на день рождения. Миссис Даррелл купила одну. Я хорошо помню, потому что она сначала взяла "Мутационную норку", а потом вернулась и поменяла на "соболь". И пока она пробовала цвет, вошла еще одна дама и попросила светло-розовый оттенок. Ах да, ну конечно, это была миссис Мисел. Она только бросила взгляд, а в это время миссис Даррелл пробовала цвет на своем запястье, и сразу сказала: "Абсолютно мой цвет!" У миссис Мисел исключительно хороший вкус, и "Арктический соболь" просто предназначена для таких, как она, с рыжими волосами.

— И когда это было? — спросил Берден. — Когда вы получили эту серию?

— Секундочку. — Молодой человек заглянул в журнал. — В прошлый четверг, только неделю назад. Я продал две миссис Клементс, в пятницу, сразу после поступ-

ления товара. Я не был здесь в субботу, а в понедельник всегда затишье. Во вторник рано закрываемся, и я помню, что ничего не продал вчера. Значит, это было во вторник утром.

— Вы очень помогли, — сказал Берден, — большое спасибо.

— Не за что. Вы внесли оживление в мой рутинный рабочий день. Кстати, миссис Мисел живет в этом красивом доме, напротив отеля "Олив и Доув", а у миссис Даррелл небольшой дом с розовыми занавесками в новом квартале на Квин-стрит.

Берден повезло с миссис Клементс: обе помады оказались у нее в сумочке — одна, уже начатая, вторая, предназначенная в подарок, все еще в целлофановой упаковке. Покинув агентство недвижимости, Берден взглянул на часы — половина шестого. Он отыскал миссис Даррелл в соседнем доме, где она пила чай с подругой. Она тут же пошла к себе домой и появилась снова через пять минут с помадой, еще не начатой. "Арктический соболю", и на основании цилиндра пометка "восемь и шесть" фиолетовыми чернилами.

Автобус река Стоувертон-Помфрет как раз взбирался на холм, когда Берден, повернув с Квин-стрит, пересекал площадь перед "Олив и Доув". Он сверил по своим часам — было без десяти шесть. Может быть, автобус задержался в Стоувертоне, как часто бывает.

Красивый небольшой особняк времен королевы Анны выглядел, как игрушка. Белая краска, отделка железом и узкие окна, парадная дверь желтого цвета, и по бокам две большие вазы с голубыми лилиями. Берден ударил в корабельный медный колокол на двери. Но, как и ожидал, никто не открыл. Гараж — крытый каретный сарай — был пуст, двери распахнуты настежь. Берден спустился с крыльца и пошел в участок. Интересно, что узнал Брайен в компании, где работает Парсонс.

Уэксфорд остался доволен его работой. Они подождали Брайена, потом все направились в ресторан "Олив и Доув".

— Кажется, Парсонс чист, — сказал Уэксфорд. — Он ушел из офиса в пять-тридцать или чуть позже. Но не раньше. И никак не мог успеть на рейс в пять-тридцать две.

В обеденном зале "Олив и Доув" Уэксфорд попросил столик у окна, чтобы наблюдать за домом миссис Мисел.

Когда они прикончили жареного ягненка и приступили к пирогу с крыжовником, двери гаража все еще были открыты, и никто не входил и не выходил из дома. Берден остался за столиком, пока Уэксфорд платил по счету, и когда вставал из-за стола, блондинка в простом хлопчатобумажном платье появилась на Хай-стрит из-за угла Сьюингбери-роуд. Она прошла мимо методистской церкви, мимо ряда коттеджей и, взбежав по ступенькам дома миссис Мисел, открыла дверь и скрылась за ней.

— Пошли, Майк, — сказал Уэксфорд, и они покинули ресторан, направляясь к дому миссис Мисел.

Уэксфорд ударил в звонок-колокол. Они подождали, и через несколько секунд дверь открыла блондинка.

— Миссис Мисел?

— Миссис Мисел, мистер Мисел, дети — все ушли, — сказала она с сильным иностранным акцентом. — Все ушли на море.

— Мы из полиции, — представился Уэксфорд. — Когда они вернуться?

— Сейчас семь. В половине восьмого, наверное. Я не знаю. Приходите немного погодя. Она придет уже.

— Мы лучше здесь подождем, если не возражаете, — произнес Уэксфорд.

И они ступили на голубой ворсистый бархатный ковер. Холл был квадратным, посередине на заднем плане — лестница, направо от нее через арку можно было ви-

деть гостиную, а в дальнем конце огромные, до пола застекленные двери вели в большой сад. В холле было прохладно, пахло экзотическими дорогими цветами.

— Будьте добры, мисс, назовите ваше имя и ваши обязанности, — начал Уэксфорд.

— Инга Вольф. Я — няня Димфны и Присциллы.

Димфна! Уэксфорд ошеломленно молчал. У него дети носили имена Джон и Пэт.

— Хорошо, мисс Вольф. Вы не проводите нас куда-нибудь, где можно присесть? Потом можете идти и заниматься своей работой.

Она открыла дверь и провела их в большой кабинет с арочными окнами, выходящими на улицу. Здесь пол был прикрыт ковром зеленого цвета, кресла и огромный диван обиты зеленой тканью с рисунком — розово-белые рододендроны. Большие букеты живых рододендронов размером с блюдце стояли в двух больших вазах. У Бердена мелькнула мысль, что когда сезон рододендронов кончится, миссис Мисел наполнит вазы дельфиниумами и тут же сменит обивку на мебели.

— Куча денег, — лаконично заключил Уэксфорд, когда девушка вышла. — Вот что я имел в виду, говоря, что такая дамочка могла купить "Арктического соболя" как интересную новинку.

— Сигарету, сэ?

— Ты что, сошел с ума, Берден? Может, галстук захочешь снять? Это Сассекс, а не Мексика.

Берден убрал пачку обратно в карман, и они молча просидели десять минут. Потом Берден хмыкнул:

— Голову дам на отсечение — помада у нее в сумочке.

— Слушай, Майк, были проданы четыре штуки, все помечены фиолетовыми чернилами, так? Миссис Клементс купила две, миссис Даррелл одну, и у меня четвертая.

— Но, может, какой-нибудь аптекарь в Стоувертоне, или Помфрете, или Сьюингбери тоже помечает цену фиолетовыми чернилами.

— Верно, Майк. И если миссис Мисел представит мне свою помаду, первое, что ты сделаешь, — отправившись в Стоувертон прямо с утра и начнешь там прочесывать магазины и аптеки.

Но Берден его не слушал. Он сидел лицом к окну и вдруг вытянул шею.

— Машина подъехала, оливковый "мерседес", номер XPQ189Q.

— Майк, я не собираюсь его покупать.

Колеса зашуршали по гравию, кто-то открыл дверцу, и Берден выглянул в окно.

— Да она просто сногшибательна!

Женщина в белых брючках в обтяжку вышла из машины и направилась к дому. Берден подумал, что она действительно красива, хотя черты лица были жесткими, как будто загорелую гладкую кожу натянули на стальной каркас. Ему платили не за то, чтобы он восхищался женщинами, а за то, чтобы все подмечал. Для него самым значительным в ее внешности оказалось то обстоятельство, что губная помада на ее губах была не розово-коричневой, а красного цвета. Отвернувшись от окна, он услышал ее голос.

— Я устала до чертиков от этих чудовищ! Ручаюсь чем угодно, эта маленькая негодьяка Инга еще не вернулась.

Ключ повернулся во входной двери, и Инга Вольф выбежала навстречу хозяевам. Кто-то из детей заплакал.

— Полицейские? Какие еще полицейские? О, этого не может быть, Инга! Где их машина?

— Наверное, это ко мне, Хелен. Знаешь мою привычку оставлять "мерс" без баритных огней на дороге.

Внезапно дверь распахнулась с такой силой, что задрожала одна из ваз. Первой появилась рыжеволосая женщина, следом вошел муж — высокий и здоровенный, лицо обрюзгшее, уже помеченное красными прожилками от вен. Длинная рубашка свисала с живота, как платье для беременных. Берден даже прищурился от ее расцветки — ярко-красная шахматная доска, уставленная разноцветными бутылками, стаканами и тарелками.

Берден и Уэксфорд встали.

— Миссис Мисел?

— Да, я — Хелен Мисел. Что вам надо?

— Мы из полиции. Занимаемся расследованием в связи с исчезновением миссис Маргарет Парсонс.

Мисел уставился на них с недоумением. И облизал толстые губы.

— Давайте присядем, — озадаченно произнес он. — Не могу представить, о чем вы хотите говорить с моей женой.

— И я тоже, — отозвалась Хелен Мисел. — У нас что — полицейское государство?

— Надеюсь, нет, миссис Мисел. Кажется, вы купили на прошлой неделе новую губную помаду. Во вторник утром.

— Ну и что? Это преступление?

— Если вы сейчас покажете мне эту помаду, миссис Мисел, я буду вполне удовлетворен, и мы не станем больше занимать ваше время. Думаю, вы устали после дня, проведенного на море.

— Ах, помада. Я действительно купила одну, ужасно противного цвета, и потеряла ее вчера в кинотеатре.

— Вы уверены, что потеряли ее? Может, вы потом пытались ее найти? Спрашивали, по крайней мере, у администратора?

— Что? Поднимать шум из-за восьмифунтовой помады? Я выгляжу такой бедной? Я пошла в кино...

— Одна, мэм?

— Разумеется, одна. Я пошла в кино, а когда вернулась, помады в сумочке не было.

— Это она? — Уэксфорд разжал ладонь, демонстрируя помаду, и миссис Мисел потянулась к ней длинными холеными пальцами с маникюренными ногтями, покрытыми серебряным лаком. — Боюсь, придется вас попросить поехать со мной в участок, чтобы взять там отпечатки ваших пальцев.

Она продолжала рассматривать помаду, лежащую на ладони Уэксфорда, и медленно проговорила:

— Кажется, это моя. Ладно, признаю, что это, по-видимому, моя. Где вы ее нашли? В кинотеатре?

— Нет, миссис Мисел. Мы нашли ее на опушке леса недалеко от шоссе на Помфрет.

— Что? — Мисел даже подпрыгнул, переводя взгляд с Уэксфорда на жену. — Ты ведь пошла в кино, ты так сказала. Не понимаю, при чем здесь лес и шоссе на Помфрет. Какого дьявола здесь происходит?

— Кто-то нашел в кинотеатре мою помаду, потом обронил ее. Вот и все. Очень просто. Не понимаю, к чему весь этот шум?

— Дело в том, что миссис Парсонс была найдена задушенной в этом лесу, сегодня, в половине второго дня.

Хелен содрогнулась и схватилась за ручки кресла. Бердену показалось, что она с трудом удерживает крик. Наконец она с трудом произнесла:

— Но все очевидно, не так ли? Убийца, кто бы он там ни был, украл мою помаду, потом уронил ее на месте... преступления...

— Если не принимать во внимание то обстоятельство, что миссис Парсонс умерла во вторник. Я больше не задерживаю вас, мадам. Пока. Еще один вопрос. У вас есть собственный автомобиль?

— Да. Красный "дофин". Он стоит в другом гараже, около выезда из сада на Кингсбрук-роуд. Но почему?

Уэксфорд перевел взгляд с мужа на жену. Потом встал.

— Я хочу взглянуть на протекторы машины, сэ.

В это время свет заходящего солнца осветил Мисела. Он покраснел еще больше, стал просто багровым, а лицо сморщилось, как у ребенка, готового заплакать, и на нем застыло выражение отчаяния и боли. Берден отвел взгляд. Но Мисел справился с собой и тихо произнес:

— Я не протестую, чтобы вы осмотрели машину моей жены, но не понимаю, какая связь между ней и этой женщиной.

— Дай ему ключи от гаража, Пит, — попросила Хелен. — Говорю тебе, я ничего не понимаю. И не моя вина, что мою помаду кто-то похитил.

Сад у Миселов был огромный, ромбовидной формы. Живая изгородь тамариска отделяла его от Кингсбрук-роуд. Берден открыл деревянные кедровые ворота гаража и прежде всего записал номера машины. Заднее стекло было полностью закрыто игрушечным тигром.

— Надо снять отпечатки с шин, Майк. У нас есть отпечатки, оставленные у фермы Приюитта. Нам повезло, что там вся почва практически затвердевший навоз.

Морщась, Берден вскоре поднялся на ноги, положил засохшую грязь в конверт и показал на дома на другой стороне.

— Здесь живут миллионеры. Посмотрите на их причуды. Дом с башенками, бунгало в стиле ранчо с двойным гаражом и новый дом-замок, с балконами из красно-го резного дерева.

— Очень мило, — улыбнулся Уэксфорд. — Ладно, пошли. Хочу взять машину и побеседовать с Приюиттом еще раз. И, кстати, с администратором в кинотеатре. Отдашь ключи Инге, кажется, так зовут эту девицу, и потом можешь идти домой. Я побеседую с Ингой завтра.

— А с миссис Мисел, сэ?

— Если интуиция меня не подводит, — ответил Уэксфорд, — она сама придет ко мне раньше, чем я соберусь к ней.

Глава пятая

Когда Уэксфорд пришел в управление на следующее утро, сержант Кэмб разговаривал с кем-то по телефону и, прикрыв нижний конец трубки рукой, сообщил старшему инспектору:

— Это миссис Мисел, сэ. Хочет говорить с вами. Третий раз уже звонит.

— И что ей нужно?

— Говорит, что должна вас увидеть. Это срочно. Просит узнать, не можете ли вы придти к ней домой.

— Вот как? Скажите ей, что, если хочет со мной поговорить, пусть придет сюда. Еще скажите, что после девяти-тридцати меня здесь уже не будет.

Утро выдалось прекрасное. Уэксфорд мог видеть из окон сада на Бери-стрит. Сержант Кэмб принес чай и доложил о приходе миссис Мисел.

— Принесите еще одну чашку, пожалуйста.

В это утро она зачесала волосы наверх. Блузка из органди и юбка в складку придавали ей скромный вид. Оставалось гадать, изменилась ли вместе с нарядом ее манера поведения.

— Кажется, я вчера сгупила, старший инспектор, — начала она виновато.

Уэксфорд достал из ящика стола чистый лист бумаги и начал что-то писать с серьезным видом. Он не мог придумать ничего вразумительного и, поскольку она все равно не могла видеть написанное, начал выводить: Мисел, Парсонс; Парсонс, Мисел.

— Видите ли, я не сказала вам всю правду.

— Разве?

— Не хочу сказать, что солгала. Просто не все рассказала.

— Вот как?

— Дело в том, что я не одна была в кино. Я была там с другом, мужчиной. — Она заговорщически улыбнулась Уэксфорду. — Ничего особенного в этом нет, но вы понимаете, мужья бывают щепетильны.

— Должен понимать, поскольку я один из них.

— А когда я пришла домой и не нашла новую губную помаду в сумочке, я подумала, что обронила ее в машине своего друга. О, чай для меня! Как мило!

В дверь постучали, и вошел Берден.

— Миссис Мисел рассказывает мне о своем посещении кинотеатра вечером в среду, — проговорил Уэксфорд, продолжая писать.

— Хорошая картина, не правда ли, миссис Мисел? К несчастью, я вынужден был уйти с середины. — Берден поискал глазами третью чашку. — Что там дальше было с тем типом, секретным агентом? Женился он на блондинке или на другой?

— О, на другой, — непринужденно болтала миссис Мисел. — На той, что играла на скрипке. Она закодировала секретное сообщение особым музыкальным кодом, и когда они вернулись в Лондон, проиграла для МИ.5.

— Вот они удивились, — заметил Берден.

— Что ж, больше я вас не задерживаю, миссис Мисел, — неожиданно произнес Уэксфорд.

— Я должна бежать. У меня назначена встреча с парикмахером.

— Если бы вы мне сейчас сообщили имя вашего друга, с которым вы ходили в кино...

Хелен Мисел посмотрела на Уэксфорда, потом на Бердена, потом снова на Уэксфорда. Тот скомкал лист, на котором писал, и бросил его в мусорную корзинку.

— Но я не могу. Ведь не могу же я его вовлечь...

— Пока будете причесываться у парикмахера, подумайте.

Берден открыл для нее двери, и она быстро, не оглядываясь, вышла.

— Я разговаривал с соседкой, — начал Берден, — миссис Джонс. Она живет в доме номер 9 по Табард-роуд. С той, что рассказывала нам об автомобилях, припаркованных на Табард-роуд во вторник после обеда. Я спросил, не может ли она припомнить какой-нибудь из них, цвет или номера. Она вспомнила один — ярко-красный, с большим тигром у заднего стекла, но номера она не видела. Ведь смотрела сбоку, а все машины стояли плотно.

— И сколько они там простояли?

— Она не знает. Но первый раз заметила этот автомобиль в три часа, и он все еще там находился, когда дети вышли из школы. Разумеется, она не знает, стоял ли он там все время или отъезжал.

— Пока миссис Мисел делает перманент, Майк, я хочу побеседовать с Ингой.

На полу в гостиной стояла банка с мастикой и пара щеток для натирки пола, а индийские ковры были разостланы под окнами. Кажется, у Инги Вольф были и другие обязанности помимо присмотра за Димфной и Присциллой.

— Я скажу все, что знаю, — начала она драматическим тоном, — и пусть меня даже выгонят. Все равно на следующей неделе я возвращаюсь домой, в Ганновер.

— А что она делала во вторник во второй половине дня, мисс Вольф?

— А! Во вторник после обеда она уходила. Сначала был обед. В час. Я, миссис Мисел и дети. Подумать только, на следующей неделе никаких детей! После обеда я вымыла посуду, а она поднялась в спальню и легла. Когда спустилась вниз, сказала: "Инга, я уезжаю на машине". Взяла ключ и пошла в гараж, тот, что в саду.

— И в какое время это было, мисс Вольф?

— В три или в половине третьего. Я не знаю. — Она пожала плечами. — Вернулась в пять или в шесть.

— А в среду?

— Ах, в среду. Я брала выходной на полдня. Очень хорошо. Димфна приходила из школы обедать и вернулась в школу. Я выходить. Миссис Мисел осталась дома с Присциллой. А вечером она ушла в семь часов. Я не помню точно. В этом доме вечно приходят и уходят. Как на сцене.

Уэксфорд показал ей снимок миссис Парсонс.

— Вы видели эту женщину, мисс Вольф? Она приходила сюда?

— Я видела сотни похожих на нее в Кингсмархэме. Все они похожи, за исключением богатых. Те, что сюда приходят, на нее не похожи, они другие. — Девушка дерзко рассмеялась. — О, нет, это так смешно. Такие сюда не приходят!

Когда Уэксфорд вернулся в участок, Хелен Мисел уже сидела в холле, ее рыжие волосы были теперь в тугих завитках.

— Подумали, миссис Мисел? — Он проводил ее в свой кабинет.

— Насчет вечера среды?..

— Откровенно говоря, миссис Мисел, меня не интересует вечер среды. А вот вечер вторника...

— Но почему вторник?

Уэксфорд положил снимок на стол, чтобы она могла его видеть. Потом уронил на него сверху губную помаду. Маленький блестящий цилиндрок покатился и застыл на глянцевоом снимке.

— Миссис Парсонс была убита во вторник, во второй половине дня, — терпеливо ответил он. — И мы нашли вашу помаду в нескольких ярдах от ее трупa. Вот почему меня интересует вторник.

— Но вы же не думаете... О, Боже! Послушайте, старший инспектор, я была здесь во вторник вечером, я ходила в кино...

— Какая жалость, мадам, что вы не живете в Помфрете. Вы бы не допустили, чтобы кинотеатр был закрыт из-за отсутствия зрителей, как это там произошло.

Хелен Мисел глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Обвила ногой металлическую ножку стула.

— Кажется, я должна сказать вам правду, я имею в виду, так будет лучше, — расстроенно проговорила она.

— Да, скорее всего, так будет лучше, мадам.

— Понимаете, я сказала дома, что была в кино в среду, чтобы иметь алиби. Вообще-то, я была с другом. — Она торжествующе улыбнулась. — Но его имя должно оставаться в тайне.

— Только на данный момент.

— Я была со своим другом в среду вечером, но не могла же я сказать об этом мужу? И я солгала, что была в кино. На самом деле, мы просто прокатились на машине. Но я все равно должна была увидеть тот фильм, верно? Чтобы знать содержание. Потому что мой муж всегда... Я имею в виду, он всегда меня спрашивает, где я была. И поэтому я пошла в кино накануне, во вторник вечером, чтобы посмотреть этот фильм.

— Вы ездили на вашей машине, миссис Мисел? Вы ведь живете всего в сотне ярдов от кинотеатра.

— Наверное, вы уже поговорили с этой негодяжкой, маленькой Ингой. Видите ли, я должна была взять машину, чтобы они подумали, что я куда-то ездила. Ведь во вторник вечером все магазины закрыты, и она прекрасно знает, что я не хожу никуда пешком. А если бы я не взяла машину, она бы поняла, что я ходила в кино, ведь кинотеатр рядом с нами. Но не могла же я два дня подряд смотреть один и тот же фильм...

— Слуги любознательны, — заметил Уэксфорд.

— Вы правы. Ну вот и все. Я взяла машину и поставила ее на Табард-роуд. О, Боже, ведь именно там и жила эта женщина! Но я не могла оставить машину на Хай-стрит, потому что... — Она опять шаловливо улыбнулась. — Из-за ваших несносных правил парковки.

Уэксфорд резко перебил ее.

— Вы знали эту женщину, мадам?

— О, вы меня просто заставили подпрыгнуть! Сейчас подумаю... Нет, не думаю. Она не из тех людей, с которыми я могла быть знакома, инспектор.

— С кем вы были в среду вечером, когда потеряли губную помаду, миссис Мисел?

На этот раз она не стала использовать излюбленный прием — шаловливую улыбку проказницы-девочки. В ярости отшвырнула стул и крикнула:

— Я не стану говорить! Вы не можете меня заставить! И не имеете права меня здесь задерживать!

— Вы пришли по собственной воле, мадам. — Уэксфорд распахнул дверь с любезной улыбкой. — Я загляну сегодня вечером к вам домой, когда придет муж, и мы постараемся прояснить вместе этот вопрос.

Священник в методистской церкви ничем не помог. Он не видел миссис Парсонс в воскресенье и был удивлен, когда она не появилась во вторник вечером. Нет, у нее не было близких друзей среди прихожан церкви, и он не мог припомнить, чтобы кто-то из них называл ее по имени.

Берден проверил точность расписания автобусов и их отбытие из гаража и выяснил, что рейс в пять-тридцать две отбыл из Стоувертона точно по времени, указанному в расписании. Более того, кондуктор автобуса до Кингсмархэма, который отбыл следом, в пять-тридцать пять, вспомнила, что видела там Парсонса. Он просил разменять десятишиллинговую банкноту, и они почти доехали до Кингсмархэма, прежде чем она смогла набрать мелочи ему на сдачу.

— Да, прирожденная лгунья, наша миссис Мисел, — заметил Уэксфорд, когда Берден вернулся в участок. — Одна из тех женщин, которые лгут постоянно. Это у них просто в крови.

— Но где мотив, сэръ?

— Не спрашивай меня. Может, она завела шашни с Парсонсом и забрала его с работы на машине во вторник вечером, при этом подкупив весь штат компании, чтобы все говорили, что он не уходил с работы до пяти-тридцати. Может быть, у нее есть еще дружок, с которым она гуляла в среду. На каждый день недели — другой. Или

она, Парсонс и мистер Х, которого она не имеет права называть, были русскими агентами, и миссис Парсонс их разоблачила. Все просто замечательно, Майк. И я, кажется, скоро сойду с ума!

— У нас нет даже орудия убийства, — мрачно произнес Берден. — Могла такое сделать женщина?

— Если это женщина, то молодая и крепкая, которая ничерта не делает целый день, лишь ест, спит и гуляет.

— Как миссис Мисел.

— Мы снова пойдем к ним сегодня, Майк, и заставим ее говорить в присутствии ее старика. Но это будет вечером. Я хочу, чтобы она хорошенько попотела в ожидании. Я получил из лаборатории отчет — на отпечатках с протектора машины миссис Мисел нет коровьего навоза. Но она могла ездить туда на чужой машине. Ее муж продает автомобили, и у него собственный салон в Стоувертоне. Такие люди вечно меняют свои машины. И это тоже надо проверить. Завтра начинается следствие, и мне надо иметь что-то на руках к этому времени.

Берден поехал в Стоувертон, в автомобильный салон Мисела. Человек в комбинезоне вышел из застекленной клетки офиса, расположенного между рядами бензонасосов.

— Заправьте бак, — попросил Берден и спросил: — Мистер Мисел у себя?

— Он отъехал с клиентом.

— Жаль. Я заезжал во вторник вечером, и его тоже не было.

— Он всегда уезжает и приезжает. Я протру вам стекла.

— А миссис Мисел?

— Не видел ее уже три месяца. Зашла как-то взять "мерс" и поломала. Женщины!

— Они поругались? Это похоже на Пита.

— Не говорите. Сказал: больше она никогда не получит ни "мерс", ни какой другой автомобиль.

— Так, так. — Берден дал ему шиллинг, больше выглядело бы подозрительным. — Брак — это поле битвы, и там происходит много всего.

— Я скажу ему, что вы заходили.

Берден включил зажигание и скорость.

— Не беспокойтесь, я его увижу вечером.

Он поехал к выходу и затормозил резко, когда желтый автомобиль с откидным верхом на большой скорости подъехал со стороны Мэрифилд-роуд. За рулем сидел пожилой мужчина, а рядом с ним Питер Мисел.

— Вот и он, если хотите его поймать здесь, — крикнул вдогонку Бердену рабочий на заправке.

Берден припарковался и прошел внутрь салона с выставленными моделями, остановившись около красного круга, где медленно вращалась новая модель "мини". Отсюда он мог видеть, как Мисел разговаривает с водителем кабриолета. Они, очевидно, не договорились, и мужчина ушел пешком. А Мисел тут же появился в салоне.

— Что еще? — спросил он у Бердена. — Я не желаю, чтобы меня преследовали на работе.

— Я вас не задержу, просто проверяю вечер вторника. Вы, без сомнения, провели здесь целый день. Приезжали и уезжали, как всегда.

— Не ваше дело, где я был. Я уезжал в Кингсмархэм на встречу с клиентом, если хотите знать. И это все, что я могу сказать, никаких имен. Я уважаю частную жизнь, чего нельзя сказать о вас.

— Когда речь идет об убийстве, частная жизнь становится не только личным делом каждого. Ваша жена, кажется, тоже еще не поняла этого. — И Берден пошел к выходу.

— Моя жена... — Мисел шел за ним, потом, оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто их не слышит, сердито прошипел: — Убирайте свою грудь металлолома, она загорживает въезд в мой салон.

Глава шестая

Когда оба инспектора пришли к Парсонсу, оказалось, что все книги, в которых описывались различные способы убийства, исчезли, и верхняя полка опустела. Если Парсонс невиновен и если действительно он всего лишь скорбящий верный муж, то как ужасно для него смотреть на кричащие заголовки и обложки этих страшных книжек, когда он входит по утрам в убогую столовую. А может быть, он убрал книги, потому что они уже выполнили свое предназначение?

— Старший инспектор, — произнес Парсонс, — я не могу не спросить... Она... Ее задушили или было что-то еще? — Он или очень постарел за последние дни, или был непревзойденным актером.

— Вы можете больше не думать об этом, — быстро ответил Уэксфорд. — Ваша жена, несомненно, была задушена, но нет никаких следов другого насилия над ней. — Он посмотрел на унылые зеленые занавески, на линолеум и уточнил: — Никакого сексуального насилия.

— Слава Богу! — произнес Парсонс таким тоном, как будто это обстоятельство снимало с него тяжелый груз. — Я бы не перенес этого. Я бы не смог дальше жить. — Он схватился руками за голову.

— Мистер Парсонс, насколько нам известно, она не пыталась сопротивляться. Похоже на то, что ваша жена уснула перед тем, как ее убили. Был мгновенный шок, секунда боли — и все.

Парсонс отвернулся, что-то бормоча себе под нос.

Уэксфорд встал и подошел к книжной полке. Он ничего не сказал об исчезновении серии преступлений, а взял одну из книг с нижней полки.

— Это путеводитель по району Кингсмархэма, — заметил он, — старый путеводитель.

— Моя жена жила здесь... Вернее, не здесь, а во Флэгфорде... пару лет после окончания войны. Ее дядя служил в гарнизоне, а тетка жила в деревне.

— Расскажите мне о вашей жене.

— Она родилась в Бэлхэме. Отец и мать умерли, когда она была еще ребенком, и Маргарет стала жить у тетки. Позже они переехали жить во Флэгфорд, но ей там не понравилось. Ее дядя умер от сердечного приступа, и тетя вернулась в Бэлхэм. Моя жена начала преподавать в Лондоне. Тогда мы и поженились. Это все.

— Мистер Парсонс, вы сказали мне, что ваша жена должна была взять ключи от дома. Сколько у вас всего ключей?

— Только два. — Парсонс достал из кармана простой ключ и показал Уэксфорду. — Мой и ... и Маргарет. Она держала свой на кольце. У кольца была серебряная цепочка с брелоком. Я подарил ей, когда мы сюда переехали. Кошелек был коричневый, из пластика, с блестящим металлическим замком.

— Я хочу знать, ваша жена ездила на ферму Прюитта? Вы знакомы с Прюиттом или его рабочими на ферме? Там есть девушка по имени Дороти Свитинг. Ваша жена никогда не упоминала о ней?

Но Парсонс никогда не слышал ни о ферме, ни о ее людях, пока не нашли тело его жены. Она не была любительницей природы и пеших прогулок, и фамилия Свинг ничего ему не говорила.

— Вам знакомы люди по фамилии Мисел?

— Мисел? Не думаю.

— Высокая красивая рыжеволосая женщина. Живет в доме напротив "Олив и Доув". Муж — делец по продаже автомобилей.

— Мы не... мы никого не знали среди таких. — Лицо Парсонса опять скривилось гримасой боли, и он закрыл глаза рукой. — Здесь вокруг полно таких снобов. Мы не принадлежим к их кругу, и никогда... — голос понизился до шепота, — если бы остались в Лондоне... Она до сих пор была бы жива...

— Но почему вы переехали, мистер Парсонс?

— В сельской местности жизнь дешевле, или вам так кажется, пока вы не поживете там и не испытаете сами.

— Значит, ваш переезд сюда не имеет отношения к тому, что ваша жена когда-то жила во Флэзфорде?

— Маргарет не хотела сюда ехать, но мне подвернулась работа. Нищие не могут выбирать. Ей приходилось работать, когда мы жили в Лондоне. Мне казалось, здесь она найдет покой и отдых. — Парсонс закашлялся, потом кашель перешел в сдавленные рыдания. — И она нашла, не так ли?

— Кажется, на вашем чердаке в мансарде есть какие-то книги, мистер Парсонс. Я бы хотел на них посмотреть.

— Можете их забрать, — сказал Парсонс, — я больше никогда в жизни не взгляну ни на одну книгу. Но в них нет ничего особенного. Она их никогда не читала.

Темная лестница была уже знакома Бердену и не имела такого зловещего вида при дневном свете. Дом уже не казался местом преступления, а выглядел, как обветшалая старина. Уэксфорд распахнул окошко наверху, сдул слой пыли с поверхности чемодана и открыл крышку. Чемодан был набит книгами, и инспектор взял одну наугад. Это были романы Роды Броутон. Затем выложил верхние книги на пол и увидел под ними несколько дорогих на вид изданий, в бархатных, кожаных и шелковых переплетах, с золотыми обрезами.

Он открыл одну в зеленом бархатном переплете. На внутренней стороне обложки кто-то написал посвящение печатными буквами.

"Если бы любовь была розой,

Я стал бы ее листком,

Чтобы вместе идти по жизни,

Радуюсь и дождю, и солнцу..."

И дальше:

"Довольно сентиментально, Минна, но ты понимаешь, что я имею в виду. Поздравляю с днем рождения. Со всей моей любовью, Дун. Март 21-е. 1950".

Берден заглянул через плечо Уэксфорда.

— Кто такая Минна?

— Надо спросить Парсонса. Может быть, книги куплены у букиниста. Но выглядят очень дорогими. Не понимаю, почему она не держала их внизу на полках.

— А кто это — Дун? — опять спросил Берден.

— Ты, кажется, детектив. Вот и расследуй. — Уэксфорд положил книжку на пол и взял следующую. Она тоже была роскошной, и опять посвящение печатными буквами. Уэксфорд прочитал громко, без выражения:

"Я знаю, что тебе нравилась эта книга, Минна, и, увидев ее в магазине Фойла, мне захотелось купить ее для тебя. Счастливого Рождества, Дун, 1950".

Следующая, в красном кожаном переплете.

— Так, посмотрим на номер три. Поэмы Кристиана Розетти. И что Дун скажет на этот раз? Подарок ко дню рождения. Дорогой Минне, от Дуна, с пожеланием счастья. Июнь 1950. Может быть, миссис Парсонс скупила все по дешевке у этой Минны?

— А если миссис Парсонс и есть Минна?

— Это и мне пришло в голову, — ехидно проговорил Уэксфорд. — Такие красивые книги, Майк, это не те, что бывают на церковных распродажах, и они не по карману миссис Парсонс. Взгляни только — Омар Хайям, Уитмэн, Уильям Морис. Если не ошибаюсь, Омар Хайям стоит три-четыре фунта. И еще поэзия Уолтера Саваж Ландора. Даже листы не разрезаны. — Он прочитал: — *"Тебе понравится, Минна. С любовью, Дун. Март 21-е. 1950"*.

— А Минна даже не разрезала страницы. Надо поговорить с Парсонсом, Майк, и потом мы все это перевезем в участок. Этот чердак у меня вызывает дрожь...

Но Парсонс не знал, кто такая Минна, и выглядел удивленным, когда Уэксфорд упомянул дату — март 21-е.

— Никогда не слышал ни о ком по имени Минна, — сказал он, произнося имя с отвращением, как будто оно оскорбляло память о жене. — Маргарет никогда не говорила о друге по имени Дун. Я и книжек этих не видел. Мы жили в доме ее тети, пока не переехали сюда. И эти книги всегда лежали в чемодане. Мы просто перевезли их вместе с мебелью. Но день рождения Маргарет — 21 марта.

— Это может ничего не значить, но Дун упоминает о Фойле, а магазин Фойла находится в Лондоне, на Чаринг-Кросс-роуд, — сказал Уэксфорд.

— Но миссис Парсонс было только шестнадцать в 1949-м, и она два года жила во Флэгфорде. Всего лишь в пять милях отсюда, когда Дун дарил ей эти книги, — заметил Берден.

— Верно. Он тоже мог жить здесь и ездить в Лондон. Удивительно, почему он писал печатными буквами свои послания, Майк, а не обычным почерком? И почему миссис Парсонс прятала эти книги, как будто стыдилась их?

— Они бы производили куда большее впечатление на редкого гостя, чем "Невеста в ванне" или подобный бред. Этот Дун, кажется, был от нее без ума.

Уэксфорд достал из кармана фотографию миссис Парсонс. Казалось неправдоподобным, чтобы такая женщина могла вызвать такие нежные и пылки чувства и заставить говорить стихами.

— Но любовь не подобна розе. В данном случае она оказалась темным лесом и шнурком, накинута на шею и затянутым.

— Шнурок, веревка? — отозвался Берден. — А почему не шарф, такая нейлоновая розовая штука? Его нет в доме.

— Может быть. Можно поклясться, что шарф там же, где ключ и кошелек.

"Река моей жизни текла медленно, Минна, приближаясь к морю покоя. Ах, давно исчезли юношеские мечты о стремительности бурных дней.

И вот вчера, вчера вечером, Минна, вдруг передо мной явилась ты. Не в мечтах, как было раньше, а наяву. На твоем пальце было кольцо — эти кандалы докучливой любви, и сердце мое зашло от плача, потому что и мне известны ужасы таких ночей!

Но мой дух всегда преобладал над плотью, и для других моя плоть осталась, как незажженная свеча в запечатанной шкатулке. Огонек в душе моей постепенно угасал на холодном ветру. Но если свет из запечатанной шкатулки не подлежал воскрешению, угасающий огонек души кричал, жаждал руки, дарящей дружбу, сладкого взаимопонимания, искры, от которой разгорится вновь наша любовь.

Завтра мы увидимся с тобой и вместе проедем по серебряным улицам нашей юности. Ничего не бойся, все будет теперь хорошо, так хорошо и приятно, Минна, как теплые лучи солнца на лицах маленьких детей...

Глава седьмая

Черный "ягуар", не новый, но в прекрасном состоянии, был припаркован у дома Миселов, когда Уэксфорд и Берден подошли к калитке в семь часов вечера.

— Я знаю эту машину, — сказал Уэксфорд, — знаю, но не могу вспомнить, чья она. Наверное, старею.

— Друзья прибыли на коктейль, — насмешливо заметил Берден.

— Я бы не отказался и сам немного пожить такой жизнью, — проворчал Уэксфорд и с отвращением ударил в морской колокол.

Или миссис Мисел забыла, что они должны придти, или Ингу не предупредили. Прислуга выглядела удивленной, а потом мстительно обрадовалась. Как и у хозяйки, ее волосы были зачесаны наверх, но не так искусно. В левой руке она держала банку с красными перцами.

— Все здесь, двое еще обедают. Что за мужчина! Говорю вам, это просто потеря времени для такого жить в сельской глуши в Англии. Миссис Мисел сказала: "Инга, сделайте лозанью". Все должно быть итальянское — перец, макароны, красный перец... Играют, как на сцене...

— Мисс Вольф, нам нужно увидеть миссис Мисел.

— Я вас проведу. — Она хихикнула и, открыв дверь в гостиную, объявила безмятежно: — А вот и полицейские!

В гостиной в красивых креслах сидели четверо. На кофейном столике стояли четыре стакана с бледным сухим черри. На какой-то момент все застыли в молчании, потом Хелен Мисел густо покраснела и, повернувшись к мужчине, сидевшему между ней и мужем, открыла было рот, но снова закрыла.

Вот о ком Инга говорила в холле. Кводрент! Не удивительно, что Уэксфорд узнал его машину.

— Добрый вечер, мистер Кводрент. — В голосе старшего инспектора можно было услышать удивление, что он застал Кводрента в такой компании.

— Добрый вечер, старший инспектор. Инспектор Берден, здравствуйте.

Берден давно знал этого известного адвоката, часто видел его в городском суде Кингсмархэма и не любил по необъяснимой причине. Он кивнул Кводренту и женщине, несомненно, жене адвоката, занимавшей четвертое кресло. Эти двое, муж и жена, были внешне похожи: оба стройные, темноволосые, с прямыми носами и четко очерченными красными губами.

— Боюсь, мы снова к вам врываемся, сэр, — обратился Уэксфорд к Миселу, не отрывая взгляда от Кводрента. — Я бы хотел поговорить с вашей женой, если не возражаете.

Мисел поднялся, лицо его налилось бессильной яростью. В своем легком светло-сером костюме он выглядел толще, чем обычно. И тут Кводрент повел себя очень странно — достав из коробки на столе сигарету, вложил ее в рот обратным концом, зажег и тут же захлебнулся дымом. Опомившись, погасил сигарету в пепельнице.

— Я устал и меня тошнит от всего этого, — прорычал Мисел. — Нельзя посидеть спокойно с друзьями вечером, чтобы нас не преследовали. Моя жена вам все объяснила, и этого должно было хватить.

— Это расследование убийства, сэр, — напомнил Уэксфорд.

— Но мы собирались ужинать! — с трудом выговорила Хелен Мисел. Она нервно разгладила юбку на коленях и начала играть ожерельем из слоновой кости на шее. — Наверное, нам лучше пройти в твой кабинет, Пит. Сюда то и дело входит Инга. Проклятье, почему вы не оставите меня в покое! — Потом, повернувшись к жене Кводрента, произнесла: — Извини меня, я ненадолго, дорогая Фабия. Если, конечно, ты согласишься после всего остаться поужинать с "преступными элементами".

— Ты уверена, что не хочешь взять с собой Дугласа? — Кажется, Фабию Кводрент забавляла ситуация, и Берден подумал, что, возможно, хозяева предупредили гостей о предстоящем визите полиции. — Как вашего адвоката, я имею в виду.

Но Кводрент явно был напуган упоминанием об убийстве, когда закуривал сигарету не тем концом.

Они прошли в кабинет, и Уэксфорд прикрыл дверь.

— Я хочу, чтобы вы вернули мою губную помаду, и я пойду ужинать, — заявила Хелен Мисел.

Но Уэксфорд не обратил внимания на ее слова.

— А я хочу знать, кто был тот мужчина вместе с вами, когда вы потеряли помаду, мадам.

— Просто друг. Мне что, нельзя иметь друзей?

— Миссис Мисел, если вы откажетесь давать мне объяснения, придется допросить вашего мужа.

Берден хотя и привык к переменам ее настроения, вздрогнул от крика.

— Вы просто грязный низкий ублюдок!

— Меня не тронут ваши оскорбления, мадам. Видите ли, я привык иметь дело с кругом лиц, у которых такой язык в порядке вещей. Его имя, пожалуйста. Помните — расследуется дело об убийстве.

— Ну если вам так надо знать — это Дуглас Кводрент!

Так вот в чем дело. Берден вспомнил неудачное прикуривание.

— Инспектор Берден, — обратился к нему Уэксфорд, — отведите в столовую мистера Кводрента и спросите его, что он делал в среду вечером. Или это случилось все-таки во вторник, во второй половине дня, миссис Мисел?

Берден вышел, и Уэксфорд, вздохнув, повторил:

— Итак, мадам, я хочу услышать вашу версию снова.

— Что этот парень собирается говорить моему мужу?

— Инспектор Берден — опытный офицер. Если я буду удовлетворен ответами, вы потом легко сможете убедить мужа, что Кводрента опрашивали, как вашего адвоката.

И действительно, Берден так и объяснил свое появление в гостиной.

Кводрент лениво поднялся. Они прошли в столовую, и Берден отодвинул два стула от красиво сервированного стола.

— Мужчина есть мужчина, — весело заговорил Кводрент, когда Берден спросил его о прогулке на машине с Хелен Мисел. — Миссис Мисел абсолютно счастлива в браке. И я тоже. Нам просто нравятся некоторые опасные, но невинные приключения время от времени. Прогулка, ресторан... Никому никакого вреда, и все счастливы. — Он был обезоруживающе откровенен.

Бердена это удивило. В чем причина такой прямоты? Это не вязалось с напуганным видом и манерой поведения Кводрента, когда они вошли.

— Мы прокатились к лесу. Вышли, постояли на опушке, выкурили по сигарете. Вы знаете, что в машине курить невозможно, все пропитается табачным дымом. — Кажется, Бердену предлагали соучастие как мужчине-союзннику. — Боюсь, что ничего не могу сказать о помаде. Миссис Мисел довольно легкомысленно обращается с

вещами, она не бережет их. — Кводрент улыбнулся. — Может быть, поэтому она мне и нравится.

Был ли Кводрент в суде в тот день? Да, безусловно, и Берден его там видел. Вопрос в том, покидал ли он здание? Ведь Берден не следил в тот день за адвокатом.

— Значит, это случилось в среду, — спросил Берден, — или во вторник вечером?

— Послушайте, инспектор, во вторник я был в суде весь день. Вы же меня там видели.

В кабинете Уэксфорд слушал тот же самый рассказ от Хелен Мисел.

— Мы не входили в лес, — говорила она, — просто постояли под деревьями. Я взяла с собой свою сумочку, потому что в ней лежала довольно большая сумма денег, и, думаю, обронила помаду, когда доставала из нее носовой платок.

— Вы не отходили далеко от автомобиля, значит, автомобиль был все время у вас на виду?

Сеть была расставлена, и она угодила в нее.

— Нет, не отходили, и машина была нам видна. Мы просто стояли под деревьями и разговаривали.

— Значит, вы панически были настроены, миссис Мисел, или настороже. С вами был мистер Кводрент, вы видели все время машину и тем не менее боялись, что кто-то похитит вашу сумку, прямо у вас на глазах.

Хелен явно испугалась, и Уэксфорд окончательно уверился, что она не все ему рассказала.

— Может быть, взяла машинально. Не могу же я все время рассчитывать каждый свой шаг.

— Боюсь, что можете, мадам. И, вероятно, вы не выбросили, сохранили билеты в кино.

— О, Боже мой! Вы оставите меня когда-нибудь в покое? Разумеется, я выбросила их.

— Вы проявили недальновидность, мадам. Вам они могли пригодиться, если бы ваш муж вдруг захотел их увидеть как доказательство, что вы были в кино. Может быть, вы поищете их, и если найдете, прошу принести их в участок. Билеты помечены штампом, и легко будет определить, когда вы были в кино — во вторник или в среду.

Кводрент ждал его в столовой, стоя у буфета и рассматривая этикетки на двух бутылках белого вина.

— А! Старший инспектор! — Он говорил тем же тоном, которым умел растопить сердца судей магистрата. — Когда мы начинаем обманывать, то неизбежно запутываемся в паутине лжи.

— Вы бы уговорили миссис Мисел сказать правду, сэр. Очень неудачно для себя вы выбрали именно ту лесную дорогу... чтобы поговорить с ней там в среду вечером.

— Могу вас уверить, старший инспектор, что это была несчастная случайность. Если бы я знал о существовании тела миссис Парсонс неподалеку, первое, что сделал бы, пришел к вам. Я всегда оказываю полиции возможное содействие.

— Да, ситуация для вас несчастливая. Я бы назвал это злым роком.

В гостиной молча сидели Мисел и миссис Кводрент. Даже на вид у них было мало общего. Хелен Мисел и адвокат вошли, жизнерадостно лучась улыбками, как в игре в шарады на светской вечеринке. Вот шарада разгадана, ответ готов, и теперь все могут наконец приступить к ужину.

— Что ж, похоже, мы теперь можем поужинать, — облегченно проговорил Мисел.

Уэксфорд быстро взглянул на него.

— Кажется, вы провели всю вторую половину дня вторника в Кингсмархэме, мистер Мисел? Пожалуй, вам стоит рассказать мне подробнее, чем вы занимались, и кто вас видел.

— Я не стану говорить, — взорвался Мисел, — будь я проклят, если буду вам отвечать. Вы подслали вашу пешку...

— О, Питер! — прервала его Фабия Кводрент. — Пешка! Что за выражение!

Хелен Мисел, кажется, была рада, что внимание переключилось с нее на мужа.

— Мне нужен слепок с ваших колес, — невозмутимо продолжал Уэксфорд. При этих словах Бердена охватило отчаяние. Неужели ему суждено соскребать грязь с каждого автомобиля в Кингсмархэме?

— “Мерс” в гараже. Будьте как дома. Вы уже ворвались в дом, так почему бы вам не чувствовать себя свободно на всей нашей территории? Может, наша лужайка пригодится для спортивных занятий вашего воинства?

Фабия Кводрент при этом тонко улыбнулась, а ее муженек сжал губы и опустил голову. Но Хелен Мисел не засмеялась. Она бросила быстрый взгляд на Кводрента, и Бердену показалось, что ее передернуло. Потом подняла стакан и выпила шерри одним махом.

Уэксфорд сидел за своим столом, рассеянно черкая ручкой по листу бумаги. Давно пора было идти домой, но у них произошло слишком много событий в этот день, они получили массу запутанных ответов, уклончивых объяснений, и все это требовало осмысления и обсуждения.

— Но какая связь, Майк? Ведь она должна быть. — Уэксфорд вздохнул. — Иногда мне хочется жить и работать в Мексике. Тогда мы могли бы сейчас хватить какого-нибудь самогона, вроде текилы. Меня просто тошнит от бесконечно-го чая.

— Кводрент и миссис Мисел... — медленно начал Берден.

— У них действительно горячий роман, — прервал его Уэксфорд. — Они получают свое на заднем сиденье “ягуара”.

Берден казался шокированным.

— Такая дама? Почему они не пойдут в отель?

— В лучшие апартаменты “Олив и Доув”? Будь взрослым, Майк. И он не может пойти к ней домой из-за Инги, а она к нему из-за жены.

— Где он живет?

— Помнишь, где миссис Мисел держит свою машину? Мы видели на другой стороне дом с башенками. Она не может туда придти из-за милой Фабии. Думаю, они поехали на ту лесную дорогу, потому что место знакомо нашему Дуги К. Он наверняка перевозил туда половину девушек со своей работы. Там тихо, темно и интимно. Как раз то, что надо для него и миссис Мисел. Когда они закончили свои игры на заднем сиденье его автомобиля, то перешли в лес.

— Может, миссис Мисел увидела кролика, сэр? — невинным тоном предположил Берден.

— О, ради Бога! — вспыхнул Уэксфорд. — Я не знаю, почему их понесло в лес, но миссис Мисел могла заметить кое-что сквозь ветви деревьев. Может быть, они увидели тело...

— Кводрент пришел бы к нам.

— Нет, если бы она попросила его не делать этого. Ведь тогда Питер и Фабия узнали бы об их романе. Она его упросила, и наш галантный Дуги согласился молчать.

Берден озадаченно посмотрел на шефа. Потом сказал:

— Кводрент был напуган, сэр. Напуган до чертиков, когда нас увидел.

— Он испугался, что правда выплывет, а ведь в гостинной была его жена. Это естественно.

— Но почему он сразу признался?

— Может, боялся других вопросов.

— Или того, что нам расскажет миссис Мисел.

— И что бы это ни было, мы его не спросили, а она отвечала правильно, так что испуг был напрасен.

— Я его спросил про вторник. Он сказал, что был в суде весь день. Я его сам там видел. Но он появлялся и исчезал.

— Я тоже его там видел, но не следил за ним, и это большая разница. Я был наверху, а он вел дело внизу о вождении в нетрезвом виде. Дай подумать. В час был перерыв, и обратно все вернулись в два.

— Мы пошли обедать в "Карусель".

— И он тоже. Я видел его там. Но потом мы снова пошли наверх, Майк. А он? Не знаю. Он вернулся в суд в два, вместе со всеми, и был без машины. Он обычно приходит пешком, если предстоит работа недалеко от дома.

— Мисел мог быть замешан. Он тот еще тип, шеф. Ваш прихвостень... Надо же!

— Пешка, Майк, — ухмыльнулся Уэксфорд.

— Почему он не захотел нам говорить, где был во вторник?

— Понятия не имею, но покрывки "меркурия" были не грязные, просто пыльные.

— Он мог оставить машину на шоссе.

— Верно.

— Может, миссис Мисел пришла в голову идея, что Квотрент встречается с миссис Парсонс?

Уэксфорд начал раздражаться.

— Брось, Майк! Дуги и миссис Парсонс? Он шалит на стороне многие годы. Всем это известно. Но ты знаешь его вкус? Она не в его стиле. И миссис Мисел не стала бы из-за него убивать. Он просто был мужчиной, с которым приятно скоротать скучный вечер, ну как дополнение к телевизору.

— Я думал, только мужчины способны на такое. — Бердена часто поражали умозаключения шефа. — Она многим рисковала из-за этого романа.

— Ты должен немного шире мыслить, Майк. Я собираюсь одолжить тебе книгу Минны, оксфордский сборник викторианских стихов, чтобы расширить твой кругозор.

Берден взял книгу и перелистал страницы. Уолтер Саваж Ландор, Ковентри Пэтмур, Каролин Элизабет Сара Нортон... Эти имена выплывали из прошлого. Какая связь между ними, убитой и парой Миселов? Любовь, грех, боль — вот о чем кричали стихи на каждой странице.

Глава восьмая

День обещал быть прекрасным, слишком прекрасным для работы и ведения следствия. Когда Берден вошел в кабинет Уэксфорда, тот уже сидел за письменным столом и перелистывал страницы очередного роскошного издания. Остальные книги Дуна, перенесенные сюда из дома на Табард-роуд, заполнили книжный шкаф.

— Что-нибудь отыскали, сэр?

— Ничего особенного, — отозвался Уэксфорд, — но у меня есть идея. Я тебе скажу, когда ты прочтешь доклад из Бэлхэма. Он только что прибыл.

Доклад был напечатан и занимал не более двух листов. Берден уселся и начал читать.

Маргарет Айрис Парсонс, урожденная Маргарет Айрис Годфри, родители — Артур Годфри, военный санитар и его жена — Айрис Друзилла Годфри, родилась в Бэлхэме, 21 марта 1933 г. Родители погибли в результате бомбежки Бэлхэма в 1942, после чего Маргарет жила у тети по материнской линии, ее легального опекуна — миссис Этель Мэри Айвз, жены старшего авиамеханика Джоффрея Айвза, он служил в регулярных частях ВВС. Они жили по адресу: Сент-Джон-роуд 42, Бэлхэм. Там же жила дочь вышеуказанных опекунов Маргарет — Энн-Мэри Айвз, рожденная в 1932, 1 февраля, в Бэлхэме.

Старший механик Айвз был переведен во Флэгфорд, Сассекс, в сентябре 1949. Миссис Айвз, Энн-Мэри Айвз и Маргарет Годфри вместе с ним уехали из Бэлхэма и поселились во Флэгфорде.

После смерти Джоффрея Айвза в результате сердечного приступа в военном госпитале в Сьюнбери в июле 1951-го, миссис Айвз с дочерью и Маргарет вернулись в Бэлхэм, где ее дом сдавался в аренду, и они стали жить по старому адресу, на Сент-Джон-роуд. С сентября 1951-го по июль 1953-го Маргарет Годфри училась в колледже для девочек на Альберт-Лэйк, Стоук Ньюингтон, Лондон.

В августе 1952-го Энн-Мэри Айвз вышла замуж за Уилфура Стобарта Катца, служившего в американской армии, обвенчалась с ним в методистской церкви в Бэлхэме и уехала с мужем в Соединенные Штаты в октябре 1952-го.

Маргарет Годфри начала работать учительницей в подготовительной школе Бэлхэма в сентябре 1953-го.

Рональд Парсонс, клерк в возрасте двадцати семи лет, снимал комнату в доме тети Маргарет в апреле 1954-го. После смерти миссис Этель Айвз в госпитале Лондона после тяжелой болезни Маргарет Годфри и Рональд Парсонс обвенчались в методистской церкви в августе 1957-го и продолжали жить по адресу Сент-Джон-роуд 42, дом был оставлен в наследство: Маргарет и дочери умершей по завещанию.

Дом этот был продан в ноябре 1962-го, когда мистер и миссис Парсонс переехали в Кингсмархэм, Сассекс. Миссис Парсонс уволилась с работы в школе.

Приложение: свидетельство о рождении и смерти, прочие документы.

— Интересно, где теперь миссис Уилбур Катц? — спросил, ознакомившись с докладом, Берден.

— У тебя есть кузены в Америке, Майк? — произнес вкрадчиво Уэксфорд.

— Кажется, есть.

— И у меня, и у половины знакомых. Но никто не знает, где они находятся, и даже живы ли они.

— Вы говорили, у вас есть идея, сэ.

Уэксфорд взял доклад и толстым пальцем провел по второму параграфу.

— Эта мысль пришла ко мне ночью, в перерыве между поэтами Уитмэном и Розетти. Да как я раньше об этом не подумал, Майк! Парсонс говорил, что его жена переехала сюда, когда ей было шестнадцать, но я не обратил тогда на это внимания. Но ведь она была учительницей, до этого училась в колледже. Когда она жила во Флэгфорде, то должна была посещать среднюю школу. Есть только две школы для девочек в округе. Загородная школа Кингсмархэма и при монастыре Св.Екатерины, в Сьюингбери.

— Ну, она не пошла бы в монастырскую. Она была прихожанкой методистской церкви, и ее тетка тоже. Ведь дочь венчалась в методистской церкви. Но сегодня суббота, школы закрыты, и нам ничего не удастся выяснить.

— Я хочу, чтобы ты покопал основательно, здесь мы можем продвинуться в следствии. Я буду на работе. Директриса, мисс Фуллер, живет на Йорк-роуд. Посмотрим, что ты сможешь отыскать. У них наверняка сохранились архивы. Нам нужен список девушек, которые учились в одном классе с Маргарет Годфри с сентября 1949 по июль 1951.

— Будет нелегко их разыскать, сэр.

— Я знаю, Майк. Но ведь должен в этом деле наметиться перелом. Может быть, именно здесь. Нам известно все о жизни Маргарет Парсонс в Бэлхэме, и, кажется, она была очень скучной. Только два значительных события там произошли — любовь и смерть, Майк, любовь и смерть. И оба события — именно здесь. Кто-то любил ее и, когда она вернулась сюда, убил. Кто-то из бывших учениц сможет припомнить ее дружка, очевидно, очень ревнивого, у которого оказалась слишком хорошая память.

— Было бы неплохо, — отозвался Берден, — если бы какой-нибудь честный гражданин, любящий полицию, вошел вдруг сюда и объявил, что был знаком с миссис Парсонс, встречался с ней в 1950-м и увидел ее вдруг в магазине на прошлой неделе. — Он еще раз пробежал глазами доклад. — Ее родня была подвержена болезням, сэр, тут и инфаркт, и прочее...

— Когда Парсонс рассказывал нам о жене, он отметил, что ее дядя умер, а не был убит. Теперь понимаю. Ее родители были убиты, но не в том смысле, в каком мы понимаем это сейчас, они погибли во время войны.

Берден позвонил мисс Фуллер. Глубокий, правильно расставляющий ударения голос мисс Фуллер подтвердил: действительно, Маргарет Парсонс посещала среднюю школу, но она с трудом припоминает ее в то время, прошло много лет. Но тем не менее, она встречала Маргарет в Кингсмархэме, а потом из газет узнала, что ее убили.

— Какой ужас, инспектор! — По тону мисс Фуллер можно было подумать, что эта смерть ее расстроила, а скорее обидела. Ученики ее школы просто не могли пасть жертвой убийцы.

Он извинился, что побеспокоил ее, и спросил, не может ли она дать ему нужный список.

— Я сейчас позвоню миссис Мортлок, школьному секретарю. Заеду за ней, и мы вместе просмотрим документы в школе. Может быть, позвоните мне примерно в двенадцать, инспектор?

Берден заранее поблагодарил ее.

К тому времени доктор Крокер составил заключение. Смерть миссис Парсонс наступила по причине удушения каким-то предметом, может, шарфом или какой-нибудь полосой ткани. Других следов насилия, в том числе и сексуального, на теле не обнаружено. Она была здоровой, сильной женщиной, немного полноватой для ее роста. Уэксфорд, в свою очередь, доложил, что следов борьбы в лесу не найдено, а если они и были, то коровы Прюитта уничтожили все улики. Доктор припомнил, что на ногах жертвы заметил несколько еле заметных царапин, но таких незначительных, что он затрудняется сказать, были они оставлены до или после смерти.

Присутствующий Рональд Парсонс сидел молча, опустив руки на колени, и крутил в руке носовой платок. Он слегка наклонил голову, когда полицейский врач выразил ему формальные соболезнования, и, казалось, был совершенно подавлен свалившимся на него несчастьем. Поэтому Уэксфорд удивился, когда Парсонс, догнав его во дворе, тронул старшего инспектора за рукава.

— Сегодня утром пришло письмо для Маргарет, — сказал он без предисловий.

— Какое письмо, о чем вы? — Уэксфорд остановился.

— От кухни из Америки. Там есть кое-что... касается этого Дуна...

— Оно у вас сейчас? — резко спросил Уэксфорд.

— В кармане.

— Пошли ко мне.

Если Парсонс и заметил книги жены, разложенные повсюду, он не подал виду. Сел и протянул Уэксфорду конверт. Тот прочитал обратный адрес: от миссис Уилбур Катц, 1183, Санфлауэр Парк, Стейт-Сити, Колорадо, США.

— Это от бывшей мисс Энн Айвз. Ваша жена вела с ней регулярную переписку?

Парсонса, казалось, удивило произнесенное имя.

— Не сказал бы, что регулярно. Писала один-два раза в год. Я никогда не встречал миссис Катц.

— Когда вы переехали сюда, ваша жена успела написать ей?

— Я не знаю, старший инспектор. По правде говоря, меня не интересовала миссис Катц. Она писала Маргарет о вещах, которые имеет — автомобили, стиральный автомат, посудомоечную и так далее. Не знаю, расстраивало ли это Маргарет. Она очень гордилась своей кухней и никогда не выражала зависти. Но я дал понять, что мне неприятно, и она перестала показывать мне письма.

— Мистер Парсонс, дом был оставлен в наследство вашей жене и миссис Катц.

Парсонс с обидой прервал его.

— Мы выкупили ее долю, старший инспектор. Каждое пенни из семиста фунтов выплатили через Банк Лондона. Моя жена много работала, чтобы мы могли заплатить долю кухни. Магистрат потом выкупил дом у нас за девятьсот.

— Сержант Кэмб! — приоткрыв дверь, позвал Уэксфорд. — Чай, пожалуйста, и еще одну чашку. Я прочту письмо, если не возражаете, мистер Парсонс.

Письмо было написано на голубой бумаге, занимало много страниц, миссис Катц было что сказать кухне. Первые две страницы были посвящены отпуску, который мистер и миссис Катц с их детьми провели во Флориде, потом шло описание нового автомобиля миссис Катц. Мистера и миссис Парсонс приглашали приехать в Стейт-Сити на время отпуска. Читая, Уэксфорд начал понимать настроение мистера Парсонса по поводу родственников из-за океана.

Последняя страница содержала самое интересное.

“Слушай, Мэг, я просто была поражена, узнав, что вы с Роном переехали в Кингсмархэм. Уверена, что это идея Рона, не твоя. И ты встретила снова Дуна, не так ли? Я просто должна узнать, кто это. Ты должна мне сказать, а не обходиться намеками.

И не могу все-таки понять, почему тебя так пугает Дун. Да что тут такого? Ведь никогда между вами не было ничего серьезного. Ты понимаешь, о чем я, Мэг. Не могу поверить, что Дун все так же настойчив. Ты всегда была подозрительна! Если встречи с Дуном означают прогулки на автомобиле и еду в хорошем ресторане, я бы не стала проявлять щепетильность. Когда же вы с Роном наконец будете иметь собственный автомобиль? Уитлл говорит, что он просто не представляет, как вы обходитесь...”

И далее в таком же духе с многозначительными подчеркиваниями и восклицаниями. Письмо заканчивалось словами:

“...Привет Рону и напомни, что здесь ждут вас обоих с нетерпением. Когда вы только соберетесь приехать в Колорадо? Дети обнимают свою тетушку Мэг”.

— Это может оказаться очень важным, мистер Парсонс. Я оставлю письмо у себя.

Парсонс встал, так и не дотронувшись до чая.

— Лучше бы оно не приходило, — с горечью проговорил он. — Я хочу помнить Маргарет такой, какой знал. Оказывается, она была другой. Как все остальные женщины — встречалась с другим мужчиной из-за корысти.

Уэксфорд спокойно ответил:

— Кажется, действительно так было. Скажите, у вас никогда не возникало подозрений, что ваша жена встречается с Дуном? Похоже, они были знакомы еще в юности, когда она жила во Флэгфорде. Вот и встретились снова. Маргарет ведь посещала школу. Вы знали об этом?

Кажется, мистеру Парсонсу хотелось оградить остатки своей личной жизни от посторонних, но его счастливый брак рухнул. Смерть и неверность.

— Она не была счастлива во Флэгфорде. Не хотела вспоминать, и я перестал ее спрашивать. Вероятно, училась вместе с кучкой снобов. Я уважал ее сдержанность, инспектор.

— Она когда-нибудь рассказывала вам о своих прошлых увлечениях?

— Это была закрытая книга для нас обоих. Я не хотел ничего знать. — Парсонс подошел к окну. — Мы не такого сорта люди. Нас не привлекали любовные интрижки. — Он замолчал, вспомнив о письме. — Не могу в это поверить. Только не Маргарет. Она была порядочной женщиной, старший инспектор, очень сдержанной и порядочной. Наверное, ее кузина Катц напридумывала всяких небылиц.

— Мы узнаем больше, когда получим ответ на запрос из Колорадо. Письмо останется у меня. Оно вам не нужно.

— Спасибо и на этом, — отозвался Парсонс, немного замялся, дотронулся до бархатной обложки книги стихов Суинборна и быстро вышел из кабинета.

Наконец появилась зацепка. Наконец. Уэксфорд снял трубку и попросил девушку-оператора сделать звонок в Штаты. Пока ждал, думал о миссис Парсонс. Странная она была женщина, тайно вела двойную жизнь. Мужу и окружающим казалась тихой, благообразной домохозяйкой, просто одетая, в босоножках, хлопчатобумажном платице, бывшая учительница подготовишек, полирующая дверные ручки, посещающая церковный приход. Но кто-то, оказывается, двенадцать долгих лет сходил по ней с ума!

Глава девятая

Квартира мисс Фоулер неожиданно оказалась именно такой, какой ее представлял Берден. Неожиданно, потому что интуиция его подводила, и он частенько ошибался в людях. На этот раз Берден увидел то, что и ожидал — типичное гнездышко старой девы. Комната, куда его провела мисс Фоулер, была полна вещей, сделанных своими руками: расшитые подушечки, покрывало с вышивкой на диване, дешевая керамика. К сожалению, все эти вещи не создавали впечатления уюта, хотя, наверное, были для этого предназначены. Даже книг не оказалось в комнате школьной учительницы.

— Бедная, бедная Маргарет, — все повторяла она.

Когда Берден сел, она уселась напротив в кресло-качалку, поставив ноги на маленькую табуреточку.

— Какой ужасный случай! И бедный ее муж. Кстати, вот список, который вы просили.

Берден увидел аккуратно напечатанный столбик имен и фамилий.

— Расскажите о ней, какой вы ее запомнили, — попросил он.

Мисс Фоулер вдруг застенчиво рассмеялась, но тут же прикусила губу, очевидно, вспомнив, что смех сейчас неуместен.

— Если честно, инспектор, я не помню. Видите ли, у меня училось так много девочек... Разумеется, некоторых помню хорошо, в основном тех, кто добился успехов.

Ее выпуск был не таким успешным. Многообещающий вначале, но ничего выдающегося из них так и не получилось. Но я видела ее, когда она сюда вернулась.

— Здесь? В Кингсмархэме?

— С месяца назад. — Мисс Фоулер взяла пачку сигарет с каминной полки, положила Бердену, потом храбро задыхалась в одиночестве. — Я была на Хай-стрит, шла с работы, а она выходила из магазина, поздоровалась со мной. Признаюсь, я и понятия не имела, кто это. Но она напомнила мне свое имя — Маргарет Годфри. Они думают, что их всех помнят, инспектор.

— Тогда как же вы...

— Как я связала ее с миссис Парсонс? Увидела в газете ее фотографию. Я пожалела, что мы не поговорили тогда при встрече. Но я встречаю бывших учениц и часто не могу припомнить ни имя, ни возраст. Им может быть восемнадцать, а может, все тридцать. Так бывает, когда люди намного моложе вас, вы затрудняетесь определить их возраст. — Она улыбнулась Бердену. — Но вот вы молоды, это я вижу.

Он снова посмотрел на список. Все фамилии располагались по алфавиту.

Линн Энсли, Джоан Бертрам, Клер Кларк, Уэнди Дитчем, Маргарет Долан, Маргарет Годфри, Мэри Хеншоу, Джулиан Ингрэм, Энн Келли, Хелен Лерд, Марджори Миллер, Хильда Пентсмен, Жанет Пробин, Фабия Роджерс, Дейдре Сакс, Диана Стивенс, Уинфрид Томас, Гвен Уильямс, Ивонна Янг.

Под списком мисс Фоулер с торжеством приписала, что мисс Клер Кларк теперь преподает в этой же школе!

— Я бы хотел поговорить с мисс Кларк.

— Она живет в "Нектарин-коттедже", первая улица налево, вниз от Стоувертон-роуд.

Берден осторожно произнес:

— Какое необычное имя — Фабия.

Мисс Фоулер пожалала плечами.

— Ну не сказала бы. Она была одной из тех многообещающих учениц, о которых я вам говорила, но ничего не достигла. Она и ее муж довольно известны в так называемых высших кругах общества. Хелен Лерд была тоже в числе заметных. Очень хорошенькая, самоуверенная и вечно попадала в неприятности. Мальчики! Такая глупость! Я думала, из нее выйдет актриса, но она просто стала мужней женой. И наша мисс Кларк тоже... Я сама ничего не знаю, инспектор. Миссис Морет говорила что-то о том, что Хелен вышла замуж за торговца машинами. Какая жалость! Все разлетелось кто куда, понимаете, мы уже забыли о них, и вдруг, пятнадцать лет спустя, какая-то малышка появилась в первом классе, знакомая мордашка, где-то я ее уже видела. Ну, конечно, видела — копия матери!

Димфна и Присцилла, вспомнил Берден. Те же рыжие волосы, они, возможно, и напомнили мисс Фоулер забытое имя.

— Все же я не могу помнить всех, и к тому же через два года ухожу в отставку.

Берден поблагодарил ее за список и ушел. На работе Уэксфорд показал ему письмо от миссис Катц.

— Все указывает на то, что Дун и убил, сэр. Кто бы он там ни был. И что теперь будем делать? Ждать ответа из Колорадо?

— Нет, Майк. Нам надо спешить. Ясно, что миссис Катц не знает, кто такой Дун, и все, на что мы можем рассчитывать в лучшем случае, — на ее воспоминания о школьных годах и на последнее письмо от миссис Парсонс, посланное незадолго до смерти в Штаты. Дун, вероятно, один из мальчиков, с которыми она дружила, когда училась здесь в школе. Будем надеяться, что мальчиков у нее было не много.

— Что меня удивляет, — продолжил Берден, — не похоже, что послания для Минны написаны очень молодым человеком, слишком уж изысканны, их, скорее, мог написать человек постарше.

— Я думал об этом. Проверил Прюитта и его работников. Прюитт купил ферму в 1949-м, ему было тогда двадцать восемь. Он получил образование и вполне способен написать такие посвящения, но он во вторник был в Лондоне. Сомнений тут нет, если только он не вступил в заговор с двумя докторами, специалистом-кардиологом, своей сестрой, большим количеством медсестер и собственной женой. Дрейкотт живет здесь всего два года, он был в Австралии с 1947 по 1953. Байсот едва ли сможет написать правильно собственное имя. То же можно сказать о Трейноре. Эдвардс служил в армии с 1950 по 1951, а Дороти Свитинг навряд ли могла знать о романах в жизни Минны, двенадцать лет назад ей было всего семь лет.

— Значит, остается уповать на список. Вас он заинтересует, когда вы прочтете эти имена, сэр.

Уэксфорд взял лист и, когда дошел до Фабии Роджерс и Хелен Лерд, грубо выругался. Берден написал сверху их фамилий Мисел и Кводрент и поставил знак вопроса.

— Роджерс, — произнес Уэксфорд, — ее родители: старый Роджерс и его миссис из Помфрет-Холл. Очень богатые. Впрочем, у нее не было основания нам сообщать, что она знала миссис Парсонс. Когда мы разговаривали с Дуги, этот Дун не казался нам тогда важным. Но миссис Мисел! Не знает миссис Парсонс, надо же, хотя они учились в одном классе! — Он даже покраснел от ярости. Бердену было известно, как шеф не любил, когда его водят за нос. — Я уже собирался забыть о билете в кино, Майк, но теперь не уверен, что сделаю это. Снова начну трясти миссис Мисел, и пока я занимаюсь ею, ты начнешь отыскивать остальных женщин.

— Это ведь была школа для девочек, — пробормотал Берден, — и они теперь повыходили замуж и изменили фамилии.

— Ничем не могу помочь, — отрезал Уэксфорд, — начальство, старший констебль Грисволд, уже дважды интересовался, как идет расследование, я затылком постоянно чувствую его дыхание. Ты знаешь его, Майк. Малейший намек на трудности — и он взывает к помощи Ярда. — И Уэксфорд вышел, оставив Бердена наедине со списком и письмом.

Перед тем, как начать "охоту на женщин", Берден снова прочитал письмо. Содержание удивляло, по-иному позволяло взглянуть на миссис Парсонс и обнаружить черты характера, менее всего ожидаемые от такой, как она. Кажется, она не была так невинна и чиста, как казалось окружающим.

"...Если встречи с Дуном означают прогулки в авто и бесплатные обеды в дорогих ресторанах, я бы не стала проявлять излишнюю щепетильность..." — писала миссис Катц. Но в то же время она не знала, кто такой Дун. Миссис Парсонс скрывала имя ухажера от своей кузины, с которой была очень близка.

Странная женщина. И странный ухажер. Какие-то непонятные отношения с этим Дуном. Миссис Катц пишет: "Не понимаю, чего ты боишься... ничего особенного в этом нет". Что она имела в виду под этим "ничего". Но миссис Парсонс была напугана. Чего именно она боялась, сексуального домогательства? Миссис Катц обвиняет ее в излишней подозрительности. Но любая добродетельная женщина будет напугана и подозрительна по отношению к мужчине, который проявляет настойчивость.

Письмо, как и получатель, представляло загадку. Берден положил его на стол и повернулся к телефону. Во всяком случае, не ухаживание, а что-то другое пугало миссис Парсонс, но это было настолько безобидно, по мнению ее кузины, что не сто-

ило проявлять подозрительность и излишнюю щепетильность. Он покачал головой, как человек перед неразрешимой загадкой, и начал набирать первый номер.

Первыми были Бертрам, потому что трех из списка: Энтсли, Пентсменов и Саксов — в телефонной книге не оказалось. Ответивший Бертрам сказал, что ему за восемьдесят и он холостяк. Инспектор набрал номер Дитчемов, оказавшихся в единственном числе, но никто не ответил на настойчивые вызовы.

Номер миссис Долан был занят. Он подождал пять минут и набрал снова. Наконец она ответила. Да, она мать Маргарет Долан, но Маргарет теперь миссис Хет и переехала в Эдинбург. Маргарет никогда не приводила в дом подругу с именем Годфри. Она дружила с Джанет Пробин и Дейдре Сакс, и, насколько помнила миссис Долан, они держались всегда втроем.

Мать Мэри Хэншоу умерла. Берден поговорил с отцом. Его дочь все еще живет в Кингсмархэме. На вопрос, замужем ли она, мистер Хэншоу разразился громким смехом, и инспектор терпеливо ждал, пока он отсмеется. Наконец тот выговорил, что его дочь, разумеется, замужем. Она теперь миссис Хедли и находится сейчас в госпитале графства.

— Я бы хотел поговорить с ней.

— Вы никак не сможете, — опять развеселился мистер Хэншоу, — пока не надеете на себя белый халат. Она собирается родить ребенка. Четвертого. Я думал, вы оттуда звоните, чтобы сообщить мне радостную весть.

Миссис Ингрэм дала ему телефон дочери, которая теперь была миссис Блумфилд. Но она ничего не знала о Маргарет Годфри, за исключением того, что была хорошенькая, замкнутая, любила читать и была довольно застенчива.

— Хорошенькая, вы сказали?

— Да, привлекательна в своем роде. О, я понимаю, о чем вы. Я видела фото в газетах. Красота быстро уходит, как правило.

Бердену это было известно, но он все равно удивился.

Энн Келли уехала в Австралию, Мэрджори Миллер...

— Моя дочь погибла в автокатастрофе, — сказал голос, полный боли. — Я думала, полиции это известно.

Берден тяжело вздохнул. Пентсмен, Пробин, Роджерс, Сакс... Только двадцать шесть Стивенсов, сорок Томасов, двенадцать Янгов и пятьдесят два Уильямса. Работа займет весь день и вечер. Тут могла помочь только Клер Кларк. Он закрыл справочник и поехал в "Нектарин-коттедж".

Дверь открыла Инга. Застекленные двери, ведущие в сад, были широко распахнуты, когда Уэксфорд вошел в холл. Он сразу услышал доносившиеся из сада крики, ссорились дети. Он прошел за девушкой через лужайку и вначале никого не увидел, кроме двух маленьких девочек, старшая — миниатюрная копия своей матери, со светло-голубыми глазами и ярко-рыжими волосами, и младшая — веснушчатая и белокурая толстушка. Они громко спорили, кому качаться на доске.

Инга поспешила к ним.

— Вы кто, маленькие девочки или грубые мальчишки? Вот пришел полицейский, он вас сейчас заберет.

Но дети не обратили внимания на угрозу. Димфна уже забралась на верх доски и теперь пинала ногой сестру в спину.

— Если он полицейский, — заявила она, — где его форма?

Кто-то рассмеялся, и Уэксфорд, живо обернувшись, заметил Хелен Мисел в гамаке около стены дома, вернее, ее загорелую руку, державшую стакан с чаем. Подойдя ближе, он увидел хозяйку дома в купальном костюме. Узенькая полоска наверху

и треугольник ткани внизу — провокационное бикини. Уэксфорд невольно смутился, потом разозлился и на себя, и на нее:

— Опять вы! — сказала она. — Теперь я знаю, что чувствует преследуемый охотниками лис. Ему это не доставляет удовольствия.

Мисела нигде не было видно, но из-за живой изгороди, состоявшей из зеленых плотных кустов, доносился шум работающей газонокосилки.

— Не могли бы мы пройти в дом и там поговорить, миссис Мисел?

Она колебалась, прислушиваясь к звукам из-за кустов. Шум газонокосилки стал отдаленнее, но когда она собралась ответить, снова усилился. Хелен Мисел опустила длинные ноги на землю. На левой лодыжке Уэксфорд увидел тонкую золотую цепочку.

— Кажется, у меня нет выбора, не так ли? — Она прошла вперед в открытую стеклянную дверь, потом через прохладную гостиную в кабинет с рододендронами. Уселась в непринужденной позе, закинув ногу на ногу, и произнесла: — Ну и что теперь?

Уэксфорд невольно отвел глаза от ее почти обнаженной фигуры. Но она была в собственном доме, и не его дело приказывать ей накинуть что-нибудь на себя. Вместо этого он достал из кармана фотографию.

— Почему вы не сказали мне, что знали эту женщину?

Испуг в ее глазах сменился удивлением.

— Но я ее не знаю.

— Вы учились вместе в одном классе, миссис Мисел.

Она взглядела в фотографию пристальнее.

— Нет, по крайней мере, я не узнаю. На вид она старше и, вероятно, училась до меня. Наверное, была в шестом, когда я пришла в первый. Откуда мне знать ее?

Уэксфорд жестко отчеканил:

— Миссис Парсонс было тридцать, столько же, сколько вам. Ее девичья фамилия — Годфри.

— Обожаю это выражение: девичья фамилия. Как целомудренно звучит. Ладно, старший инспектор. Я вспомнила ее. Но она очень изменилась с возрастом. — И на ее губах заиграла торжествующая улыбка.

— Жаль, что вы никак не вспомните, что делали в четверг вечером, миссис Мисел. Вы себя уже выставили в невыгодном свете, с самого начала солгав инспектору Бердену и мне. Мистер Кводрент подтвердит, что я вправе привлечь вас за...

Она обиженно прервала его.

— Почему вы прицепились ко мне? Фабия тоже ее знала... и... многие другие.

— Я спрашиваю вас. Расскажите о ней.

— Если я расскажу, вы обещаете уйти и больше не приходите?

— Скажете мне всю правду, мадам, и я с удовольствием уйду и не вернусь, потому что я очень занятый человек.

— Я не любила школу, — начала она, — скучно там было. Я просила, умоляла папу перевести меня в...

— Маргарет Годфри, миссис Мисел.

— О да, Маргарет Годфри. Она была, как это сказать, ну ничего из себя не представляла, обыкновенная заурядность — прелестное слово, не так ли? Во всем заурядна — ни внешности, ни ума, ничего.

— С кем она дружила?

— Дайте подумать. Ну, Энн Келли, и еще одна прыщеватая дрянь по фамилии Бертрам, и Диана, не помню фамилию...

— Диана Стивенс?

— Господи, вы всех знаете!

— А мальчики?

— Откуда мне знать про ее мальчиков? Я была слишком занята в этом направлении сама, — и она лукаво посмотрела на него, кокетливо выпятив губку.

— Энн Келли, — продолжал Уэксфорд. — Диана Стивенс и девочка Бертрам. А Клер Кларк и миссис Квотрент? Они, наверно, тоже ее помнят?

Хотя Хелен Мисел заявила, что ненавидела школу, по мере рассказа ее голос и жесткие черты лица смягчились, Уэксфорд еще никогда ее такой не видел. Он даже забыл свою злость, ее ложь, провокационное бикини и просто слушал.

— Смешно, — говорила она, — но эти имена вдруг заставили меня вспомнить все. Мы любили сидеть в саду, в заброшенном диком школьном саду. Фабия, я и девочка Кларк — я ее вижу иногда сейчас, и Джилл Инграм и Келли, и — Маргарет Годфри. Мы должны были работать там, но мало что делали. Просто болтали...

— О мальчиках, миссис Мисел?

— Нет, — возразила она, — только не в саду. Заросший пруд, скамейка, мы любили мечтать там, кем станем, когда вырастем. — Она замолчала, а Уэксфорд вдруг живо представил картину: зеленые заросли сада, девочки с книгами, их звонкий смех, мечты, самоуверенность юности. Он так задумался, что даже вздрогнул от ее горячего иступленного шепота. Кажется, она забыла о его присутствии.

— Я хотела быть актрисой... Они не позволили мне, мои отец и мать! Посадили меня дома, и постепенно все куда-то ушло. Все превратилось в ничто. — Опомнившись, она откинула волосы назад и кончиками пальцев разгладила складочку на переносице. — Потом я встретила Пита, и мы поженились. Вот и вся история моей жизни.

— Мы никогда не получаем все, что хотим.

— Да, и не я одна...

Она заколебалась, и Уэксфорд задержал дыхание. Он вдруг почувствовал, что сейчас может услышать нечто необыкновенно важное. Зеленые глаза расширились, зажглись внутренним светом... Но... Скрипнул паркет, послышались приглушенные ковром шаги. Миссис Мисел вдруг побледнела.

— О, прошу вас, не говорите ему о билете в кино! Прошу вас!

Уэксфорд выругался про себя. Дверь открылась, и вошел Мисел. По его лицу градом катился пот, под мышками расплзлись темные пятна. Он взглянул на жену, и во взгляде была странная смесь неприязни и вожделения.

— Прикройся немедленно, надень что-нибудь на себя, — крикнул он. — Ну, давай пошевеливайся! Иди оденься!

Хелен медленно встала и съежилась, как будто ее хлестнули.

— Я загорала, — тихо объяснила она.

Мисел круто развернулся к Уэксфорду.

— Вы что, пришли поглядеть на пип-шоу? — Он весь побагровел от ярости и ревности, а Уэксфорд даже не смог рассердиться, потому что его вдруг кольнуло сочувствие к грубияну. Поэтому он кротко ответил:

— Ваша жена очень помогла нам.

— Могу побиться об заклад, что так и есть. — Мисел почти вытолкнул жену за дверь. — Была добра, это ее основное качество — быть добренькой ко всем без разбора: к Тому, Дику, Гарри. Ну, теперь можете переключиться на меня. Что вы делали в Клинтмархэме во вторник, во второй половине дня, мистер Мисел? Назовите имя клиента, мистер Мисел. Ну же, давайте. Что вы хотите знать?

Уэксфорд встал и молча пошел к двери. Мисел смотрел ему вслед, как сторожевой свирепый пес, готовый вцепиться в непрошенного гостя.

— Не хотите? Никто меня не видел. Я мог задушить ту женщину. Так хотите знать или нет?

— Я знаю, чем вы занимались, — ответил Уэксфорд, специально опустив “сэр”, — вы только что мне сами сказали, — он открыл дверь, — хотя и другими словами.

Дом Дугласа Кводрента был гораздо внушительнее размерами и гораздо менее приятен глазу, чем дом Миселов. Он стоял футак в пятидесяти от дороги. Огромный кедр немного смягчал суровый аскетический сад, состоявший из одних кустарников. Идя по дорожке к дому, Уэксфорд вспомнил, что видел похожие дома в Шотландии — из гранита, в готическом стиле, по обоим концам башни со шпилями.

Дверь открыла женщина лет семидесяти, в строгом коричневом платье, бежевом чепце и таком же фартуке. Разумеется, в этом доме нельзя было встретить легкомысленную блондинку-горничную.

Уэксфорд показал удостоверение и спросил, где хозяйка.

— Мадам пьет чай. Я спрошу, сможет ли она вас принять.

— Скажите, старший инспектор Уэксфорд хочет с ней поговорить.

Старая женщина смотрела на него так, как будто собиралась его выставить, но Уэксфорд уже закрыл за собой дверь. В это время раздался женский голос.

— Кто там, няня?

Он узнал голос миссис Кводрент и вспомнил, она улыбалась насмешливо, слушая грубые шутки Мисела.

Няня торжественно распахнула перед ним двойные двери в столовую, при этом он почувствовал себя действующим лицом фильма из старинной жизни.

Дуглас и Фабия Кводрент сидели по обоим концам большого низкого стола, накрытого кружевной скатертью. Чай только что подали, потому что миссис Кводрент отложила книгу, которую читала, раскрытыми страницами вниз. Мягкий блеск старинного, тщательно начищенного серебра: чайник с заваркой, кувшинчик со сливками, сахарница. Металлический желтый чайник с кипятком на спиртовой горелке — Уэксфорд не видел такого чайника лет сорок.

Кводрент ел хлеб с маслом. Просто хлеб и просто масло, но кусочки хлеба были тонко нарезаны, размером напоминая вафли.

— Приятная неожиданность. — На этот раз не последовало смущения и неловких трюков с сигаретами. Он аккуратно, почти грациозно поставил чашку и показал рукой на кресло. — Вы ведь знакомы с моей женой?

Большая столовая, китайский фарфор, серебро и длинные, винного цвета, шторы, а посреди этого великолепия миссис Кводрент — темноволосая, в элегантном черном туалете, кормящая сливками своего кота.

— Чай, старший инспектор? — она подлила немного кипятка в чайник с заваркой.

— Нет, благодарю вас.

Прошло много лет с тех пор, как она сидела с подругами в старом школьном саду. Уже тогда она была более элегантно одета и причесана, чем остальные девочки. Она была красива, но, на взгляд инспектора, выглядела старше, чем Хелен Мисел, намного старше. Ни детей, ни забот, много денег, нечего делать весь день, только кормить сливками блудного кота. Может быть, ревность, которая заставляла багроветь Мисела, состарила жену Кводрента?

— Чем обязан? — спросил Кводрент. — Я так и знал, что вы придете сегодня. Видел утром газеты, вы, оказывается, нисколько не продвинулись в этом деле. — И, как

имеющий непосредственное отношение к закону человек, добавил понимающе: — На этот раз вам попался неуловимый убийца.

— Постепенно продвигаемся, — неохотно ответил Уэксфорд. — Вообще-то я хотел поговорить с вашей женой.

— Со мной? — Фабия Кводрент дотронулась до одной из своих платиновых сережек, на ее руке Уэксфорд заметил выпуклые вены, как у пожилых женщин. — О, понимаю. Потому что я знала Маргарет, так? Но мы никогда не были с ней близки, и найдется много других, кто знал ее лучше меня.

— Если бы знать, где их найти.

— Я не встречалась с ней с тех пор, как ее семья уехала из Флэгфорда, и увидела только несколько недель назад. Мы встретились на Хай-стрит и зашли выпить кофе. Но говорить было не о чем, наши пути давно разошлись.

— О чем вы разговаривали, миссис Кводрент?

— О том, как изменился город, о старых школьных друзьях.

— Вы встречались когда-нибудь с Энн Айвз?

— Вы имеете в виду кузину Маргарет? Нет, я ее никогда не видела. Она не училась с нами в школе. Работала машинисткой или клерком, точно не знаю.

Кводрент молча слушал, закинув ногу на ногу. Казалось, его забавлял разговор. Он закончил пить чай, скомкал салфетку и потянулся за сигаретой. Уэксфорд увидел, как адвокат достал из кармана коробок спичек и зажег одну. Спички! Странно. Ведь если бы он курил постоянно, наверняка пользовался бы настольной зажигалкой. Возмущение Уэксфорда заработало. Около тела миссис Парсонс нашли единственную спичку, наполовину обгоревшую...

— Теперь о мальчиках, с которыми дружила Маргарет Годфри. Можете вспомнить хоть одного, миссис Кводрент?

Он наклонился вперед, чтобы подчеркнуть важность вопроса. Ему показалось, что на мгновение ее глаза загорелись злым блеском, но выражение промелькнуло и исчезло.

— Был один мальчик.

— Постарайся вспомнить, — вмешался Кводрент.

— Я не могу сразу припомнить. Такой...

— Принц Уэльский? — Кводрент вовсе наслаждался собой.

Фабия Кводрент рассмеялась, она благосклонно относилась к ироническим замечаниям мужа, а старший инспектор уже раздражал ее. Несмотря на неверность Кводрента, эту пару связывали узы, кажется, посильнее, чем обычный брачный договор.

— Я вспомнила. Друри. Дадли Друри. Он жил во Флэгфорде.

— Благодарю вас, миссис Кводрент. Я вдруг подумал, что ваш муж, возможно, тоже ее знал.

— Я?! — Кводрент даже взвизгнул от неожиданности, потом залился ироническим смехом. — Я знал ее? Каким образом? Уверяю вас, дорогой старший инспектор, что я ее просто не мог знать!

Уэксфорд отвернулся, ему стало неприятно смотреть на этого смеющегося негодя. Миссис Кводрент опустила глаза.

— Этот Друри... — заговорил Уэксфорд. — Не знаете, не называла она его, случайно, Дуном?

— Дун? — протянула Фабия. — О нет, никогда не слышала.

Она не поднялась, когда Уэксфорд собрался уходить, только кивнула безразлично и взяла отложенную книгу. Кводрент быстренько его проводил и закрыл входную дверь, не успев инспектор спуститься до конца лестницы. Как будто Уэксфорд был

продавцом щеток или приходил проверять электросчетчик. Ох, уж этот Дуги! Если и был мужчина, способный задушить одну женщину и потом заниматься любовью с другой буквально в нескольких ярдах от места преступления...

Но причина, мотив? Глубоко задумавшись, Уэксфорд спустился по Кингсбрук-роуд, перешел на другую сторону и, проходя мимо того места, где находился гараж миссис Мисел, услышал, как его позвал женский голос.

— Вы видели Дугласа? — Кажется, она немного пришла в себя. Бикини сменилось шелковым цветным платьем, дополненным туфлями на высоких каблуках и большой шляпой.

— Миссис Кводрент помогла заполнить некоторые пробелы.

— Фабия? Вы меня поражаете. Она такая неразговорчивая. Но Дуглас наверняка был самим собой. — Ее хорошенькое личико выразило чувственность и восторг. — Он великолепен, не правда ли? Просто неотразим! Господи, некоторым невдомек, чем они владеют!

— У меня создалось впечатление, что вы хотели мне рассказать кое о чем еще. Ваш муж прервал нашу беседу.

— Может быть, а может, нет. Но теперь я ничего не хочу вам сказать. — Она прошествовала к машине и открыла дверцу.

— Едете в кино? — спросил Уэксфорд.

Хелен захлопнула дверцу и включила зажигание.

— Чтоб вы провалились! — Уэксфорд услышал это уже сквозь шум заработавшего двигателя.

Глава десятая

“Нектарин-коттедж” находился в сырой лощине, за дорогой в Стоувертон. Спуск по тропинке, заросшей ежевикой, явно был небезопасен, и мисс Кларк, зная это, оставила указатели через равные интервалы, написанные карандашом от руки. Они и направляли Бердена, пока он спускался. Первый был на калитке: “Приподнимите и сильно толкните”. Второй, где-то в десяти футах вниз по тропинке: “Осторожнее, колючая проволока”. Заросли ежевики и сорняков не давали возможности произрасть культурным растениям. Лишь унылые ряды капусты и великолепные кабачки под гленкой. Там был воткнут шест, и на нем тоже объявление, предупреждающее о наличии овощей. Очевидно, у мисс Кларк были очень неуклюжие друзья, либо она страдала от посторонних, проходивших мимо. И их можно было понять, потому что признаки того, что это место обитаемо, состояли лишь в ее объявлениях. Сам коттедж Берден увидел, только когда спустился до конца.

Дверь была приоткрыта, и оттуда доносился веселый смех. Он даже подумал, что ошибся адресом, но вокруг не было больше домов. Берден постучал в дверь, смех усилился, и кто-то крикнул:

— Это ты, Додо? Мы уже потеряли надежду.

Додо мог быть мужчиной, а мог и женщиной, даже скорее женщиной. Берден густо откашлялся.

— О, кажется, это не она, — сказал голос. — Вот что я тебе скажу, Ди, это, наверное, тот полицейский от старой Фанни Фуллер, ну тот самый кашляющий коп.

Берден почувствовал себя не в своей тарелке. Голос доносился откуда-то из глубины коридора. Он громко крикнул:

— Инспектор Берден, мадам!

Дверь широко распахнулась, и появилась женщина в наряде тирольской крестьянки. Светлые волосы забраны назад и уложены вокруг головы тугой косой.

— О, я не знала, что дверь открыта. Я пошутила насчет копа мисс Фулер. Она позвонила и предупредила меня.

— Мисс Кларк?

— Кто же еще?

Странная женщина, решил Берден, взрослая, а одета, как Гретель Хампердинка.

— Пойдемте, присоединяйтесь к нам.

Он прошел за ней на кухню. "Осторожно, ступеньки", вовремя увидел он очередное объявление, чуть не загремев вниз. Три ступеньки вели на кухню. Она была еще хуже, чем кухня миссис Парсонс, и гораздо грязнее. Но за окнами ярко светило солнце, и к стеклу прижималась красная роза.

Не было ничего странного в женщине, которую хозяйка представила как Ди. Она могла быть двойником миссис Парсонс, только волосы черные, и она была в очках. Сидела за столом и ела тост.

— Ди Планкетт, инспектор Берден, — представила Клер Кларк. — Садитесь, инспектор, но только не на этот стул, там пружина лопнула. Выпейте с нами чаю.

Берден отказался от чая и сел на стул с деревянным сиденьем, показавшийся ему довольно чистым.

— Я не возражаю, если вы станете говорить, пока я ем, — и мисс Кларк снова прыснула. Потом заглянула в баночку с джемом и сказала недовольно своей подруге: — Черт побери! Южная Африка! Теперь не стану есть. — Но Берден заметил, что после этого она намазала густо хлеб джемом, и уже с набитым ртом обратилась к нему: — Ну, давайте выкладывайте. Я вся внимание.

— Я хотел бы услышать от вас следующее: знаете ли вы имена мальчиков, с которыми дружила миссис Парсонс, когда она была Маргарет Годфри. Ведь вы учились с ней вместе.

Мисс Кларк облизала губы.

— Вы пришли по адресу, — заявила она, — у меня память, как у слона.

— И не только память, — заметила Ди Планкетт, и захохотала. Мисс Кларк добродушно поддержала ее, нисколько не обидевшись.

— Я хорошо помню Маргарет. Второсортные мозги, анемичная внешность, характер угрюмый и чопорный. Не очень-то общительный тип, никакого духа товарищества. Ходила с подружкой по имени Бертрам, ныне исчезнувшей, растворившейся в тумане. Одно время Маргарет сблизилась с Фабией Роджерс и Дианой Стивенс.

— Так что о мальчиках, мисс Кларк? — перебил ее Берден.

— Ищите в данном случае не женщину, а мужчину, так? Вы пришли прямо по адресу, я же сказала. Помнишь, Ди, когда она первый раз пошла с ним в кино, а мы сели сзади. Как он хотел взять ее за руку. Ох, умора! Не забуду этого никогда.

— Как его звали? — Берден устал от них и разозлился. Он думал, что с годами работы его сердце ожесточилось, стало неуязвимым для жалости к погибшим, но сейчас перед глазами всплыл труп миссис Парсонс, в скомканном дешевом платье и лицо Парсонса. Ни один человек, из тех, кого ему пришлось допрашивать по этому делу, ему не понравился. Неужели они совершенно лишены чувства жалости, милосердия?

— Так как его звали?

— Дадли Друри. О, не могу, Дадли Друри!

— Ну и имечко для человека, с которым ложишься в постель, — жизнерадостно поддержала подруга.

Клер Кларк зашептала ей на ухо, но таким громким шепотом, что Берден услышал:

— Она этого не делала. Никогда этого не было.

Миссис Планкетт взглянула на Бердена и, кажется, устыдилась, даже попыталась в свое оправдание ему помочь.

— Он все еще живет здесь, если хотите его видеть. Недалеко от станции в Стовертоне. Вы, конечно, не думаете, что это он убил Маргарет Годфри?

Неожиданно Клер Кларк произнесла:

— Она была довольно хорошенькая. Он просто с ума по ней сходил. Она ведь тогда не была похожа на ту, с ужасной фотографии в газетах. Кажется, у меня где-то есть старый снимок. Там все девочки снялись вместе.

Но Бердену хотелось одного, теперь, когда он получил ответ на главный вопрос, — уйти отсюда как можно скорее. С него хватит.

— Благодарю, мисс Кларк. До свидания, миссис Планкетт.

— Ну что ж, было приятно познакомиться. — Кларк снова хихикнула. — Не часто мы здесь видим мужчину, верно, Ди?

Уже на полпути, Берден внезапно остановился. Навстречу, насвистывая, в брюках для верховой езды и в рубашке с распахнутым воротом шла Дороти Свитинг.

Додо, вспомнил Берден. Они сначала решили, что пришла Додо. Додо оказалась женщиной. Дороти Свитинг.

— Добрый день, мисс Свитинг.

Она ответила широкой невинной улыбкой.

— О, привет! Приятная встреча. Я иду с фермы. Знаете, Джимми Трейнор не успевает отгонять хворостиной любопытных. Я сказала миссис Приюитт, что он может брать полкроны за вход в лес.

— Надеюсь, он не подумает воспользоваться подобным советом, — неожиданно для самого себя рассвирепел Берден.

— А что тут особенного? Я знаю одного парня, на его поле упал самолет. Так он превратил поле в стоянку для машин, так много народу приезжало взглянуть.

Берден посторонился, давая ей дорогу.

— У вас чай остынет, мисс Свитинг, — сказал он.

— Что дальше? Если не принять меры, они весь лес разнесут по веточке и щепочке на сувениры, — произнес Уэксфорд, когда Берден доложил о своем визите.

— Может, послать туда пару наших ребят, сэр? — предложил Берден.

— Сделай так и найди адрес этого типа — Друри. Поедем туда вместе.

— Значит, вы не станете ждать ответа из Колорадо, сэр?

— Друри — наша большая надежда, Майк. Он вполне может быть Дуном. Что бы там ни говорил Парсонс о верности своей жены, я уверен, что по возвращении сюда она встречалась с Дуном и, возможно, поддалась вновь его чарам. А почему он убил ее, могу сказать на это следующее — мужчины иногда душат женщин, с которыми у них любовная связь, а миссис Парсонс принимала поездки на автомобиле и бесплатные обеды в ресторанах, но, видимо, не хотела за них расплачиваться. Вот как я вижу это дело, Майк. Дун встретился с миссис Парсонс и попросил свидания во вторник во второй половине дня с твердым намерением уговорить ее стать его любовницей. Они не могли встретиться около ее дома, это было рискованно, поэтому договорились, что Дун встретит ее у шоссе на Помфрет. Она взяла с собой шарф-капюшон, потому что собирался дождь, и она явно не рассчитывала все время провести в машине. Даже если она не собиралась стать любовницей Дуна, ей не хотелось предстать перед ним с мокрыми обвисшими волосами.

Бердена беспокоил временной фактор.

— Если она была убита где-то сразу после двух, сэр, почему Дун зажигал спичку, чтобы посмотреть на нее? А если она была убита позже, почему она не заплатила за

газеты утром, зная, что вечером будет занята, и почему не предупредила мужа, что придет поздно?

Уэксфорд пожал плечами.

— Понятия не имею. Наш Дуги Кводрент пользуется спичками, носит коробок в кармане. Он ведет себя странно, Майк. Иногда просто жаждет помочь, а иногда становится даже агрессивным. Но мы с ним еще до конца не разобрались. Миссис Мисел тоже утаивает от нас правду. Кое-что рассказала, но не все.

— И еще есть сам Мисел, — напомнил Берден.

Уэксфорд задумался.

— Мне кажется, никакой загадки нет в том, что он делал во вторник. Он ревнив как черт, и не без оснований, насколько нам известно. Следит, вероятно, за женой. Наверняка подозревает и Дуги Кводрента. Когда она сказала, что во вторник после обеда собирается уйти из дома, он вернулся тихонько в Кингсмархэм, увидел, как она уходила, убедился, что не на свидание, потому что одета она была в то же, в чем он ее видел утром, а уж к Дуги она точно бегаёт принаряженная, и успокоенный вернулся на работу в Стоувертон. Он решил, что она поехала за покупками в Помфрет, магазины там не закрыты по вторникам. Уверен, так все и было.

— Похоже на него, — согласился Берден. — А жил здесь Кводрент двенадцать лет назад, сэр? — вдруг спросил он.

— О да, жил всю свою жизнь, за исключением трех лет, проведенных в Кэмбридже, но в 1949-м уже был здесь. И все-таки миссис Парсонс явно не в его вкусе. Я спросил, знал ли он ее, и Дуги рассмеялся. Слышал бы ты его смех. У меня, Майк, просто кровь застыла в жилах.

Берден посмотрел на шефа с уважением. Уэксфорда трудно вывести из себя, должно быть, этот Дуги действительно тот еще тип.

— Может быть, все другие были просто для него игрушками, а миссис Парсонс — любовь всей жизни?

— Господи! — взорвался Уэксфорд. — Зачем только я дал тебе читать эти проклятые книги. Игрушки! Любовь всей жизни! Ради Бога, найди скорее адрес Друри, и мы едем туда.

В справочнике было указано, что Друри Дадли и Друри Кэтлин живут на Спата-Гроув 14, в Стоувертоне. Берден помнил эту улицу, застроенную еще довоенными домами, с общей задней стеной. Она находилась неподалеку от места работы Питера Мисела в Стоувертоне. Не таким Берден представлял себе жилище загадочного Дуна. Они с Уэксфордом перекусили сэндвичами из "Карусели" и были в Стоувертоне в семь часов.

Дверь дома Друри оказалась выкрашенной в желтый цвет, побеги роз взбирались по решеткам портика. Посередине лужайки перед домом — небольшой бассейн из пластика. Кто-то недавно вымыл до блеска "форд популар", конечно, для миссис Катц из Америки это был не бог весть какой автомобиль, но вполне мог ослепить миссис Парсонс.

На двери литая головка льва с кольцом в пасти. Уэксфорд громко стукнул кольцом, но никто не вышел. Тогда они зашли за дом. Там, у изгороди, мужчина копал картошку.

Уэксфорд кашлянул, и мужчина посмотрел в их сторону. У него было красное, блестящее от пота лицо, и хотя день выдался теплый, длинные рукава были опущены и застегнуты на запонки. Песочного цвета волосы, белые запястья подсказали Уэксфорду, что этот человек легко обгорает на солнце. Друри совсем не походил на тонкого ценителя поэзии, и уж наверняка не имел возможности покупать дорогие

книги, чтобы посылать их любимой и вкладывать чувствительные письма между страниц.

— Мистер Друри? — спросил Уэксфорд.

Друри, кажется, испугался, но это мог быть естественный испуг при виде двух мужчин, вторгшихся в его владения. На верхней губе заблестели капельки пота.

— Кто вы такие? — Тонкий высокий голос, как у юнца, не достигшего половой зрелости.

— Старший инспектор Уэксфорд, сэр, и инспектор Берден, полиция графства.

Друри огляделся по сторонам, потом воткнул вилы в землю и вытер руки о штаны.

— Это, наверное, из-за Маргарет? — спросил он.

— Лучше нам пройти в дом, мистер Друри.

Друри провел их через застекленные двери в маленькую комнату, заставленную довоенной мебелью. Здесь кто-то недавно плотно пообедал. Скатерть еще не сняли со стола, грязные тарелки собраны в стопку.

— Моей жены нет дома. Она поехала с детьми на море. Чем могу помочь?

— Почему вы решили, что это связано с Маргарет, мистер Друри?

— Я узнал ее по фотографии в газете. Меня это просто потрясло. Потом и в церкви все говорили об этом. Я встречал ее там часто на службе.

Методистская церковь Флэгфорда. Друри больше не казался напуганным, скорее вид у него был печальный. Уэксфорда удивило внешнее сходство Друри с Рональдом Парсонсом, не только внешнее, но и одинаковая манера говорить, обидчивая готовность защищаться в постоянном ожидании нападения. В углу рта подрагивал мускул.

— Расскажите мне о вашей дружбе с Маргарет Годфри, — попросил Уэксфорд.

Друри опять испугался.

— Это нельзя было назвать дружбой.

Чего он испугался? Что его обвинят в убийстве?

— Она просто была одной из девочек в школе. Я встречал ее в церкви, и мы гуляли вместе. Несколько раз встречались, вот и все.

— Когда произошло ваше первое свидание?

— Господи, так давно. Двенадцать или тринадцать лет назад. Я уж и не помню... — Он посмотрел на свои руки с засохшими комками земли. — Вы извините меня, я пойду умоюсь.

Он вышел, а Уэксфорд подошел к полке с книгами. Среди изданий "Ридерз Дайджест" и еще каких-то журналов стоял том в голубой бархатной обложке. Уэксфорд быстро вытащил его, раскрыл, прочитал посвящение и протянул Бердену.

Знакомыми печатными буквами было написано следующее:

"Здесь ты найдешь духовную пищу, Минна, она скрасит тебе повседневность. До встречи. Июль 1951".

Глава одиннадцатая

Вошел Друри, робко улыбаясь. Он закатал рукава, видна была порозовевшая от солнца кожа. Улыбка исчезла, когда он увидел книгу в руках Уэксфорда, и сразу же пошел в наступление.

— Мне кажется, вы много себе позволяете в чужом доме.

— Откуда у вас эта книга, мистер Друри?

Друри заглянул в раскрытую книгу, покраснел, угол рта опять задергался.

— Да, признаю, — сказал он, — она дала ее мне. Я и забыл совсем, что книга находится у меня.

Уэксфорд смотрел на него выжидающе, с каменным лицом, выпятив нижнюю челюсть.

— Послушайте, она дала мне эту книгу давно, когда я встречался с ней. Здесь написано "июль", и это, наверное, тогда и было. Правильно, в июле. — Румянец исчез и вскоре сменился бледностью. Он тяжело опустился в кресло. — Вы мне не верите? Моя жена может подтвердить. Эта книжка здесь уже была, когда мы поженились.

— Почему миссис Парсонс дала ее вам, мистер Друри?

— Мы с ней встречались несколько недель. — Он смотрел на Уэксфорда глазами оленя, ослепленного на шоссе фарами. — Это было летом... не помню... Когда там написано? Пятьдесят первого. Мы были в доме ее тетки. Пришла посылка для Маргарет, и она ее вскрыла. Мне показалось, что она ужасно разозлилась, увидев книгу, и даже швырнула ее на пол. Я поднял. Об этой книге я слышал, и мне хотелось ее прочесть. "Возьми, если хочешь", — сказала она, что-то в этом роде, не помню теперь точно, но смысл был такой. Это было так давно. Минна устала от этого Дуна и, мне кажется, стыдилась его...

— Минна?

— Я стал звать ее Минной, увидев надпись в книге. Так о чем я говорил? Да ради Бога, не смотрите на меня так!

Уэксфорд сунул книгу в карман.

— Когда вы последний раз ее видели?

Друри долго молчал, нервно теребя шнур на сиденье кресла, наконец произнес:

— Она уехала в августе. Ее дядя умер...

— Нет, я имею в виду, недавно...

— На прошлой неделе. Это не преступление, верно? Встретить кого-то из прошлого. Я ехал в машине и увидел ее. На Хай-стрит в Кингсмархэме. Я остановился, и мы минутку поговорили. Я спросил, как она живет, ну, обычный разговор...

— Продолжайте. Вспомните подробности.

— Она сказала, что вышла замуж, и я сказал, что женился. Еще сказала, что живет на Табард-роуд, а я добавил, что мы должны как-нибудь собраться — она с мужем и я с Кэтлин. Моей женой. Обещал позвонить ей, и это все.

— Она назвала свою новую фамилию?

— Разумеется. Почему бы нет?

— Мистер Друри, вы сказали, что узнали ее по фотографии, а имя не вспомнили.

— Да какая разница? Я не в суде и не должен следить за каждым своим словом.

— Говорите правду, и вам не придется этого делать. Вы позвонили ей?

— Конечно, нет. Я собирался, но тут прочитал, что она мертва.

— Где вы были во вторник между половиной первого и семью вечера?

— На работе. Работаю в скобяном магазине своего дяди, в Помфрете. Спросите его, он вам скажет, что я был в магазине весь день.

— Во сколько закрывается магазин?

— В половине шестого, но я всегда стараюсь уйти пораньше по вторникам. Вы что, не верите мне?

— Дальше, мистер Друри.

— Знаю, что не верите, но моя жена подтвердит, и мой дядя. Я всегда езжу во Флэгфорд по вторникам в садовое хозяйство за овощами, жена дает список, что купить. Это на Кларстервелл-роуд, и надо успеть до половины шестого. Но в прошлый вторник было много работы, и я опоздал. Хотел уйти в пять, но ушел в четверть ше-

стого. Приехал, а там все закрылось. Я даже объехал кругом теплицы, но никого не было. Все ушли.

— И вы приехали домой без овощей?

— Нет. То есть я купил, но не сразу. Я так устал и был расстроен, что поехал в "Лебедь" выпить стаканчик пива. Девушка-официантка, которая меня обслуживала, была новенькая, я раньше никогда ее там не видел. Разве моей жене обязательно знать, что я был в баре? Я член методистского прихода, мне не полагается пить спиртное.

Берден удивился. Речь идет о расследовании убийства, а он беспокоится о нелегальной кружке пива.

— Вы ехали во Флэгфорд по Помфрет-роуд?

— Да. И проезжал мимо леса, где они нашли ее! — Он потянулся к каминной полке, пытаясь нашарить там припрятанную пачку сигарет, но тщетно. — Но я ни разу не остановился, я ехал прямо во Флэгфорд. Надо было спешить, чтобы успетькупить овощей. Послушайте, инспектор, я бы никогда не поступил так с Минной. Она была хорошей девочкой. Я очень гордился ею. Да я вообще не способен на убийство!

— Кто еще звал ее Минной, кроме вас?

— Только этот парень, Дун, насколько мне известно. Она никогда не называла мне его настоящего имени. У меня создалось впечатление, что она стыдится его. Бог знает, почему. Он был богат и умен. Она сама говорила. — Друри вдруг выпрямился и воинственно посмотрел на них. — Но она предпочла меня! — Потом неожиданно вскочил, схватил бутылку с молоком, стоявшую среди грязных тарелок, налил в чашку из-под чая и выпил залпом.

— Вам лучше присесть, — посоветовал Уэксфорд и вышел в прихожую, поманив за собой Бердена. — Позвони в "Лебедь", Майк.

В это время из комнаты послышался шум отодвинутого стула, и, вспомнив про открытые двери в сад, Уэксфорд быстро вернулся к двери и заглянул. Но Друри сидел за столом, опустив голову и обхватив ее руками. Сквозь тонкие стены он мог слышать, что сказал напарнику Уэксфорд, и голос Бердена, звонившего по телефону из другой комнаты. Звякнула положенная на место трубка, послышались шаги, Берден вернулся в прихожую. Уэксфорд все это время приглядывал за Друри.

Берден увидел около входной двери вешалку, самую обыкновенную, но вместо крючков виднелись разноцветные ручки. Там висела спортивная мужская куртка, детский макинтош, а на третьей ручке висел прозрачный розовый шарф-капюшон.

— На нем не могли остаться отпечатки, — заметил Уэксфорд, — иди снова к телефону, Майк, звони в участок, пусть приедут на подмогу Брайен и Гейтс. — Он снял шарф с ручки, в три прыжка покрыл расстояние до гостиной, где сидел Друри, и показал ему шарф. — Где вы это взяли, мистер Друри?

— Это, наверное, жены. — И, вновь настроившись воинственно, добавил: — И это не ваше дело!

— Миссис Парсонс купила точно такой же во вторник утром. — Уэксфорд увидел, как Друри вновь скорчился в отчаянии. — Я должен обыскать дом, Друри. Конечно, могу получить ордер, но это просто ненадолго отодвинет обыск.

У Друри был такой вид, будто он сейчас заплачет.

— О, сделайте что хотите. Можно, я закурю? Я оставил сигареты на кухне.

— Инспектор Берден принесет их после того, как поговорит по телефону.

Они начали обыск, а через полчаса к ним присоединились Брайен и Гейтс. Уэксфорд велел Бердену связаться с дядей Друри в Помфрете, с садовоогородным хозяйством и менеджером в супермаркете.

— Девушка из “Лебеда” сегодня вечером не работает, — сообщил Берден, — но она живет во Флэгфорде по Кросс-роуд, коттедж 3. Телефона там нет. Ее зовут Джанет Типпинг.

— Мы туда отправим Мартина. Спроси у Друри, как нам позвонить его жене. Если она уехала недалеко — в Брайтон или Истборн, можешь туда съездить сегодня же. Сначала я здесь все переверну, буду искать как следует, потом поеду побеседовать с миссис Кводрент. Она подтвердила, что была в дружеских отношениях с миссис Парсонс. Пожалуй, единственная из всех, не считая друга в соседней комнате.

Берден вытянул в руках шарф, пробуя нейлон на прочность.

— Вы считаете, что Друри — Дун? — спросил он недоверчиво.

Уэксфорд продолжал открывать один за другим ящики шкафов, комодов, письменных столов, все подряд. Они оказались набиты всякой ерундой, вроде бумажных рисунков, цветных карандашей и разными вещами. Да, миссис Друри явно нельзя было назвать хорошей хозяйкой, везде царил полный хаос.

— Не знаю, — ответил он, — по крайней мере, на данный момент так выглядит, но как-то не сходятся концы с концами, да и с моим представлением тоже. Но мы не имеем права...

Уэксфорд просмотрел каждую книгу в доме, их было не более трех дюжин, но ни одной от Дуна Минне, кроме уже найденной — “Портрета Дориана Грея”, никаких изысканных викторианских стихов, только обычные детективы в бумажных обложках.

На крючке в кухне у двери висела связка ключей. Один подошел к парадной двери, второй был от шкафа в спальне, два других — от дверей гостиной и прихожей. Ключи от машины были в куртке Друри, а ключ от задней двери оказался в замке. Уэксфорд нашел только один кошелек — маленький пластиковый, в форме кошачьей морды, бело-зеленый. Он был пуст, а внутри надпись: Сьюзен Мэри Друри. Свои сбережения дочь Друри, видимо, взяла с собой на побережье.

На чердак вела дверца в потолке прихожей. Уэксфорд велел Брайену обследовать гараж и чердак, а Гейтса оставил внизу с Друри. Сам пошел к машине. По пути отлепил несколько комков засохшей грязи с колес голубого “форда” Друри, сел в свою машину, включил фары, нажал кнопку стеклоочистителя и поехал назад в Кингсмархэм.

Глава двенадцатая

Особняк в темноте казался мрачным и угрожающим. В свете фар заблестели гранитные грубые стены, увитые желто-зелеными побегами глицинии.

У Кводрентов были гости. Уэксфорд поставил машину около черного “даймлера” и поднялся по широким ступеням к парадной двери. Несколько раз пришлось нажать на кнопку звонка, прежде чем дверь медленно открылась, и на пороге появился сам Кводрент. На ужине у Хелен Мисел он был в обычном костюме, но дома принимал гостей в вечернем. Никаких жилеток, никаких фривольных цветов, черный безукоризненный костюм и рубашка — ослепительно белая. Уэксфорд сам любил надевать такую, когда мог себе позволить.

Хозяин молчал, глядя как бы сквозь Уэксфорда на темный сад. Он был величествен на фоне внутреннего убранства холла. Уэксфорд напомнил себе, что этот человек всего-навсего провинциальный городской адвокат.

— Я хочу еще раз побеседовать с вашей женой, мистер Кводрент.

— В какое время?

Уэксфорд взглянул на свои часы, и одновременно Кводрент, вздернув недовольно бровь, приподнял белоснежную манжету и посмотрел на платиновый диск на своем запястье.

— Вы выбрали самое неподходящее время. Моя жена не отличается крепким здоровьем, к тому же у нас обедают ее родители.

Сам старик Роджерс пожаловал со своей миссис из Помфрет-холла. Уэксфорд застыл, как скала, вид у него был самый решительный.

— О, ну хорошо, но постарайтесь покороче, — сдался Кводрент. — Вам лучше пройти в библиотеку. — Он проводил старшего инспектора в просторную комнату с кожаной голубой мебелью. — Поскольку вы на работе, не предлагаю вам выпить. Пойду позову жену. — И вышел танцующей походкой, плотно закрыв за собой дверь и отгородив старшего инспектора от остальных.

Уэксфорд ждал, разглядывая книги. Их было огромное количество — сотни, ряды за рядами, полки на каждой стене. Много викторианской поэзии и романов, стихи, семнадцатый и восемнадцатый века. Уэксфорд пожал плечами. В Кингсмархэме полно домов, подобных этому, с громадными библиотеками.

Почти бесшумно появилась Фабия Кводрент. Длинное черное платье как будто поглощало свет. Лицо было бледным, но явно возбужденным, она весело приветствовала Уэксфорда.

— Вы снова у нас, старший инспектор, здравствуйте еще раз!

— Я не задержу вас долго, миссис Кводрент.

— Вы не присядете?

— Благодарю. Всего на минутку.

Она тоже села и сложила руки на коленях, при этом ярко сверкнул бриллиант на пальце левой руки.

— Я хочу, чтобы вы рассказали все, что только можете вспомнить о Дадли Друри.

— Это был мой последний семестр в школе, — начала она. — Маргарет сказала мне, что у нее появился бойфренд. Скорее всего, первый в жизни, точно не знаю. Прошло двенадцать лет с тех пор, старший инспектор, и мы были не такими, как сегодняшние юноши и девушки. Вы понимаете? — Она говорила отчетливо и медленно, как будто поучала ребенка. Что-то в ее манерах бесило Уэксфорда, он подумал, что ей, вероятно, ни разу в своей жизни не пришлось спешить, например, наскоро где-то перекусить или бежать, чтобы успеть на поезд. — Это было, может, не совсем обычно, но не удивительно. Маргарет не представила меня своему другу, но я запомнила, как его зовут, это напоминало Друри Лэйна, и мне до тех пор не приходилось встречать такую фамилию ни разу.

Уэксфорд с трудом сдерживал нетерпение.

— И что она вам рассказывала о нем, миссис Кводрент?

— Очень мало, только одну вещь. Она сказала, что он ревнив, ревнив до фанатизма.

— Понимаю.

— Он не хотел, чтобы она имела других друзей. У меня создалось впечатление, что он был очень эмоциональным и настоящим собственником.

Да, она навряд ли сможет понять такие чувства... Или понимает? Уэксфорд вспомнил замешательство Кводрента в первую встречу и задумался, но ее голос, очень ясный и отчетливый, прервал ход его мыслей.

— Он был очень расстроен, когда она вернулась в Лондон. Маргарет говорила, что он был в ужасном состоянии, повторял, что не сможет жить без нее и все в таком роде... Ну, вы можете себе представить...

— Но они были знакомы всего несколько недель.

— Я просто рассказываю вам то, что говорила мне тогда Маргарет, старший инспектор. Мне показалось, что ей все равно. Маргарет никогда не была чувствительной...

В холле послышались мягкие шаги, и дверь за спиной Уэксфорда открылась.

— А, вот и ты, — сказала Фабия, — мы тут со старшим инспектором говорим о любви.

— О юношеской. Одна небольшая деталь, миссис Кводрент, — добавил Уэксфорд. — Миссис Парсонс, кажется, интересовалась викторианской поэзией, пока жила во Флэгфорде. Есть здесь какой-то смысл?

— Ничего зловещего. Поэзия девятнадцатого века входила в программу средней школы, этот предмет был в аттестате 1951-го. Они называют это теперь уровнем "А".

И тут Кводрент поступил опять странно — пересек библиотеку и взял с полки книгу, не колеблясь в выборе.

— О, Дуглас, — улыбнулась Фабия Кводрент, — старшему инспектору это неинтересно.

— Взгляните.

Уэксфорд прочитал на внутренней стороне обложки в орнаменте красивую надпись: Фабии Роджерс за выдающиеся успехи, 1951.

В своей работе он редко терялся, подыскивая нужные слова, но, глядя на гордое выражение Кводрента и довольное смущение на лице его жены, не нашелся, что сказать.

Кводрент резким движением засунул книгу на место и предложил жене руку. Она обхватила его крепко за рукав, встала, и старший инспектор заметил, как они похожи и, по-видимому, очень близки, но эта близость была лишена чувственности. Как брат и сестра, подумал Уэксфорд. Птолемей и Клеопатра.

— Доброй ночи, миссис Кводрент. Вы очень нам помогли. Простите, что побеспокоил... — Он демонстративно взглянул на часы, — в такое время, — и мстительно ощутил ответную молчаливую враждебность Кводрента.

— Абсолютно никакого беспокойства, старший инспектор. — Фабия доверительно рассмеялась и, как счастливая жена, прильнула к любящему супругу.

Они проводили его вместе. Кводрент опять был очень любезен, но рука его сжалась в кулак с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Около стены полицейского участка кто-то прислонил велосипед с корзиной на багажнике. Уэксфорд, войдя в фойе, почти столкнулся с полной блондинкой в кожаной куртке и длинной юбке в складку.

— Простите.

— Все в порядке. Переломов нет. Наверное, это и есть ваш грозный старший инспектор?

Дежуривший за стойкой сержант ухмыльнулся, но тут же закашлялся, прикрыв рот ладонью.

— Я старший инспектор Уэксфорд. Чем могу помочь?

Она выудила что-то из сумки, висевшей через плечо.

— Вообще-то это я могу вам, кажется, помочь. Один из ваших парней приходил в мой коттедж...

— Мисс Кларк, — догадался Уэксфорд, — не пройдете ли в мой кабинет?

Она протянула ему руку, и он увидел на ладони еще одну фотографию.

— Я нашла ее среди всякого хлама. Возможно, поможет вам, поскольку вы разыскиваете людей, знавших Маргарет.

Это был увеличенный моментальный снимок. Дюжина девочек в два ряда, по воду явно официального случая.

— Это Ди сфотографировала, — объяснила мисс Кларк, — то есть Ди Стивенс. Лучшая часть учениц шестого класса. Можете оставить, если она вам нужна.

Уэксфорд сунул снимок в карман, сомневаясь, что фотография понадобится. Когда он провожал мисс Кларк к выходу, вошел сержант Мартин, которого старший инспектор посылал побеседовать с менеджером супермаркета. Оказывается, никто не считал, сколько было продано розовых шарфов на той неделе, известно лишь общее количество проданных шарфов. Товар поступил в понедельник, а к вечеру субботы было продано двадцать шесть штук. Менеджер сказал, что процентов 25 было розового цвета, и после долгих подсчетов пришел к выводу, что таковых продали шесть штук.

Уэксфорд послал Мартина во Флэгфорд разыскивать Джанет Типпинг. Потом звонил по номеру Друри. Ответил Берден. Обыск не дал результатов. Миссис Друри остановилась у сестры в Хастингсе, а у той не было телефона.

— Что говорит Спеллмен?

— Они закрылись в пять-тридцать во вторник. Друри сделал закупки овощей по списку жены в среду.

— Зачем он вообще покупает овощи? У него же есть грядки в саду.

— Ничего, кроме картошки. А она просила купить томаты, огурец и кабачок, сэр.

— Кстати, об огороде Друри. Пусть начнут копать. Ее кошелек и ключи наверняка лежат в грядках с картошкой.

Когда Уэксфорд приехал, Дадли Друри имел жалкий вид. Он расхаживал взад-вперед, потом у него ослабли колени.

— Ему стало плохо, сэр, — доложил Гейтс.

— Он — твердый орешек. Я что, по-твоему, доктор?

Обыск был завершен, но дом выглядел более прибранным, чем до него. Когда прибыли осветительные приборы, Брайен и Гейтс начали перекапывать картофельные грядки. Побелев, Друри смотрел, как полицейские выворачивают землю пласт за пластом. И этот человек, думал Уэксфорд, когда-то сказал, что жизнь его невыносима без Маргарет. Может, он действительно имел в виду, что не вынесет, если другой будет обладать ею?

— Сейчас вы поедете со мной в участок, Друри.

— Вы собираетесь меня арестовать?

— Просто задам еще несколько вопросов.

Тем временем Берден приехал в Помфрет, разбудил торговца скобяными изделиями и проверил алиби его племянника.

— Дад всегда уходит раньше по вторникам, — проворчал тот, — с каждой неделей все раньше и раньше. Скорее пять минут, а не пятнадцать шестого.

— Вы говорите, что он ушел охоло пяти часов во вторник?

— Я не сказал в пять. Может, десять минут спустя, может, пятнадцать. Я был слишком занят в магазине. Дад подошел и сказал: "Я ухожу, дядя". Что я должен был сделать? Все бросить и проверить, сколько было времени?

— Так десять минут шестого или пятнадцать?

— Может, и все двадцать.

На улице моросил дождь. Шоссе было темным и мокрым и блестело от воды. По крайней мере, в этот час никого не было в лесу, где, по словам мисс Свинг, собирались любопытные. Ветер раскачивал верхние ветви деревьев. Как странно, что ничем ранее не примечательный уголок сельской местности стал вдруг зловещим, оку-

танным тайной и притягательным для любопытных взоров возможно на долгие годы. Да и в справочнике-гиде лес Приюитта займет теперь первое место среди достопримечательностей края.

Берден встретил Мартина во дворе участка. Джанет Типпинг тот не нашел. Как обычно, в субботу вечером она уехала со своим другом. Ее мать с раздражением сказала, что дочери ничего не стоит вернуться в час ночи.

Берден постучал в дверь кабинета шефа и услышал разрешение войти.

Старший инспектор сидел напротив Друри, лицом к лицу.

— Еще раз расскажите подробно, что вы делали во вторник, — говорил Уэксфорд.

Берден молча прошел и сел на один из металлических стульев с твидовым сиденьем. Часы, висевшие на стене между шкафом, где были свалены все книги Дуна, и картой Кингсмархэма, показывали, что до полуночи осталось десять минут.

— Я покинул магазин в пять-пятнадцать и поехал прямо во Флэгфорд. Пока доехал до хозяйства Спеллмена, они уже закрылись. Я объехал вокруг теплиц, но никого не увидел. Все ушли. Слушайте, я уже вам рассказывал.

— Ладно, Друри, — спокойно ответил Уэксфорд. — Предположим, что у меня плохая память.

У Друри голос был высоким и тонким от напряжения. Он вынул платок и обтер мокрый лоб.

— Я медленно проехал по деревне, потому что надеялся встретить мистера Спеллмена и попросить выполнить мой заказ, но так и не увидел его.

— А кого-нибудь, кто мог вас запомнить?

— Только каких-то незнакомых детей. Послушайте, я уже вам все рассказывал. Я поехал в "Лебедь", заказал горького пива и заплатил сразу. Официантка должна помнить.

— Не беспокойтесь, мы спросим у нее.

— Она не осталась в баре, вскоре ушла. Я сидел один. Выпил пиво и поехал снова к Спеллмену, взглянуть, не появился ли там кто-нибудь. Но никого по-прежнему не было, и я поехал домой. — Друри вдруг вскочил и с силой вцепился в край стола. — Послушайте же! Я ведь вам говорил, я и пальцем не дотронулся бы до Маргарет!

— Сядьте, — приказал Уэксфорд, и Друри покорно сел. — Вы очень ее ревновали, так? — Тон старшего инспектора стал доброжелательным, даже сочувствующим. — Не хотели, чтобы у нее были друзья, кроме вас.

— Это неправда. — Друри снова хотел крикнуть, но голос не повиновался ему. — Мы просто дружили. Не понимаю, о какой ревности вы говорите. Разумеется, мне не хотелось, чтобы она встречалась с кем-то еще, кроме меня.

— Вы были ее любовником, Друри?

— Нет, не был! — Он вспыхнул от возмущения, как будто его публично оскорбили. — Вы не имеете права задавать мне подобные вопросы! Мне было всего восемнадцать.

— Вы дарили ей подарки, не так ли, много книг?

— Это Дун дарил ей книги, а не я. Она покончила с ним, когда начала встречаться со мной. Я никогда не дарил ей ничего, у меня не было средств на подарки.

— Где находится магазин Фойла, Друри?

— В Лондоне. Это книжный магазин.

— Вы когда-нибудь покупали там книги и давали Маргарет Годфри?

— Я уже сказал, я не дарил ей книг.

— А как же "Портрет Дориана Грея"? Это не ваша дарственная подпись на обложке?

— Я уже дал вам образец почерка, — мрачно проговорил Друри.

— Но печатные буквы могут измениться за двенадцать лет. Расскажите мне об этой книге.

— Я уже рассказывал. Мы были в коттедже ее тетки, когда Маргарет получила посылку, открыла, увидела книгу, прочитала, от кого она, и сказала, что я могу взять ее себе.

Наконец Друри оставили в покое. Он остался сидеть молча в компании сержанта, а оба инспектора вышли во двор.

— Я послал образец его почерка в отдел графологии на Сент-Мари-роуд. Но двенадцать лет! Да еще печатные буквы. Похоже, тот, кто посылал книги, писал печатными буквами, потому что имел неразборчивый и некрасивый почерк. А у Друри почерк аккуратный, красивые округлые буквы. Мне кажется, ему не много приходилось писать за это время, поэтому почерк его не изменился.

— Он единственный из всех, кого мы опрашивали, называл миссис Парсонс "Минной", — сказал Берден, — и единственный знал Дуна. И у него в доме оказался тот шарф с капюшоном от дождя, может быть, он другой, а может, принадлежал миссис Парсонс. Если Друри уехал из магазина дяди в пять-десять или пять-пятнадцать, тогда он был на месте преступления в то время, когда Байсот загонял коров.

Телефоны почему-то молчали, что было необычно для полицейского участка. Почему нет звонка, которого они ждут с двенадцати часов? Уэксфорд, казалось, читал мысли Бердена.

— В любой момент могут позвонить из Колорадо, — сказал он. — Если принимать во внимание, что у них время отстает на семь часов, и если миссис Катц днем дома не было, она должна вернуться к семи часам. Сейчас у нас половина первого, а на западе Штатов часов пять-шесть. У миссис Катц маленькие дети. Она с семьей могла уехать отдыхать на уик-энд, поэтому с ней не могли связаться. Но сейчас она должна появиться дома, и, надеюсь, скоро нам позвонят.

Берден даже подскочил, когда зазвонил телефон. Он снял трубку и протянул Уэксфорду. И по лицу шефа вскоре понял, что известия не из Колорадо.

— Ясно, — говорил Уэксфорд, — да, большое спасибо. Понимаю, невозможно... Да, доброй ночи.

Он повернулся к Бердену.

— Это был Эгхэм, тот парень-графолог. Сказал, что Друри мог написать это. Но почерк очень зрелый для восемнадцатилетнего парня. В пользу Друри пока чистые шины его "форда", там нет грязи, только песок и пыль. В лаборатории уверены, что машина не побывала на грязной дороге фермера Приюитта. Давай пить чай, Майк.

— Принести и для него чашку, сэръ?

— Господи, ну конечно! Сколько раз тебе говорить, что мы не в Мексике!

Глава тринадцатая

Маргарет Годфри была одной из пяти девушек, сидевших на каменной скамье в середине ряда. Те, кто стоял сзади, положили руки на плечи сидевших. Уэксфорд насчитал двенадцать лиц. Диана Стивенс сделала очень хороший снимок — узнаваемость была полной, несмотря на прошедшие годы. В памяти всплыло лицо, которое он увидел на мокрой грязной траве, и, сравнивая, инспектор теперь с живым любопытством рассматривал юное лицо, освещенное солнцем.

Все девушки на снимке улыбались. Но не Маргарет Годфри. Лицо без улыбки, спокойно-таинственное, очень высокий белый лоб, широко расставленные, лишенные выражения глаза, губы сжаты, их уголки приподняты. Таинственность

соперничала еще с чем-то неуловимым на этом безмятежном лице. Пожалуй, вид у Маргарет был такой, как будто она имела некий жизненный опыт, и это наложило на ее лицо отпечаток, но не стыда или страдания, а просто ледяного равнодушия.

Спортивный костюм менее всего соответствовал ее образу. Ей подошло бы платье с высоким воротом и взбитыми рукавами. Волосы, тогда мягкие, не завитые перманентом, касаясь скул, спадали блестящими полукружьями от висков.

Уэксфорд взглянул на сидевшего и молчавшего Друри и снова задумался, глядя неотрывно на фотографию.

Было около трех часов.

— Мисс Типпинг здесь, сэр, — доложил Берден.

Уэксфорд сразу вернулся к действительности. Он прикрыл снимок папкой.

— Пускай войдет.

Джанет Типпинг — полная, здоровая на вид девушка, с начесом лакированных волос и глупым лицом, на котором застыло выражение подозрительности и ожидания подвоха.

— Ну что я могу сказать, — начала она, — это было так давно.

Только четыре дня назад, подумал Уэксфорд. А не двенадцать лет.

— Я, может быть, и обслуживала его, я имею в виду, вместе с сотней других, которым подавала горькое пиво.

Друри смотрел на нее округлившимися надеждой глазами, как будто пытается повлиять на ее память, вдохнуть мысль в ее усталую глупую голову.

— Послушайте, — вдруг заявила она, — я не хочу, чтобы из-за меня кого-то повесили.

— Вы должны меня помнить! — вдруг крикнул Друри. — Должны! Я все сделаю для вас, я отдам все, что у меня есть, только постарайтесь меня вспомнить! Вы не представляете, что это значит для меня.

— Что это с ним? — перепугалась девушка. — Я мозги свернула, но никак не вспомню. — И посмотрела на Уэксфорда: — Можно мне уйти?

Пока они ее провожали, зазвонил телефон. Берден снова снял трубку и протянул Уэксфорду.

— Да. Да. Разумеется, я хочу, чтобы она вернулась. — Он повернулся к Бердену: — Это Мартин. Миссис Друри говорит, что купила шарф-капюшон в понедельник днем.

— Это еще не означает... — начал было Берден.

— Нет, но Друри вернулся после шести-тридцати во вторник. Она помнит, потому что ждала томаты. Хотела положить их в салат. Если он не убивал миссис Парсонс, Майк, то он пил свое пиво чертовски долго. И для невинного странно себя ведет — просто обезумел от страха.

— Но это, вообще-то, еще не говорит о том... — заладил свое Берден.

— Знаю, знаю.

— В его саду ничего не найдено, сэр?

— Битые кирпичи, игрушечный сломанный "роллс" и пять гвоздей. Он должен сказать нам спасибо. Осенью не надо будет вскапывать. Если, конечно, он еще будет дома осенью.

Они вернулись в кабинет. Друри сидел неподвижно, его лицо теперь было бледное, как очищенный сырой орех.

— Слишком длинная выпивка, Друри, — заметил Уэксфорд, — вы приехали домой только в половине седьмого.

Друри забормотал, едва шевеля губами.

— Я хотел купить овощей. Заехал туда, сюда. Около шести всюду “пробки”. Я не привык пить, и поэтому не спешил. Да и пытался все же разыскать мистера Спеллмена.

— Когда вы впервые возобновили свои отношения с миссис Парсонс?

— Говорю вам, не было никаких отношений! Я не встречал ее ни разу за двенадцать лет. И вот еду по Хай-стрит и вижу ее, ну и остановился поговорить.

— Вы ревновали к мистеру Парсонсу, верно?

— Я никогда не встречал Парсонса.

— Вы ревновали бы к любому мужу миссис Парсонс. Встретились с ней и повезли кататься на своей машине. Она вскоре устала, вы ей надоели своими приставаниями, и стала угрожать расказать все вашей жене.

— Спросите мою жену. Она скажет, что я никогда ей не изменял. Я счастлив в браке.

— Ваша жена скоро будет здесь, Друри. Мы спросим ее.

Друри нервно подсакивал при каждом телефонном звонке. И вот теперь, когда снова зазвонил телефон, содрогнувшись, даже застонал. Уэксфорд, пребывающий в ожидании, кивнул Бердену:

— Я отвечу из фойе.

Паутина стенографических знаков, похожих на иероглифы, ложилась на бумагу под рукой Брайена. Уэксфорд уже поговорил с начальником полиции Колорадо и теперь, стоя позади Брайена в наушниках, следил глазами, как тот стенографирует текст, но не понимал ни слова, в ушах стоял сплошной треск.

К четырем все было готово для прочтения. Хотя выражение лица Уэксфорда казалось бы незнакому человеку флегматичным, Берден видел на нем не свойственные для старшего инспектора следы явного волнения. Уэксфорд вновь прочитал письмо. Когда мертвые закорючки превратились в напечатанный текст, перед ним, как живая, возникла женщина, живущая в захолустье. Глубоко за полночь в полицейском участке, среди казенной мебели, выкрашенной зеленой краской металлических тумб с ящиками, она на некоторое время ожила и стала вновь действующим реальным лицом. Не было в тексте ее письма ничего трагического, лишь отзвук небольшой любовной истории. Но в силу обстоятельств письмо стало ужасным документом, фактом, единственным свидетелем фрагмента скрытой личной жизни.

“Дорогая Нэн, — читал Уэксфорд. — Представляю твое удивление, когда ты прочтешь мой новый адрес. Да, мы вернулись сюда и живем совсем недалеко от нашей школы и всего в нескольких милях от нашего милого старого коттеджа. Мы вынуждены были продать дом тети и потеряли немало на этом. И когда Рону представилась возможность работать здесь, мы подумали, что это будет для нас выходом. Считается, что жизнь в провинции дешевле, но пока мы этого не заметили, скажу тебе.

Мне даже нравится жить снова во Флэгфорде. И только единственное обстоятельство, сама знаешь какое, мешает мне. Нэн, меня пугала вся эта история с Дуном, поэтому вообрази мое состояние, когда две недели назад я столкнулась с ним на улице. Хотя я повзрослела, но все еще боюсь, и мне немного противно. Я сказала сразу, что лучше обо всем забыть, но Дуноу этого не хочется. Хотя, признаюсь, приятно иногда прокатиться в удобном лимузине и пообедать в дорогом отеле.

Поверь мне, Нэн, все как было раньше, просто дружба и ничего больше. Когда мы с Дуном были молодыми, мне кажется, мы и сами не знали тогда, что может быть по-другому. По крайней мере, я и не подозревала. Конечно, сама мысль об этом мне отвратительна. Хотя Дун просто хочет моего общества, все равно в этом есть что-то отталкивающее.

Значит, вы опять хотите купить новую машину. Хотелось бы и мне, чтобы мы тоже могли иметь хоть какую-нибудь, но и речи быть не может при нашем теперешнем положении. Очень жаль, что бедняжка Ким снова болеет. Видимо, иметь детей очень хлопотно и беспокоит, хотя это имеет свои приятные стороны. Мы с Роном несчастны, оттого что уже прошло два года с тех пор, как была ложная тревога, но все ожидания напрасны.

Я всегда говорю, что если брак счастливый, как у нас, не обязательно иметь детей, чтобы союз не распался. Возможно, утешаю себя, потому что "виноград зелен". Но несмотря ни на что, мы счастливы, и Рон теперь кажется спокойнее, когда мы покинули город. Я никогда не могла понять, Энн, как такие люди, как Дун, не могут быть довольны тем, что имеют, ведь им недостает лишь луны с неба.

Ну я должна заканчивать. Дом большой и требует много внимания. Напомни обо мне Уилу и твоим отпрыскам. Привет от Рона.

С любовью, Мэг."

Счастливый брак? Разве можно быть счастливым в браке, плавая на волнах моря неверности, с увертками и ложью? Берден отложил письмо, потом снова взял и перечитал. Но когда Уэксфорд рассказал ему о содержании разговора с шефом полиции Колорадо, лицо Бердена просветлело.

— Но мы никогда не сможем ничего доказать, — заметил он.

— Можешь, во всяком случае, пойти и сказать Друри, что Гейтс отвезет его домой. Если он хочет притянуть нас к ответу, ему с удовольствием поможет милый Дуги Кводрент. Только не вздумай Друри об этом сказать, и сделай так, чтобы я его больше не видел. У меня от него разболелась печень.

Начинало светать. Небо было серым и туманным, улицы просыхали. У Уэксфорда все мышцы затекли от долгого неподвижного сидения, и он решил пойти домой пешком.

Он любил предрассветные часы. Легче думается, когда тихо и кругом ни души. Торговая площадь казалась гораздо просторнее, чем днем. На мосту встретился пес, куда-то деловито трусивший по своим неотложным собачьим делам. Уэксфорд остановился и с минуту глядел на воду. Потом двинулся дальше. Мимо дома Миселов, мимо коттеджей... На стене методистской церкви красными буквами виднелась какая-то надпись. Вглядываясь в сумеречном свете, он прочитал: "Вы нужны Богу". Подойдя ближе, Уэксфорд увидел прикрепленное объявление: "Мистер Р. Парсонс приглашает всех членов общины и друзей на заупокойную службу в воскресенье в десять часов в память жены Маргарет, трагически погибшей на этой неделе".

Значит, впервые сегодня дом на Табард-роуд опустеет. Парсонс будет в церкви.

Мы никогда не докажем, сказал Берден.

Но они могут попытаться. И непременно пойдут туда сегодня утром.

Глава четырнадцатая

Парсонс был в темном костюме. На черном галстуке, не новом, вероятно, уже не раз послужившем на подобных церемониях, виднелись глянцевые следы от слишком горячего утюга, гладили неопытной рукой. На левом рукаве черная траурная повязка.

— Мы бы хотели снова осмотреть дом, — сказал Берден, — если не возражаете. Может быть, дадите свои ключи?

— Мне все равно, что вы станете делать, — ответил Парсонс, — священник пригласил меня на воскресный обед. Я не вернусь до вечера.

Он начал убирать стол после завтрака, расставляя баночки, сахарницу и прочее на места, определенные умершей женой. Берден видел, как он взял воскресную газету, высыпал на нее крошки от тостов и, свернув, бросил в корзинку под раковиной.

— Я продам дом как можно скорее, — неожиданно проговорил он.

— Моя жена собиралась пойти на службу в церковь, — сказал Берден.

Парсонс стоял к нему спиной, споласкивая из чайника одну тарелку, одно блюдо и одну чашку.

— Я рад, — ответил он. — Подумал, что люди захотят придти в церковь, те, кто не сможет присутствовать на похоронах завтра.

Раковина была грязной, в ржавых пятнах, к невымытой липкой поверхности пристали листочки чая.

— Вы ведь пока не нашли след? Ну, убийцу.

— Пока нет.

Парсонс вытер руки чайным полотенцем и вяло произнес:

— Какая разница. Ее это уже не вернет.

Автомобиль, который старший инспектор ожидал увидеть, был припаркован на углу Кингсбрук и Табард-роуд.

— Слава Богу, — набожно произнес Уэксфорд. — Пока все идет как надо.

Парсонс дал им ключ от задней двери, и они бесшумно проникли на кухню. Берден думал, что в этом доме всегда будет холодно, даже когда на улице пекло, но сейчас в нем было душно, пахло затхлым: остатками оставленной еды и накопленным грязным бельем.

Уэксфорд прошел в прихожую, Берден за ним. Они ступали очень осторожно, чтобы их не выдал скрип старых половиц. На вешалке висели плащ Парсонса и пиджак. Вдруг на маленьком квадратном столике, где валялся грязный носовой платок, посреди рекламных листов и стопки конвертов, что-то блеснуло. Берден подошел ближе, осторожно, чтобы не коснуться блеснувшего предмета, сгреб в кучу остальное, и они молча усталились на ключ, с кольца на серебряной цепочке свисал брелок в виде подковы.

— Сюда, — неслышно, одними губами, позвал Уэксфорд.

Они стояли за дверью и ждали. Казалось, прошла вечность.

Из окна на фасадном выступе им был виден кусок безлюдной улицы, серой, залитой солнцем, граничащей с короткой тенью деревьев сада напротив. Берден просто глазам своим не поверил, когда вдруг с правой стороны, как в кадре фильма, мелькнула быстро идущая женщина. Яркая, как зимородок, оранжево-зеленая на фоне обесцвеченного солнцем серого цвета, с рыжими волосами. Женщина толкнула калитку и вскоре исчезла из виду, двинувшись в направлении задней двери. Наконец Хелен Мисел явилась в дом своей бывшей школьной подруги.

Уэксфорд приложил палец к губам и поднял голову, глядя на потолок с орнаментом. Откуда-то сверху, выше на два этажа, послышались еле различимые шаги. Человек, который был сейчас в доме, по-видимому, тоже услышал стук каблук гостыи.

В приотворенную дверь, в щель примерно в четверть дюйма, Бердену был виден кусок лестницы. Он почувствовал, как у него взмокло под мышками. Скрипнули ступени, и в то же время пропели петли — заднюю дверь открыли.

Берден замер, напряженно глядя на яркую полоску перил. По ней вдруг быстро мелькнуло видение: черные волосы, смуглая щека, белый цвет, оттененный голубым. И снова тишина. Не было уверенности, что двое встретились внизу, потому что тишина становилась просто невыносимой.

Четыре человека застыли в душной атмосфере пустого дома. Берден про себя молился, чтобы ему удалось не выдать себя движением или звуком, он завидовал выдержке Уэксфорда. Наконец снова стук каблучков, проследовавших в столовую.

Первым заговорил мужчина, и Берден напрягся, чтобы услышать слова. Голос был тихий и сдержанный.

— Тебе не стоило приходить сюда, — произнес Дуглас Кводрент.

— Я должна была тебя увидеть. — Она говорила громко и торопливо. — Ты обещал встретиться со мной вчера, но не пришел. Ты должен был прийти, Дуглас.

— Я не смог вырваться. Уже собирался, но помешал Уэксфорд. — Голос стал таким тихим, что конца фразы они не услышали.

— Но ты мог придти после встречи с ним. Я ведь тоже с ним говорила. Знаешь, чуть не сказала лишнего...

— Тебе не следовало ничего говорить.

— Я и не сказала. Я себя вовремя остановила. Дуглас, ты делаешь мне больно! Зачем ты пришел? Что ты здесь ищешь?

— Ты знала, что я приду. Когда позвонила мне прошлой ночью и сказала, что Парсонса не будет дома, ты знала...

Они услышали, как она ходит по комнате, и Берден живо представил, как презрительно морщится маленький прямой носик при виде убогой обстановки, пыли и запустения.

— Какой ужасный дом, правда, Дуглас? Подумать только, она жила здесь. Маленькая Маргарет Годфри...

И тут Кводрент потерял самообладание и, забыв осторожность, перешел на крик.

— Я ненавижу ее! Боже мой, Хелен, как я ненавижу ее! Я никогда не видел ее до этой недели, но именно она превратила мою жизнь в ад. Я не хотел ее смерти, но рад, что она мертва!

— Мой дорогой! Пошли отсюда. Прошу тебя. Здесь тебе нечего делать.

Он, по-видимому, грубо оттолкнул ее от себя, потому что она вскрикнула, слышно было, как упал стул.

— Я возвращаюсь наверх, — говорил Кводрент, — а ты должна уйти. Иди, Хелен. Ты в этой обстановке выглядишь, как... — Он помолчал, подыскивая подходящее сравнение. — Как попугай в курятнике...

Берден увидел, как в щели мелькнули цветные тени, и шевельнулся. Пальцы Уэксфорда предупреждающе впились в его руку. В притихшем доме на самом верху был кто-то еще, и теперь этот кто-то проявлял нетерпение. Грохот от падающих тяжелых книг прозвучал сверху, как гром среди ясного неба.

Дуглас Кводрент тоже его услышал. Он бросился к лестнице, но Уэксфорд успел туда первым. Они встали напротив друг друга, и Хелен Мисел, вскрикнув, закрыла рот рукой.

— Господи! Ну почему ты не ушел, когда я тебя просила?!

— Никто никуда не уйдет, миссис Мисел. Мы сейчас все поднимемся наверх. — Уэксфорд своим носовым платком взял ключ со столика.

Кводрент, замерев на месте, тупо смотрел на происходившее, а потом тихо произнес:

— Что ж, идем?

Они стали медленно подниматься. Впереди Уэксфорд, замыкал строй Берден. Берден подумал, что они сейчас напоминают родственников, медленно и неохотно поднимающихся гуськом навесить большого родственника.

На первом повороте лестницы Уэксфорд обернулся.

— Предполагаю, мы идем в ту комнату, где Минна держала свои книги, которые ей дарил Дун. Все дело начиналось именно там, и, по всей вероятности, развязка произойдет там же. Но все книги с поэзией мы давно оттуда забрали, мистер Кводрент. И правильно вам говорила миссис Мисел, что для вас в доме нет ничего.

Он замолчал, а тем временем грохот наверху становился все явственнее. И когда Уэксфорд толкнул дверь в маленькую чердачную комнатку, где они с Берденом когда-то громко читали стихи, по другую сторону двери раздалось громкое всхлипывание.

Чердачная комната была завалена книгами, они валялись в беспорядке, обложки с них были сорваны. Среди этого хаоса на коленях стояла жена Кводрента, сжимая в руках скомканные листы цветной бумаги.

Когда она увидела их, тут же поднялась и начала пятиться к маленькому чердачному окошку, обхватив щеки униженным кольцами руками. Споткнулась о книги и упала на край большого чемодана. На щеке ее появилась звездочка — вмятина от камня на перстне.

Она так и осталась лежать, пока Кводрент не подошел и не поднял ее. Присев на чемодан, он обнял Фабию и усадил рядом. Негромко застав, она спрятала лицо у него на плече.

Стоя в дверях, Хелен Мисел громко выкрикнула:

— Я ухожу домой!

— Закройте дверь, инспектор Берден, — приказал Уэксфорд. — Мы с инспектором стоим, а вы, миссис Мисел, сядьте на второй чемодан.

К удивлению Бердена, она повиновалась, не сводя глаз с Уэксфорда. Хелен вдруг сразу как-то постарела, рыжие волосы выглядели, как парик, надетый на пожилую женщину.

Кводрент сидел молча, обнимая жену, как будто утешая напуганного ребенка. Вдруг он насмешливо произнес:

— Действуете запрещенными методами, инспектор? Какая мелодрама!

Уэксфорд проигнорировал его слова. Он встал у окна, глядя на присутствующих, и заговорил:

— Я хочу рассказать вам любовную историю, историю Дуна и Минны. Когда Маргарет Годфри впервые сюда приехала, ей было шестнадцать. Она была воспитана очень старомодными людьми, и результатом их воспитания стала ее замкнутость, скрытность и ограниченность. Она совсем не походила на девушку, приехавшую из Лондона, чтобы поразить провинцию. Наоборот, бедная девочка с окраин большого города неожиданно попала в школу, где учились самые утонченные, развитые дети графства. Я прав, миссис Мисел?

— Можно и так сказать.

— Чтобы спрятать свою неуклюжесть и не быть посмешищем, она придумала любопытную манеру поведения, напустив на себя загадочность, равнодушие, и делала вид, что причастна к тайнам, не доступным другим. А для поэтически настроенного влюбленного это представляло восхитительную смесь, приведшую в восторг Дуна. Дун был богат, умен и красив. Я не сомневаюсь, что на какое-то время Минна — такое имя Дун дал ей, и я стану ее так называть — была приведена в замешательство. Дун мог дать ей то, чего она не могла себе позволить, дорогие подарки, например, и на время он смог купить ее любовь, вернее, дружбу. Потому что эта любовь была платонической, и ничего физического в нее не примешивалось.

Кводрент, яростно затягиваясь, курил.

— Я уже сказал, что Дун был умен, — продолжал Уэксфорд, — возможно, надо добавить, что блестящий ум часто идет об руку с самонадеянностью. Так было и с Дуном. Успехи, удовлетворенные амбиции, достижение своей цели в контакте с предметом обожания — Минной. Но Минна лишь ждала, она тянула время. Потому что, видите ли... — он медленным взором обвел всех троих... — и вам это известно, Дун имел один непоправимый недостаток, ущерб в глазах Минны, и ущерб этот был хуже, чем уродство, а изменить его было не под силу ни обстоятельствам, ни времени.

Хелен Мисел вдруг закивала, глаза ее оживились воспоминаниями. Прильнув к мужу, Фабия Кводрент тихо плакала.

— Итак, когда появился Дадли Друри, Минна бросила Дуна, не задумываясь ни на секунду. Все дорогие книги, подаренные Дуном, она спрятала в чемодан и больше ни разу на них не взглянула. Друри был скучен и ординарен — просто неопытный и ничего из себя не представляющий юноша. Ни страсти, ни ревности, ведь так, миссис Кводрент? Эти черты я бы приписал скорее Дуну. Но Друри не имел того недостатка в глазах Маргарет, которым обладал Дун.

“Она предпочла меня!” — вспомнил Берден крик Друри на допросе.

Уэксфорд продолжал:

— Когда Минна лишила Дуна своей любви или, скажем так, если угодно, разрешения быть любимой, жизнь его окончательно разрушилась. Для других это казалось просто возрастным переходным неврозом, но на самом деле это была болезнь. Хотя болезнь утвердилась, она с течением времени находилась в покое, в скрытой форме. И вспыхнула вновь, когда Маргарет вернулась. С ее появлением вновь появилась надежда. Они уже не были юными, теперь встретились зрелые люди. Наконец Минна сможет выслушать и понять. Но она не стала этого делать, не захотела, и поэтому должна была умереть. — Уэксфорд сделал шаг в сторону сидевшего с женой Кводрента. — И мы переходим к вам, мистер Кводрент.

— Если бы не факт, что вы расстроили мою жену, — насмешливо отозвался тот, — я бы сказал, что вы нашли великолепный способ развлечь нас этим скучным воскресным утром. — Все это он высказал легко и снисходительно, но вдруг со злостью швырнул докуренную сигарету в окно так, что она пролетела прямо над ухом Бердена. — Прошу вас, продолжайте.

— Когда мы обнаружили, что Минна пропала, вы сразу узнали об этом. Ваш офис находится около моста, вы видели, как мы вели поиски в воде и поняли, что при расследовании может быть обнаружена грязь с лесной дороги на ваших шинах. Вы знали наши методы, и поэтому вам надо было вернуться на ту лесную дорогу снова, на день позже, и потом объяснить причину вашей поездки. Ехать днем было неразумно, и вы поехали вечером, когда встретились с миссис Мисел.

— Это неправда! — вскричала с места Хелен Мисел.

— Сядьте. Вы что, воображаете, что она не знала об этом? Вы думаете, она не знала о всех его похождениях? Знала и о вас, и о других тоже. — Уэксфорд вновь повернулся к Кводренту. — Вы — самонадеянный человек, вам было наплевать, что мы узнаем о вашей связи с миссис Мисел. Если бы мы заподозрили вас в преступлении и захотели осмотреть вашу машину, вы бы, немного смутившись для вида, признались, а так как поездка на лесную дорогу с другой женщиной была, естественно, тайной, то оправдывала бы любую ложь и увертки. Но вам надо было зайти в лес и убедиться. Не знаю, какую вы придумали причину...

— Он сказал, что увидел “Подглядывающего Тома”, — с горечью проговорила Хелен Мисел.

—...И вы вошли в лес, а так как там было темно, зажгли спичку, чтобы рассмотреть тело. Вы смотрели и смотрели, были просто загнипнотизированы зрелищем, поэтому держали спичку так долго, что она сгорела полностью, и вас в это время позвала миссис Мисел.

Потом вы поехали домой. Ваша цель была достигнута. И никто не мог связать ваше имя с миссис Парсонс. Но позже, когда я упомянул имя "Дун" при вас, — вчера вечером, не так ли? — вы вспомнили о книгах. Вдруг в них остались письма, ведь это было так давно. И как только узнали, что сегодня Парсонса не будет дома, вы проникли сюда с помощью ключа, принадлежавшего мертвой женщине, где мы вас и застали. Вы искали улики, следы, которые мог оставить Дун.

— Все это очень познавательно, — заявил Кводрент. Он пригладил растрепавшиеся волосы жены и крепче прижал ее к себе. — Разумеется, у вас нет ни малейшего шанса, чтобы вынести обвинение на таких неопределенных догадках. Но можем попытаться вместе. — Его слова вновь прозвучали почти насмешливо, он, кажется, предлагал свою помощь!

— Нет, мистер Кводрент. Мы не станем тратить на это время. Вы можете идти, если хотите, хотя я предпочел бы, чтобы вы остались. Видите ли, Дун по-настоящему любил Минну. И хотя к любви примешивалась ненависть, в ней не могло быть презрения. Вчера вечером, когда я спросил, знали ли вы миссис Парсонс, вы презрительно рассмеялись. В этом смехе была искренность, столь вам не свойственная, и я понял сразу, что это была невольная естественная реакция. Но хотя Дун и убил Минну, его страсть никогда не могла перейти в презрение и насмешку. А сегодня, в четыре утра, я узнал кое-что еще. Прочитал одно письмо и понял, что вы не могли быть Дуном, как и Друри. Потому что мне стал известен недостаток Дуна, отпугивавший Минну.

Берден хотя и знал, что за этим последует, затаил дыхание.

— Потому что Дун — женщина, — тихо, но четко произнес Уэксфорд.

Глава пятнадцатая

Он ведь мог позволить им арестовать себя и последовал бы за ними покорно, как ягненок. Теперь Берден с удивлением увидел, как в глазах Кводрента вместо облегчения, появилась паника, вот уж чего менее всего ожидал инспектор.

Жена Кводрента вдруг высвободилась из рук мужа и встала. В течение монолога Уэксфорда она все время плакала, ее глаза и губы распухли от слез. Но слезы вдруг омолодили ее, ведь они свойственны юности, и она стала похожа на девушку. Желтое платье из дорогой немнущейся ткани напоминало тунику. До сих пор Фабия Кводрент не произнесла ни звука, только плакала, и, казалось, сейчас задышалась от накопившихся, невысказанных слов.

— Когда я узнал, что Дун — женщина, — продолжал Уэксфорд, — все сразу встало на свои места. Это объясняло скрытность миссис Парсонс и то, что она, обманывая мужа, не считала это обманом, объясняло, почему Друри сказал, что она стыдилась Дуна, прятала его книги...

И почему миссис Катц, зная пол Дуна, проявляла такое любопытство, подумал Берден. В ее письме было написано: "Я не понимаю, чего ты пугаешься. В этом ничего такого не было..." Кузина, которой Маргарет поверяла свои тайны, знала все с самого начала. Для нее это не было секретом, просто фактом, и поэтому ей в голову не приходило сказать об этом шефу полиции Колорадо, пока тот вдруг сам не спросил ее. И правда выскочила наружу, как долгожданный постскрипtum.

— Знаешь, в чем ошибка? — спросил шеф полиции Уэксфорда по телефону. — Ты ведь считал, что это был мужчина?

Хелен Мисел зашевелилась на своем месте, лицо оставалось в тени, но руки нервно задвигались, полированные ногти засверкали, как маленькие зеркала.

— Ваше поведение было странным, миссис Мисел, — обратился к ней Уэксфорд. — Сначала вы мне солгали, что не были знакомы с миссис Парсонс. Возможно, вы действительно не узнали ее по фотографии. С такими, как вы, трудно иметь дело, никогда не предугадаешь, что последует. В конце концов мы узнавали почти все от других, за исключением того немногого, что нечаянно срывается у вас с языка.

Она метнула на него свирепый взгляд и попросила:

— Ради Бога, дай мне одну из твоих сигарет, Дуглас!

— Я сначала решил, что вы не играете важной роли в этом деле, до прихода к вам в пятницу вечером. Я вошел в гостиную и сказал вашему мужу, что хочу поговорить с его женой. Вам было досадно, но вы не испугались, зато занервничал мистер Кводрент, вспомните происшествие с сигаретой. Когда вы признались, что были с ним в тот вечер, мы подумали, что его нервозность объяснялась страхом разоблачения вашей связи. Но не настолько же, чтобы так паниковать. Я много думал над его поведением тогда и увидел всю сцену как бы со стороны. Припомнил точные слова, которые я использовал, как и на кого смотрел в тот момент... Но пока мы не станем об этом... Итак, продолжим...

Ваша старая учительница вспомнила вас, миссис Мисел, она думала, что вы станете актрисой. Вы сами признались, что страстно хотели играть на сцене. И вы не солгали тогда. В 1951-м Минна бросила Дуна. Из-за Друри. Я подумал, что Дун была амбициозна, и когда Минна отвергла ее, это могло сильно ранить и даже надломить девушку. Поэтому далеко ходить не надо было, чтобы понять, что ваша жизнь не удалась, не сбылись мечты, и впоследствии Дун из умной, подающей надежды, страстной девушки должна была превратиться в женщину довольно циничную, лишенную иллюзий, полную горечи. И вы вписывались в образ. Ваша напускная веселость, быстрые смены настроения, жесткий характер... Да, у вас были на стороне романы, но очень короткие, может быть, это просто способ утешить себя за то, что вы не смогли заполучить настоящую любовь.

Она вдруг вскоčila.

— Ну и что?! — В крике прозвучал вызов, и она так пнула одну из книг, что та отлетела и ударилась о ногу Уэксфорда. — Вы сошли с ума, если подумали, что я — Дун! Я бы никогда не могла полюбить женщину, это так отвратительно, да меня тошнит от этого! — Она выпятила грудь, как бы демонстрируя свой пол, отвергая всякое извращение, показывая, что она женщина с головы до пят, как будто извращение могло сказаться на совершенстве ее фигуры. — Я всегда ненавидела подобные романы. Ненавидела еще в школе. Там это было сплошь и рядом...

Уэксфорд поднял книгу, отлетевшую от ноги Хелен Мисел, и достал из кармана другую: цветок на обложке из светло-зеленой замши выглядел как пятно пыли.

— Это была любовь, — сказал он спокойно, когда Хелен Мисел перевела дыхание. — В ней не было ничего отталкивающего и отвратительного. Для Дуна она была прекрасна. От Минны требовалось только одно — слушать и быть терпимой. Только дружить, гулять с Дуном, вместе посидеть в ресторане, ездить на прогулки по проселочным дорогам, по местам, где они гуляли, когда были молодыми. Слушать, как Дун рассказывает о своих мечтах, которые не сбылись. Вот. Это было примерно так. — Он раскрыл книгу с цветком на обложке и прочел с выражением:

*Если бы любовь была розой,
Я стал бы ее листком,
Чтобы вместе прожить жизнь,
Радуюсь дождю и солнцу...*

Фабия Кводрент зашевелилась и вдруг продолжила высоким детским голосом, как во сне:

*Опустевшие поля или полные цветов луга,
И зеленая радость, и серая грусть...*

Муж схватил ее за руку, пытаясь остановить. Берден подумал, что если бы Кводрент посмел, то зажал бы ей рот.

*Если бы любовь была розой,
Я стал бы ее листком...*

Она остановилась на высокой ноте, как ребенок, ожидающий похвалы и аплодисментов... Уэксфорд обратился к ней, очень мягко и доверительно:

— Но Минна не слышала. Она была утомлена и не хотела слушать... Видите ли, она больше не была Минной. Она стала обычной домохозяйкой. Бывшая учительница любила готовить, вязать и обсуждать эти предметы с такими же, как она. Я уверен, вы помните тот вторник. Сначала все шло хорошо, вы ехали в машине, было уютно и тепло. Дун и Минна вместе пообедали, и такой обед был слишком обильным и необычным для Минны, она привыкла к другой еде. Потом, в лесу, ее сморило, и вскоре она крепко уснула. — Он вдруг гневно повысил голос: — Я не хочу сказать, что в тот момент она заслуживала смерти, но она явно сама напросилась на это!

Фабия Кводрент, вырвав руку от мужа, подбежала к Уэксфорду. Он один понимал ее. Муж защищал, друзья испытывали к ней отвращение, а та единственная, которую она любила, не захотела слушать, ее утомляло внимание Дуна. Простой провинциальный полицейский не смеялся над ней и не осуждал, он понял все.

— Она заслужила смерть! Она сама! — Фабия вцепилась в лацканы пиджака Уэксфорда. — Я ее так любила! Ведь вы меня понимаете? Видите ли, у меня были только мои письма, никаких книг. — Она покачала головой, как ребенок, которого наказывали, лишая любимой игры. — Но Дуглас позволял мне писать письма, правда, Дуглас? Он так боялся... Но нечего было бояться! Если бы только они позволили мне любить ее... Любить ее... — она обхватила руками голову, — любить ее...

— О, Господи! — не выдержал Кводрент. — О, Господи!

— Любить... любить ее... Зеленая радость или серая грусть... — Она упала на грудь Уэксфорду и зарыдала. А он, пренебрегая уставом, крепко обнял ее и закрыл окно.

Не выпуская Фабия из рук, Уэксфорд обратился к Бердену:

— Уведи миссис Мисел. Проводи ее до дома.

Хелен Мисел с опущенным взором покорно пошла за Берденом. Спускаясь по лестнице, Берден думал о том, что не сейчас, но совсем скоро раздастся голос старшего инспектора:

— Фабия Кводрент, я должен вас предупредить, что вы имеете право хранить молчание, и все слова, сказанные вами, отныне могут быть использованы против вас...

Любовная история была окончена, последние строчки стихов прочитаны.

Глава шестнадцатая

Дун написала всего сто сорок четыре письма Минне. Ни одно не было отослано, и Уэксфорд нашел их все в ящике письменного стола в библиотеке Квод-

рента в то же воскресное утро. Пачка писем была перевязана розовым нейлоновым шарфом, а рядом лежал пластиковый кошелек с блестящим замочком. Прошлым вечером старший инспектор стоял рядом с этим столом, не зная, что находится всего в нескольких дюймах от безумных писем и розового шарфа.

Быстро просматривая их, Берден понял, почему Дун писала посвящения Минне печатными буквами — почерк было трудно разобрать.

— Лучше их убрать отсюда, — сказал он, — ведь мы не собираемся читать их все, сэр?

— Только первое и два последних, — отозвался Уэксфорд. — Бедный Кводрент. Что за жизнь у него была! Мы возьмем все в офис, Майк. У меня такое чувство, что няня подслушивает за дверью.

Мрачное серое здание на слепящем солнце выглядело, как стальная гравюра. Кто купит его, зная, что скрывают его стены? Может быть, там будет школа, или отель, или дом престарелых. Старикам все равно, они будут сидеть, разговаривая о своем перед телевизором в комнате, где Фабия Кводрент писала свои письма женщине, которую потом убила.

Они пересекли лужайку, сели в машину и уехали.

В полицейском участке только и говорили об этом убийстве, страсти кипели уже в фойе. Особое оживление вызвало известие, что убийца — женщина! Для Брайтона, может, это не было бы событием, но здесь! Для сержанта Кэмба это означало, что воскресное тоскливое дежурство станет вполне сносным. Для молодого Гейтса, который как раз колебался — оставить службу или нет, чаши весов резко качнулись в сторону "остаться".

Уэксфорд резко распахнул створки дверей, и полицейские при виде шефа быстро разошлись по местам, как будто всех ждали срочные дела.

— Опusti скорее шторы, Майк. — Уэксфорд швырнул пиджак на стул.

Берден молча пожал плечами и опустил желтые пластиковые шторы. Он видел, что Уэксфорд разъярен. Сплетни и слухи всегда приводили его в ярость. Завтра весь город зажужжит, как улей, им надо с утра пораньше незаметно перевезти ее в специальное помещение суда. Но сегодня у него выходной день.

Уэксфорд сел за стол и, положив перед собой пачку писем, толстую, как роман или автобиография. Автобиография Дуна. Теперь в кабинете стало сумрачно, только полоски света пробивались сквозь створки жалюзи.

— Думаете, он знал об этом, когда женился на ней? — спросил Берден, перебирая письма и зачитывая отдельные фразы. *"Ты разбила мое сердце и швырнула предложенную чашу вина об стену..."*

Уэксфорд уже немного поостыл.

— Кто знает, — начал он, — наверное, он всегда считал себя подарком для любой женщины и думал, что когда она выйдет за него, он сможет сделать так, что она забудет о Минне. Но я сомневаюсь, что их брачные отношения состоялись до конца.

— Как все это ужасно для Кводрента и для миссис Мисел.

— Я был не прав по отношению к ней. Она действительно влюбилась в Кводрента, с ума по нему сходила. Когда поняла, кто такая миссис Парсонс, то вспомнила, что происходило в школе, и подумала, что Кводрент убил ее. Это объясняло его поведение в лесу. Понимаешь, Майк? Ее мысль лихорадочно заработала, она не знала, что ответить, когда я спросил, знает ли она миссис Парсонс. И сразу вспомнила, как Кводрент настаивал на прогулке к этому лесу, как

он под нелепым предлогом вышел из машины и отсутствовал долгое время. Ей пришлось пойти за ним, она увидела горящую спичку в темноте и, наверное, окликнула его. Ручаюсь, он был бледен, как мел, когда вышел к ней из леса. Вчера, разговаривая с ней, я почувствовал, что она колеблется. Кажется, еще секунда — и она рассказала бы мне про Фабию, про ее гордость, амбициозность и любовь, разбитую вдребезги. Но тут вошел Мисел. Она успела позвонить Кводренту за те пять минут, что я шел до его дома, и назначила встречу с ним. Он не явился. Она снова позвонила и, вероятно, сказала, что ей известно, кто такой Дун, и что Фабия в школе была влюблена в миссис Парсонс. Вот тогда Кводрент заявил, что ему необходимо попасть в дом Парсонса и взять книги, подаренные Дуном. Он ведь сам их никогда не видел, но подумал, что в них могут быть какие-то записки или какие-нибудь другие улики. Миссис Мисел, прочитавшая объявление Парсонса на стене церкви, сообщила Кводренту, когда Парсонса не будет дома.

— А у Фабии был ключ от дома, — сказал Берден, — тот, что миссис Парсонс оставила в ее машине перед тем, как ее убили.

— Кводрент должен был защищать Фабию. Он не мог стать ей настоящим мужем, но мог охранять ее. Ему ужасно не хотелось, чтобы кто-то догадался об их настоящих отношениях и ее безумии. Она всегда была безумна, Майк, и жизнь с ней была адом. Но сейчас карьера, и вся его жизнь были под угрозой, если бы правда выплыла. И у нее были все деньги. То, что он зарабатывает своей практикой, "кошкины слезы" по сравнению с состоянием Фабии. Ничего удивительного, что он исчезал из дома по вечерам. К безусловно повышенной сексуальной тяге к женщинам примешивалось желание исчезнуть из дома, и его можно понять — каково выслушивать лихорадочный бред о Минне, терпеть эту нескончаемую пытку.

Уэксфорд замолчал, вспоминая свои два визита в этот дом. Сколько они были женаты? Девять, десять лет? Сначала намеки, уловки, различные предлоги. Потом взрыв, ярость, горькая обида и возмущение при одной мысли о нелепости, отравившей ему жизнь.

С тонкой ухищренностью, которая иногда хуже, чем неловкая грубость, он попытался преодолеть, сломать заклятие. Уэксфорд отогнал прочь мысли о таких попытках, помня недавние рыдания женщины на своей груди.

Берден, чьи познания жизни Кводрентов не носили столь личного характера, уловил задумчивость шефа и деловито произнес, выводя Уэксфорда из воспоминаний:

— Но Минна вернулась, и когда миссис Фабия увидела ее, они стали встречаться, уезжать на прогулки в машине Кводрента. Он не брал машину по вторникам, зато она брала. Когда в тот вторник она вернулась домой, то рассказала мужу, что убила миссис Парсонс. То, чего он всегда боялся, то есть, что ее психические отклонения приведут к подобной трагедии, выльются в прямую агрессию и насилие, случилось. Его первой мыслью было как-то выгородить ее. Она сказала, где находится тело, и он подумал об оставленной грязи на шинах, возможном появлении полиции и взятии отпечатков с протектора.

— Верно, — отозвался Уэксфорд. — Он поехал специально к тому лесу, чтобы на шинах осталась свежая грязь, а заодно хотел взглянуть на тело. Не из любопытства и не из садизма, только чтобы удостовериться, что она действительно там. Потому что в времена Фабия вела себя неадекватно, и он не знал, действительно ли она совершила убийство, или это плод больной фантазии. А там, около леса, миссис Мисел обронила свою губную помаду. Она не стала ее ис-

кать, потому что действительно легкомысленно относится к вещам. Он надеялся, что мы не будем допрашивать Фабию, во всяком случае, какой-то период времени. Когда я вошел в гостиную Миселов в пятницу вечером...

— Вы разговаривали с Миселом, — перебил его Берден, — но смотрели на Кводрента, потому что мы оба не ожидали его там встретить. Вы сказали: "Я хочу поговорить с вашей женой", а Кводрент подумал, что речь идет о его жене.

— Я подозревал его до вчерашнего вечера, — продолжал Уэксфорд, — но когда спросил, знал ли он миссис Парсонс, и он рассмеялся, от чего у меня просто мурашки пошли по коже, я понял, что он — не Дун. Он видел миссис Парсонс только мертвой в лесу и на фотографии в газете. И испытывал страшную горечь при мысли, что такая женщина свела с ума его жену, сделала его брак ужасным. — Он задумчиво положил шарф, кошелек и ключ в ящик письменного стола. Там уже лежала старая глянцевая фотография.

— Говорят, любовь слепа, — заметил Берден. — Что в ней нашла Фабия?

— Маргарет не всегда была такой. Вообрази, что такая девушка, как Фабия, красивая, умная, влюбленная в поэзию, могла найти воплощение своей поэтической мечты именно в ней. — И Уэксфорд протянул Бердену фотографию, которую принесла ему мисс Кларк. — Вот это навело меня на правильный ответ еще до того, как я поговорил с шефом полиции Колорадо.

Маргарет Годфри сидела в середине первого ряда. Те, кто стоял сзади, положили руки на плечи сидевших подруг. Берден насчитал двенадцать лиц. Все улыбались, кроме одной. Высокий белый лоб, широко расставленные большие глаза, ничего не выражающей взгляд, губы сжаты, их уголки слегка подняты вверх...

Берден узнал среди девушек Хелен Мисел с модными тугими локонами, Клер Кларк с косами. Все, за исключением Фабии Кводрент, смотрели в камеру. Хотя она, стоя позади той, которую любила, тоже улыбалась, но в ее улыбке были растерянность и боль.

— Скажите мне кое-что еще. Когда вы пришли вчера к Кводрентам, миссис Фабия читала книгу. Мне интересно, что она читала?

— Научная фантастика, — весело ответил Уэксфорд. — Люди так непоследовательны.

Подвинув стулья ближе к столу, они приступили к чтению писем.

"Мои требования были скромны, Минна. Я так мало хотела — всего несколько часов в неделю, бесконечно малая величина в океане вечности.

Я хотела рассказать тебе, Минна, положить к твоим ногам всю мою боль и сожаления, всю муку в длинный период отчаяния. Было так тихо в лесу, когда мы вошли туда. Мы шли по той дороге, по которой ходили много лет назад, но ты забыла, как мы собирали там цветы и плели венки.

Я тихо рассказывала тебе, и ты молчала, слушая. Все время я считала, что ты слушаешь меня, и, когда я замолчала, чтобы услышать ответ, долгожданный, полный участия и понимания, твоей любви, наконец. Да, Минна, любви. Неужели в этом есть нечто дурное, если она исходит из чистых отношений?

Я взглянула на тебя, Минна, в жадном ожидании, коснулась твоих волос. Глаза твои были закрыты... Оказывается, ты предпочла банальный сон моим излияниям, которые я простерла у твоих ног, и я поняла, что все слишком поздно... Слишком поздно для любви, слишком поздно для дружбы, слишком поздно для всего остального... кроме смерти..."

Перевод с английского Марианны САВЕЛОВОЙ.

Глава четвертая. Родственники, друзья, подруги...

Борис решил не мучить себя ночью в поезде, пусть и самом комфортабельном, а просто взял билет на самолет. Деньги, в принципе, те же, а время экономится. Тем более в Питер он прилетит незадолго до полуночи, гостиница ему забронирована, номер, естественно, люкс, а для таких постоянных клиентов, как он, даже машину в аэропорт посылают. Вот и поживет, как белый человек... за счет фирмы. Юлик не возражал: он и сам любил комфорт и с пониманием относился к подобной же слабости у других.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Семейное шоу

Валерии он больше звонить не пытался: пусть отойдет и остынет. Два прокола в один день — многовато получается, но все еще можно уладить. Проще всего рассказать правду, чуть-чуть ее приукрасив: сказать, что дура-Катя явилась к ним вечером просить прощения у нее, Валерии, и он даже ничего не успел ей сказать, как зазвонил телефон. Естественно, положив трубку, он тут же ее выставил из квартиры и велел забыть сюда дорогу. Ну, такая вот накладка вышла.

Половину следующего дня Борис провел в деловых хлопотах, потом вернулся домой, быстро собрал сумку, с которой ездил в недалекие командировки, вызвал такси и отправился в аэропорт. Ему повезло: рейс отправлялся точно по расписанию, стюардессы были милы и приветливы, воздушных ям на пути оказалось на удивление мало, и даже мотор не загорелся.

Еще ему повезло с соседкой: очень красивая, выхоленная до кончиков ногтей блондинка, "супруга бизнесмена", как она отрекомендовалась, всю дорогу с открытым ртом слушала его байки из жизни шоу-бизнеса. Разумеется, он к месту ввернул, что такая красивая женщина обязательно должна попробовать себя в высоком искусстве и хотя бы сняться в видеоклипе. Она поет? Ах, только для друзей! Но этого уже вполне достаточно, он может в Москве устроить ей

Окончание. Начало в № 2 — 2004 г.

пробы. Вот его визитная карточка, как только они оба вернутся в Москву, он будет счастлив возобновить знакомство... на деловой основе.

Блондинка сунула карточку в сумочку и томно осведомилась:

— Вы где в Питере останавливаетесь? У друзей?

— Обижаете, мадам, — шутливо ответил Борис. — Я предпочитаю отель и свободу. С друзьями хорошо вечером в ресторане посидеть. К тому же я человек консервативный, предпочитаю один и тот же отель и даже один и тот же номер. В "Октябрьской", кажется, уже знают даже мои маленькие слабости.

Вот и все, скромно и без пошлостей, никакого флирта, никаких заигрываний. Раз он решил, что начинает новую жизнь верного супруга, значит, так оно и будет. Хотя жаль: бабенка аппетитная и соблазнительная, провести с такой несколько часов в приятных развлечениях — мечта! Тем более она и сама, кажется, была не прочь выйти за рамки чисто делового знакомства, во всяком случае, от бокала шампанского не отказалась и попросила после этого называть ее "просто Лизой". Зачем она летела в Петербург, "просто Лиза" внятно не объяснила, но Борис инстинктивно почувствовал, что — на охоту. В Москве муж-бизнесмен наверняка отслеживает каждый ее шаг, вот она и "отрывается" во второй столице.

— У вас в Питере родители или тетя? — решил он забросить невинный вопросик для проверки своей версии.

— Тетя... точнее, двоюродная бабушка, — удивленно ответила она, слегка покраснев. — Как вы догадались?

— Если вы не деловая женщина, значит, летите не по вопросам бизнеса. Вы не легкомысленная женщина — это сразу видно, значит, не к другу сердца. Остаются родственники или подруги, но подруги у вас в Москве. Элементарно, Лизочка.

Лизочка пришла в восхищение и от его прозорливости, и от того, что она не производит впечатление легкомысленной женщины, хотя тут он ей явно наврал. Соответствующая озабоченность у нее на лице была написана, а сексуальность просто выпирала, хотя она явно ее сдерживала. Уж он-то, Борис, достаточно много имел дела с самыми разнообразными женщинами, чтобы с первого взгляда определить, кто перед ним.

— Вот мой телефон, — сунула она ему перед посадкой клочок бумаги. — Если вам вдруг станет скучно в чужом городе...

Он поцеловал ей руку и поблагодарил в самых цветистых выражениях, хотя пользоваться ее расположением не собирался. Так же, как и не собирался рассказывать ей, что в Питере намерен не скучать, а налаживать треснувшие отношения с собственной женой. Которой, кстати, эта Лизочка в подметки не годится: Валерия никогда бы не стала пользоваться такими приторными духами и ни за что не положила бы на лицо грим толщиной в полсантиметра. Особенно во время поездки. Стиль его жены был вне конкуренции, но случайным попутчикам в самолете об этом знать не обязательно. Даже таким сексапилочкам, как эта блондинистая штучка.

К гостинице он подъехал ровно в полночь, и портье приветствовал его, как старого знакомого.

В номере Борис быстренько разобрал вещи, принял душ, попросил портье по телефону разбудить его в девять, а заодно и принести завтрак, и отправился в душ. Выйдя оттуда, сделал два звонка: один — в гостиницу "Санкт-Петербург", другой — в "Престиж-отель". Со второй попытки ему повезло: Валерия числилась в постояльцах и занимала один из двух одноместных номеров бизнес-класса. Третий этаж, седьмая комната.

Спал он в эту ночь крепко и без сновидений, проснулся бодрый, помахал руками перед открытым окном, что должно было символизировать утреннюю гимнастику, позавтракал с отменным аппетитом и стал уточнять распорядок дня. Выяснилось, что предварительная встреча с певцом состоится у него в офисе и продлится часа два. Начало — в четырнадцать ноль-ноль, и просьба не опаздывать, потому что вечером у мэтра много других дел, и он должен к ним соответственно подготовиться. Так что в плане времени для Бориса все складывалось отменно.

Он вышел из гостиницы, купил на площади роскошный букет цветов, сел в такси и назвал шоферу адрес гостиницы на Васильевском острове. Время — начало одиннадцатого, вряд ли Валерия могла куда-нибудь уйти, у нее работа обычно начинается позднее. Но определенные сомнения все же были, и, назло им, он не стал звонить непосредственно в номер: сюрприз так сюрприз. Когда он постучал в дверь с нужным номером и услышал знакомый голос, то расслабился и пропищал, имитируя горничную:

— Вам посылка.

Валерия открыла дверь, увидела Боба, полускрытого огромным букетом, и окаменела от неожиданности. Так они несколько минут и стояли напротив друг друга, не шелохнувшись и не проронив ни слова, хотя внутренне Боб ликовал: первый шаг сделан, сюрприз удался на славу!

— Как ты меня нашел? — обрела наконец дар речи Валерия.

— Секрет фирмы, — усмехнулся Борис. — Ты не пригласишь меня войти?

Валерия посторонилась, пропуская мужа в номер, и заметила острый взгляд, который тот бросил в сторону постели: то ли оценивал будущее место действия, то ли искал следы супружеского криминала. Но Борис уже стремительно брал инициативу в свои руки, впрочем, не только в них. Он театрально опустился на колени и протянул букет жене:

— Прости меня. Я ужасно виноват перед тобой. Просто невозможно виноват. Но хоть на первый раз прости. Клянусь, больше не позволю ничему такому произойти.

Валерия молча взяла букет и определила его в большую, специально предназначенную для таких случаев вазу.

— Воды налей, — уже гораздо более спокойным тоном посоветовал Боб. — Увянут ведь.

Она так же молча пошла в ванную и наполнила вазу водой. Честно говоря, к такой сцене она не подготовилась, поскольку объяснение предполагала провести уже в Москве. И еще — была сильно удивлена тем, что Боб ее так быстро отыскал в многочисленных петербургских гостиницах, тем более, что об этом мини-отеле знал только очень узкий круг посвященных.

— Катька меня буквально изнасиловала, — продолжил Боб, принимая более удобную позу, но с колен пока не встал. — Хочешь верь, хочешь нет. Девка абсолютно не в моем вкусе, во-первых, изменять тебе я не собирался, во-вторых, гормоны подвели, виноват. Если бы имел хоть несколько секунд на размышление, запер бы дверь. Ведь кто угодно мог войти.

— Допустим, — нарушила наконец свое молчание Валерия. — Допустим, ты не врешь, и все произошло именно так. Собственно, я тоже пришла к такому выводу, когда остыла и подумала. Но почему эта дрянь оказалась у нас дома, как только я уехала?

— Приперлась внаглую, — развел руками Боб. — Я открыл дверь не глядя, думал, ты заехала перед поездом, не сообразил, что у тебя ключи. Если честно, я, когда до-

мой вернулся, принял несколько капель для успокоения. Она войти не успела — телефонный звонок. А эта дура обо что-то споткнулась и заголосила. Вот и все, я положила трубку и дал Катюше коленом под зад. Сказал, чтобы вообще дорогу туда забыла.

— Видишь ли, — перебила его Валерия, — у меня сейчас нет времени на трогательную сцену примирения. В полдень я должна быть на интервью.

— У меня деловая встреча в четырнадцать часов, — доложил Борис. — Может быть, вечером посидим, поужинаем...

— Полежим... — в тон ему закончила Валерия. — Ничего не выйдет, дружок, вечер у меня занят. Вчера обещала Аде...

— Я тоже хочу видеть Аду, — заявил Борис. — Соскучился по теще.

— Тебя не приглашали.

— Пригласят.

Валерия не сомневалась, что Ада не упустит возможности пообщаться с любимым зятем.

— Вот если пригласят, тогда там и увидимся, — отрезала она. — А сейчас извини, мне нужно собираться.

— Но ты меня прощаешь?

— Я еще подумаю. Спасибо за цветы.

Валерия убедилась в том, что интервью на сей раз никто не отменял, и что ее ждут прямо в квартире на Большой Морской улице, в доме на набережной Мойки, решила, что доберется туда пешком за полчаса, заодно и проветрится. Погода чудная, а на ходу думать легче. И тут в дверь снова кто-то постучал, а поскольку запереть ее за Борисом Валерия забыла, то через секунду в номер влетела нарядная и уже чуть-чуть под хмельком Нина.

— Сюрприз! — провозгласила она. — Хорошо, что застала.

— Ты откуда взялась? — изумилась Валерия.

— Вчера вечером гуляли с одной компашкой в "Ленинградской", кому-то в умную башку пришло махнуть в Питер. Пока они в поезде дрыхли, я с таким кадриком познакомилась в вагоне — закачаешься! Зелеными набит по самую тыковку и еще не старпер. Сейчас он в свой офис отправился, а у меня два часа отгула и бабки на карманные расходы. Потом продолжим веселиться.

— А твоя "компашка"? — снова изумилась Валерия.

— А хрен с ними, надоели глупые рожи. Тут хоть что-то новенькое. Здорово вышло, что ты мне про эту гостиницу сказала, ее ведь даже в справочниках нет.

Тут Валерию внезапно осенило:

— Это ты сказала Бобу, что я могу остановиться в этой гостинице?

Нинины глаза заметались по комнате, она явно не знала, как ответить на такой простой вопрос. Впрочем, ответ был написан на ее смазливом личике, тут же ставшем виноватым.

— Почему я?

— Потому что больше никому, — отрезала Валерия. — А теперь скажи, подружка, ты тоже с моим муженьком развлекалась?

Вопрос этот она тоже задала по наитию: степень вины, написанной на лице Нины, не соответствовала тяжести проступка. Ну, сказала, хотела, чтобы побыстрее помирились, виновата, казни. А Нинка глаза прячет почему-то. И молчит.

— Я жду ответа, — напомнила Валерия ледяным тоном, уже мало в чем сомневаясь.

— Лерчик, ну это же было еще до вашей свадьбы. И всего два раза. Всего каких-то паршивых два раза, когда он еще не был твоим мужем. Ты меня знаешь:

я перед красивым мужиком устоять не могу, а Боб — это нечто вообще отпадное. Но это было так давно...

— Значит, спала с ним, — подвела итог Валерия.

Тут Нина взорвалась:

— Да с ним пол-Москвы спит, открой глаза! Он же ни одной смазливой мордашки, ни одной круглой попки не пропускает. Кроме тебя, об этом все знают. И с Катькой у него не в первый раз, а в сто двадцать первый, наверное. Но женился-то он на тебе. И хватит изображать из себя святое неведение, просто тебе выгодно делать вид, что ничего не замечаешь. Иначе ты такого ходака, как Боб, долго не удержала бы...

Валерия быстро ушла в ванну и заперлась там. Нина еще что-то продолжала выкрикивать в комнате, потом грохнула входная дверь, и все стихло.

"Хорошо все-таки иметь подруг, — невесело размышляла Валерия, шагая по направлению к Неве. — Всегда будут держать в курсе событий, помогут в трудную минуту, никогда не предадут. И ведь Нинка не врет, она этого просто не умеет — врать. Несет, что на язык попало, о последствиях никогда не думает. И счастлива безмерно. Теперь вот подцепила какого-то очередного мужика с деньгами, хорошо, если действительно бизнесмена, а если бандита? Кончит, как бедная Милка. Или сопьется".

За всеми этими размышлениями Валерия не заметила, как добралась до нужной ей улицы. Дом, где жила Милена Семеновна, был типично петербургским: темно-серым, неухоженным, с жуткими входными дверями и кошмарной лестничной клеткой. Но уже было видно, что территорию постепенно осваивают новые жильцы с другим уровнем достатка: на втором этаже одна дверь была с ободранной обивкой и списком жильцов возле звонка, вторая сияла бронзой, матово блестела натуральной кожей, а кусочек площадки перед ней был выложен мраморной плиткой. Третий этаж был уже вообще персональным: обе стандартные входные двери на площадке исчезли, вместо них красовалась одна в центре, напротив лифта. Все нормально: скромное жилище вдовы обыкновенного политика. Муж получал жалованье чиновника, правда, довольно высокого ранга, она, если судить по ее интервью, всю жизнь работала преподавательницей английского языка в университете, только недавно занялась общественной деятельностью. Лет за сорок они вполне могли накопить денег на такую квартиру.

"Первый промах мадам, — отметила про себя Валерия, нажимая на кнопку звонка, который отозвался мягким звуком гонга внутри. — Ей будет довольно трудно говорить о скромности и неприязнительности в таких интерьерах. Хотя наверняка сошлется на гонорары за последние книги покойного мужа. Господи, какие же они все одинаковые!"

Внутри Валерию встретила горничная (настоящая горничная, в форменном черном платье, кружевном фартуке и наколке!) и крайне любезно проводила в гостиную, где уже дожидалась хозяйка: дама неопределенно-бальзаковского возраста со следами былой красоты на лице, сохраненной благодаря усилиям явно не дешевых косметических салонов. Комната была обставлена, однако, со вкусом, без аляповатости: сказалось, судя по всему, довольно длительное пребывание Милены Семеновны с мужем в одной из европейских столиц.

— Чай, кофе? — любезно предложила хозяйка. — Или сок, минеральную воду? Сегодня опять удивительно теплый день. Если вы курите, прошу вас, вот пепельница, не стесняйтесь. — Она явно стремилась загладить вчерашнюю накладку и делала это даже несколько напоказ.

То, что это интервью не станет ее очередным "маленьким шедевром", Валерия поняла минут через пятнадцать. Милена Семеновна изо всех сил старалась казаться "простой русской женщиной", глубоко озабоченной проблемами российской семьи. Вот об этом она и собирается вести цикл передач на телевидении, именно об этом вчера и вела долгие переговоры с чиновниками в Смольном. Валерия пыталась свернуть на ее собственную семью, но Милена Семеновна уходила от прямых ответов виртуозно или говорила такую очевидную неправду, что за нее становилось даже неловко.

Сын учится в институте в другом городе, живет на стипендию, видятся они, естественно, нечасто, помогает она ему мало: не из чего. Все бы ничего, только сын учился не только в другом городе, но и в другой стране, стипендии не получал вообще, наоборот, платил за обучение, причем не из своего кармана, а из мамино, которая, кстати, регулярно летала навещать своего отпрыска. Действительно, простая семья со средним достатком.

Про квартиру по наследству от троюродной тетушки покойного мужа и приобретенную к ней вторую... конечно же, на гонорары от книг того же мужа, Валерия слушала уже вполуха, полагаясь на безотказный диктофон. Через два часа она решила, что материала на проходную статью набрала вполне достаточно. Оставалось только осуществить одну сумасшедшую идею, которая только что пришла ей в голову, но вполне могла быть реализована.

— Милена Семеновна, а хотите, я вам бесплатно продам сюжет для первой телепередачи? — с самым невинным видом спросила Валерия. — Про многодетную семью, которая не живет, а выживает, причем непонятно, как. Если все это красиво подать, да еще организовать государственную помощь, через вас, естественно...

Милена Семеновна заглотнула наживку мгновенно. Через пятнадцать минут срочно вызванная пресс-секретарь уже записывала адрес и телефон Софьи Кудрявцевой, безработной матери троих детей, потерявшей последнюю надежду жить по-человечески. "С паршивой овцы — хоть шерсти клок", — весело подумала Валерия, представив себе, что Софке действительно помогут: и квартиру дадут, и детей обеспечат, и саму куда-нибудь пристроят, а Милена раззвонит об этом по всем средствам массовой информации. И на здоровье, лишь бы хоть одному конкретному человеку помогла, помимо собственного сыночка. Сделает — Валерия ее разрисует в своем журнале, как рождественского ангелочка, в лучшем виде. Нет, в профессии журналиста определенно есть положительные стороны.

Оставшееся время до визита к матери и отчиму Валерия посвятила, во-первых, обеду, а во-вторых, переносу набранного материала из диктофона в портативный компьютер. Сервис в отеле был такой, что ей прекрасно удалось совместить оба этих занятия. Просто заказала в номер то, что напоминало плотный завтрак, и попросила кофе побольше и покрепче.

Телефонный звонок отвлек ее от работы. Подняв трубку, Валерия уже привычно за последние дни насторожилась, но в трубке услышала низкий, чуть с хрипотцой голос:

— Лера?

— Михаил! — неподдельно обрадовалась она. — Как вы раздобыли мой номер?

— Было бы желание, — последовал довольно двусмысленный ответ. — Лера, я звоню вам в перерыве деловых переговоров, потом мне будет трудно освободиться. Не хотите сегодня поужинать со мной?

— С удовольствием, — сказала она, совершенно забыв о том, что в родительском доме будет присутствовать вполне законный муж, и вообще забыв обо всем на свете. — Но я буду мотаться по городу, куда и во сколько я могу позвонить вам?

— Запишите номер мобильного. И дайте, если можно, ваш. Я отвечаю не на все звонки. Думаю, вы тоже.

— Правильно думаете, — засмеялась Лера. — Так я пишу.

Она записала семизначный (значит, прямой!) номер и дала свой собственный — куда более длинный.

— В девять вечера не поздно для вас? — осведомился Михаил.

— Думаю, нет. Я сегодня навещаю родителей, так что смогу освободиться, когда захочу.

— До десяти жду звонка. Родители — это стихийное бедствие, они непредсказуемы. Не забудете про меня?

— Вас забудешь... — пробормотала довольно внятно Валерия, и оба рассмеялись.

— Когда закончим разговор, посмотрите, не валяется ли что-нибудь под дверью номера. Посмотрите?

— Обязательно посмотрю, — все еще смеясь, сказала Лера. — Так до вечера?

— До вечера, моя дорогая.

Так. Уже "моя дорогая". А что может находиться в коридоре, интересно?

В коридоре находилась огромная корзина белых роз с воткнутой в середину карточкой с золотым обрезаем. На карточке каллиграфическим почерком было выведено: "Потрясающей женщине от потрясенного мужчины". Очень мило.

К родителям Валерия собиралась в прекрасном настроении, надела любимый брючный костюм цвета слоновой кости и к нему — блузку изумрудного цвета, замечательно подчеркивающую цвет ее глаз. Чуть-чуть подправила макияж, выключила закончившие свою миссию приборы и... вспомнила про утренний визит Нины и, естественно, про Боба. Настроение мгновенно испортилось.

"Не посмеет он прийти к родителям, если я позвоню и скажу, что мне все известно. Или, наоборот, попрет напролом? Кто угадает, как он будет действовать и что говорить? Не нужно было приглашать его к родителям! То есть говорить, что я туда поеду. И что бы Нинке прийти пораньше? Разговор с Бобом был бы совсем другим..."

Эти мысли вертелись у нее в голове, пока такси везло ее на Петроградскую сторону к мечети. И, по-видимому, достаточно ясно отразились у нее на лице, потому что Ада, открывшая ей дверь, ахнула:

— Ты ужасно выглядишь, милая!

Сама Ада выглядела, как всегда, свежо и блистательно. Валерия почувствовала знакомый приступ комплекса неполноценности, который всегда одолевал ее в присутствии матери, и пошла в гостиную. То, что она там увидела, радости ей не прибавило: у окна в двух глубоких креслах мирно пили виски ее отчим и, конечно, Борис. То-то Ада так сияет!

Борис тоже засиял своей неотразимой улыбкой и, отставив бокал, двинулся к Валерии. Та позволила поцеловать себя, но чуть заметно отклонилась, и поцелуй пришелся в щеку. Если Боб и удивился, то ничем это не показал.

— Тебе привет от Нины, — холодно сказала ему Валерия. — Она в Питере.

— Господи! — простонал Борис. — Она-то тут зачем?

— Развлекается, полагаю. Попутно рассказывает всякие интересные истории.

— Все ее истории я знаю наизусть, — отмахнулся Боб.

В половине девятого она взглянула на часы:

— Ну, не будем вас больше утомлять. Да и мы оба в командировках, еще полно дел. Спасибо за чай, Адочка, все было изумительно. До свидания, Давид...

На улице Борис крепко взял ее под руку и не допускающим возражений тоном произнес:

— Нам нужно спокойно поговорить, Лерочка. Не на ходу и не в кабаке. Где ты предпочитаешь: у тебя в гостинице или у меня?

— У тебя, — после мгновенного колебания ответила Валерия.

Боб поднял руку, и первая же машина остановилась. Вечное его везение!

Когда они вошли в холл "Октябрьской", Борис подошел к стойке за ключами и заметил, что его знакомый портье отсутствует, а ключи выдает какая-то не в меру накрашенная девица. Тем лучше, не будет никаких подмигиваний и понимающего лица. Он взял ключ, и они с Валерией поднялись на четвертый этаж к "полулюксу" возле запасного выхода на лестницу — всегдашние апартаменты Бориса в этом отеле.

Борис отпер дверь и, распахнув ее, пропустил Валерию вперед. Сам шагнул следом и... окаменел. На диване в гостиной сидела Нина, завернутая в большое махровое полотенце. Других предметов одежды на ней не наблюдалось.

Валерия несколько секунд смотрела на Нину, потом развернулась на каблуках и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава пятая. Таланты и поклонницы

Выйдя из гостиницы, Валерия несколько минут шагала, не разбирая дороги, и только потом сообразила, что ноги несут ее к тому дому, где она родилась и выросла. Вот уж туда ей совершенно не нужно. А куда? Времени — половина десятого вечера... Половина десятого! Михаил ждет ее звонка. Вот оно — решение, вот оно — спасение, по крайней мере, на сегодняшний вечер и, если она еще что-то понимает в жизни, на ближайшую ночь. А там, как говорится, будем посмотреть.

Валерия села в ближайшем же уличном кафе за свободный столик, заказала джин с тоником и, открыв записную книжку, нашла телефон Михаила. Судя по всему, новый поклонник уже начал сомневаться и терять терпение, но эти ноты исчезли из его голоса после первой же фразы Валерии о том, что она "с трудом выцарапалась от предков". Это все объясняло и все ставило на свои места.

— Где вы сейчас? — спросил Михаил.

— На улице Маяковского, в кафе. Возле памятника Поленову.

— Через пятнадцать минут я вас подхватю. До встречи, дорогая.

Валерия убрала мобильник в сумку, достала оттуда пудреницу и внимательно осмотрела лицо. На убитую горем обманутую женщину она не походила — и слава Богу. Но ситуация становится даже забавной. Если бы не Михаил, она бы осталась и поприступовала бы при выяснении отношений. Ведь Борис сам предложил на выбор: у нее или у него, она же, опасаясь нежелательных накладок, выбрала "Октябрьскую". Так что вряд ли это штучки самого Боба, скорее всего, Нинка проявила инициативу. Впрочем, это значит, что они до сих пор спят друг с другом время от времени. Ну и черт с ними!

В оставленном же ею номере "Октябрьской" действительно происходили очень интересные вещи. Борис сначала кинулся было вслед Валерии, но та словно сквозь землю провалилась: в коридоре было пусто. Только много позже он сообразил, что она элементарно воспользовалась лестницей. Тогда он вернулся в свой "люкс", где Нина уже курила, сидя на широком подоконнике, а рядом с ней стояла наполовину пустая бутылка виски.

— Тебя кто сюда звал? — накинулся на нее Борис. — Ты же мне все испортила! Я почти помирился с Валерией.

— Если хочешь знать, твоя Валерия — та еще штучка, — мрачно ответила Нина. — Я думала, у вас все кончено после того, как она вытянула из меня признание о всех твоих художествах.

— Какое признание? — застонал Боб. — Какие художества?

— Ну, она вроде бы знала о том, что мы с тобой... Конечно, я сказала, что только пару раз и до свадьбы. О том, что мы договорились встречаться раз в неделю, я ни словечка не сказала.

Борис так и сел, где стоял.

Нина подобрала под себя ноги и уселась поудобнее, уже не спиной, а полубоком к открытому окну. Только теперь Борис заметил, что его любовница прилично поддала: движения у нее были то странно-резкими, то какими-то плывущими, а глаза вообще сумасшедшими. Да еще бутылка с собой — совсем хороша девушка.

— Как ты вообще сюда попала? — тоскливо спросил он.

— Дала горничной десятку, она открыла мне номер, — пожалала плечами Нина. — Я вообще-то была с компанией над тобой, на пятом этаже, но они там уже все перепились, тоска. Я и решила пойти тебя предупредить, что Лерка все знает.

— Дура, какая же ты дура! Лера взяла тебя на пушку, она ничегошеньки не знала о нас с тобой. Надеюсь, ты больше ей ничего не рассказывала?

Нина посмотрела на него, пытаясь сфокусировать зрение, но это у нее плохо получилось, зато почему-то очень развеселило.

— Почему же не рассказывала? — хихикнула она. — Меня шлюхой называют, а у тебя таких шлюх — пол-Москвы, и я молчать буду? Все рассказала, имен только не назвала, потому что половины ты сам не помнишь, а вторую я не знаю. Ничего, побесится и успокоится, чистюля твоя. Голубок и горлица...

И добавила такое забористое выражение, которое даже Борис впервые слышал. Это его и доконало: он сделал шаг по направлению к окну и поднял руку, намереваясь дать девушке по физиономии. Нина инстинктивно отшатнулась, потеряла равновесие и полетела вниз, даже не вскрикнув. Только бутылку по-прежнему сжимала в руке.

Дальше Борис действовал уже на абсолютном автомате. Быстро обыскал номер, нашел вещи Нины — точнее, платье, белье и туфель не обнаружилось, затолкал его в свою сумку на самое дно, сумку забросил на антресоль и отправился в душ. Если будут спрашивать: никого не видел, ничего не знает, никого у него не было. Была его жена, но она живет в другой гостинице и только что уехала к себе. Они оба в командировке, у обоих свои дела, приехали в разное время, встретились уже тут.

Борис напрасно беспокоился: следствие, точнее, милиция пошла по самому простому пути: решила, что девушка по пьянке выпала из окна того номера, где гуляла ее компания. Там же обнаружили ее туфли и сумочка. Несчастный случай. Пить надо меньше. Заподозрить respectable бизнесмена, занимав-

шего номер этажом ниже, никому и в голову не пришло, настолько все было очевидно.

Но Борис этого не знал, поэтому выпил чуть ли не целую бутылку коньяка, сопроводив ее почти пачкой сигарет, выкуренных одна за другой, после чего отключился, не дойдя до кровати. Туда он перебрался уже под утро и снова заснул. Угрызения совести его не посетили и кошмары не мучили. Так что пробудившись часов в одиннадцать, он был опять свеж и готов к новому трудовому дню. Точнее, к оформлению составленных накануне бумаг: на следующий день он должен был представить их на одобрение своему здешнему клиенту.

На всякий случай позвонил в гостиницу Валерии: в номере ее не было. Мобильник, естественно, был отключен. Значит, теперь уж точно все объяснения будут в Москве. Здесь он уже не станет искушать судьбу и пытаться снова встретиться с законной супругой. Еще одного прокола он просто не перенесет.

Валерия же в гостинице действительно отсутствовала, потому что именно в это время завтракала с Михаилом в маленьком, уютном коттедже, затаившемся за высоким забором на Каменном острове. Накануне они встретились уже как старые, добрые знакомые. Михаил подъехал к названному ею месту и забрал с собой. Надо сказать, Валерия ни на секунду об этом не пожалела, и вела себя уже не как испуганная добропорядочная дама, а как свободная, красивая и знающая себе цену женщина.

Соответственно изменилось и поведение ее кавалера. Уже под утро, засыпая на плече Михаила, Валерия подумала, что до сих пор она, оказывается, просто не представляла себе, что такое секс с настоящим мужчиной. И еще подумала, что Нина, в общем-то, оказала ей услугу: если бы не ее наглая выходка, ничего подобного не случилось бы. Спасибо, подружка, считай, что ты прощена.

За завтраком, сервированным на закрытой веранде, Михаил вдруг спросил:

— Лера, а ты бы не хотела поменять работу?

— То есть? — недоуменно подняла она брови.

— Я хочу предложить тебе стать моим личным секретарем. Не бесплатно, конечно, и не за "стол и кров", а по-настоящему.

— Зачем это тебе понадобилось? — искренне изумилась Валерия. — Допустим, я уже почти разведена, дело времени, но снова замуж не собираюсь, а твой брак, как известно, расторжению не подлежит, это даже не обсуждается. Я давно уже большая девочка, многие вещи понимаю с полуслова, даже с полувзгляда.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы ты была моим личным секретарем. Развестись я действительно не могу, но и ты для меня за это время стала необходимой.

— Ты нашел женщину своей мечты? — с легкой иронией спросила Валерия.

— И, кстати, не вижу в этом ничего смешного. Я хочу, чтобы ты была рядом на официальных основаниях. С женой мы большие друзья, но у каждого — своя жизнь, и мы уже давно договорились, что просто не нарушаем границ приличия, сохраняем видимость гармоничной семьи. Это нужно для моего имиджа.

— Знаю, ты хочешь перебраться в Москву. Мы вчера об этом говорили. Но я-то как раз хочу со столицей распрощаться. Это не очень просто, но возможно.

— Я могу оставаться в Питере. Меня с самого начала этот проект не привлекал, но так давили...

— Кто может на тебя давить?

— В принципе, никто, просто были нюансы... В общем, если ты хочешь уехать из Москвы, то принимай мое предложение. Не волнуйся, работы будет не слишком много.

— Вот это, — медленно проговорила Валерия, — меня как раз и не устраивает. Я люблю свою работу, хочу и дальше ею заниматься, но не хочу при этом быть привязанной к какому-то колышку, будь то муж или... друг.

— Странная ты женщина, — покачал головой Михаил. — Наверное, поэтому я так на тебя и "запал", по выражению нынешней молодежи. Думаю, мы сможем решить эту проблему к обоюдному удовольствию. Выбирай журнал, в котором хочешь работать, будешь моим советником по связям с прессой.

— Вот это уже теплее, — улыбнулась Валерия. — Знаешь, в одной из песен твоего коллеги очень правильно говорится о том, что коренной петербуржец в Москве никогда не приживется. Теперь я это поняла на собственном опыте. Что ж, думаю, у моего мужа хватит ума отпустить меня с миром, не устраивая скандалов.

— Пусть это тебя не волнует. У тебя больше не должно быть никаких проблем. Я их сам все решу.

— За это, конечно, спасибо, но еще раз напоминаю: я люблю свободу. И теперь не могу перекладывать свои заботы на чужие плечи. Кстати, о заботах: сегодня вечером после концерта ты мне обещал интервью. Надеюсь, уговор остается в силе?

— Запомни, моя дорогая: если я что-то обещал, то выполняю всегда. Если не уверен, что смогу выполнить, то говорю: "Я постараюсь". Это мой принцип.

— Тогда у нас есть все шансы дружить долго и счастливо, — мило улыбнулась Валерия. — Возможно, ты удивись, но это — и мой принцип тоже. Точнее, один из моих принципов.

— Не удивлюсь даже, если совпадут все остальные, — улыбнулся в ответ Михаил, привлекая ее к себе. — А пока тебе не нужно еще ехать и собираться на концерт одного твоего знакомого, у нас еще есть время, правда?

— Правда, — почти беззвучно ответила Валерия, закрывая глаза.

Борис закончил работу с документами, когда было уже часов пять. Делать до завтрашнего дня ему было совершенно нечего, особого аппетита тоже не наблюдалось, к тому же, как только голова освободилась от служебных проблем, вернулись неприятные воспоминания о вчерашнем вечере.

Он заказал обед в номер: выходить решительно не хотелось, и включил телевизор.

На экране побежали титры криминальной хроники города. И первый же сюжет поразил его до крайности: конечно же, это был инцидент в гостинице "Октябрьская", но в очень интересной лично для него трактовке. Молодая женщина, будучи "в состоянии сильного алкогольного опьянения", выпала из окна пятого этажа. Типичный несчастный случай, следы насилия отсутствуют. "Фишка" же заключалась в том, что в номере, откуда свалилась потерпевшая, фотомодель из Москвы, гулял со своими приближенными давно находившийся в розыске криминальный авторитет, которого тут же и повязали, на радость стражам порядка. Вот уж воистину — не было бы счастья...

Борис почувствовал, что с его плеч свалился огромный камень. Напрасно он нервничал, напрасно вчера напился, все оказалось изящно и красиво. Правда, непонятно, каким боком Нинка попала в эту криминальную компашку, но это

уже детали и мелочи. Горничная, естественно, никому не скажет о том, что запустила эту особу в номер этажом ниже: вылетит с работы только так. А больше свидетелей нет, кроме...

Черт, Валерия же видела Нину буквально за десять минут до несчастья. Но жена, кажется, не может свидетельствовать против мужа, равно как и за него. Неважно, Валерия его не выдаст, тут сомнений быть не может. Да к тому же ей он может сказать, что выставил Нинку мгновенно, а уж куда она пошла и откуда свалилась — знать не знает, ведь не ведает. А не надо вмешиваться в отношения между мужем и женой и разбалтывать интимные секреты.

Вместе с обедом Борису прислали свежие газеты, и они подтвердили телевизионную версию, снабдив ее не слишком четкой фотографией: полуобнаженное женское тело в неестественной позе на асфальте. Смерть наступила мгновенно. Значит, девочка не мучилась, даже не поняла, наверно, ничего. И довольно об этом.

Тут зазвонил мобильник, и Борис вздрогнул от неожиданности. Валерия? Узнала про Нину и решила выяснить, что произошло на самом деле? Что ж, он ей объяснит.

Но это была не Валерия, а дамочка из самолета. Та самая аппетитная блондиночка по имени Лиза, жена банкира или бизнесмена — он уже не помнил. Ну конечно, он же дал ей свою визитку, дурак! А может, и не дурак: если ей тоже нечего делать, то на концерт он пойдет с эффектной спутницей.

Все эти мысли проносились в голове у Бориса, пока он слушал жеманное щелбание Лизы о скуке вечернего чужого города, о сорвавшейся встрече с подругой и прочую белиберду. Наконец он решил, что пора переходить к делу, а не просто переводить деньги на телефонный разговор.

— А вы знаете, Лиза, я ведь сегодня о вас думал, — сказал он самым завлекательным голосом, на который был способен. — Хотел пригласить вас на концерт, но не знал, удобно ли звонить. Не поставлю ли я вас этим в неловкое положение... ну, вы понимаете.

О, она все прекрасно понимала. И на концерт согласилась пойти немедленно. Через час она будет в холле его гостиницы — так удобнее всего, а оттуда они за десять минут доберутся до концертного зала. Он еще не забыл, как она выглядит?

Борис заверил ее, что узнает даже с закрытыми глазами, такое сильное впечатление она на него произвела, закончил разговор и с облегчением перевел дух. Стало быть, вечер он занял, к тому же будет с кем поужинать и потанцевать. Ну, а там уж как фишка ляжет. К тому же он ведь дал себе слово: больше никаких заходов "налево". А слово нужно держать.

Через час, свежевыбранный, подтянутый и готовый к новым подвигам, Борис спустился в холл. Лизу он действительно узнал сразу, да и трудно было бы не узнать. В кресле, изящно скрестив длинные, стройные ноги, сидела по-настоящему красивая дама, в черном, в меру открытом платье с полупрозрачной накидкой на плечах. Мерцающие на шее и в ушах камешки были явно не стразами — тут у Бориса глаз наметан, а туфли впору носить кинозвезде мирового масштаба. Только подойдя ближе, Борис заметил, что красавица все-таки перестаралась с косметикой, но это было заметно лишь тому, кто приближался к ней вплотную. То есть мало кому заметно.

— Лизонька! — восторженно приветствовал он ее. — Вы пришли раньше, или я опоздал?

— Мы оба пришли вовремя, — одарила она его ослепительной улыбкой, шедевром какого-то дантиста, не исключено, даже иностранного. — А мне к тому же повезло с машиной: такси пришло минута в минуту.

...Народу на концерт собралось видимо-невидимо, место на стоянке удалось найти с большим трудом. Потом с таким же трудом удалось пробиться сквозь толпу жаждущих "лишнего билетика" ко входу и предъявить контрамарку. Тут дело пошло веселее, расторопный мальчик из охраны провел их в зал и усадил в пятом ряду возле прохода. Борис по опыту знал, что именно этот ряд оставляют "для своих", но был приятно удивлен, что их не запихнули в середину. Добрый знак: похоже, с контрактом дело выгорит.

Ко всему прочему, на Елизавету явно произвело впечатление то, как их встретили, она стала поглядывать на Бориса не просто заинтересованно, а с явной приязнью. Это и радовало, и настораживало одновременно: как бы дамочка не настроилась на что-то слишком серьезное, хлопот потом не оберешься. Но приятно, черт возьми, когда рядом с тобой красивая женщина, которая так на тебя смотрит. Растешь в собственных глазах. Валерия всегда и везде держалась царственно-независимо... Опять! Господи, да сколько же можно!

Борис не чувствовал бы себя так комфортно, если бы знал, что именно в эту минуту Валерия, проведенная в специальную ложу для "особо важных персон", то есть такую, откуда было видно и слышно все, а сидящих в ложе увидеть можно было только со сцены, рассматривала зрительный зал и думала о том, что второй вечер подряд, кажется, приносит сплошные удовольствия, а такое везение следует ценить.

В ложе были предусмотрены все удобства, даже миниатюрный телевизор, мини-бар и стопка свежей прессы на специальном столике. Валерия налила себе грейпфрутового сока, плеснула в него чуть-чуть водки, с удовольствием откинулась на спинку кресла, и тут взгляд ее упал на обложку одной из газет, которую украшала фотография распростертой на асфальте мертвой женщины, а крупные буквы заголовка оповещали: "Смерть фотомодели: несчастный случай или сведение счетов?"

Вряд ли Валерия обратила бы внимание на очередную "чернуху", но слишком знакомой показалась ей голова женщины с прической под Мирей Матье. Расположенная ниже заметка услужливо подтвердила: это Нина, которая погибла в тот самый вечер, когда Валерия видела ее, кокетливо завернутую в купальную простыню, в номере Бориса. Так что же, он и свел с ней счеты? Но это же невероятно! Быстренько переспать с ней он, конечно, мог, но убить...

Валерия пробежала всю заметку до конца, и страх сменился удивлением: о Борисе не было ни слова, зато много говорилось о поимке криминального авторитета, в компании которого веселилась бедная девушка, и из номера которого то ли сама выпала, то ли ей помогли. Какой еще авторитет? Тот, с которым она познакомилась в поезде? Крутой, респектабельный бизнесмен, "набитый бабками"? Похоже... Но тогда Борис... Да черт с ним, в самом деле, с Бобом, если виноват — пусть сам выкручивается, а если нет... это тем более не ее дело. Надоели, наконец, его проколы и неприятности с женщинами, которые в последние три дня просто не прекращаются. На-до-е-ли!

Может быть, ей действительно следует принять предложение Михаила, тем более, что ничего чрезвычайного при этом не произойдет, ей даже не нужно будет менять место работы. Олег Иванович без звука назначит ее собственным корреспондентом журнала в Санкт-Петербурге, а уж известие о том, что она собирается разводиться, вообще будет для него подарком. Впрочем, о разводе она еще подумает, возможно...

И в этот момент она увидела своего все еще законного мужа в зрительном зале. Рядом с ним сидела роскошная, дорого одетая блондинка, и было совершенно понятно, что это — не случайная соседка по креслу, а его дама, причем дама, за которой ухаживают по всем правилам, а не какая-то случайно подобранная девица. Валерия прикрыла глаза, пытаясь сдержать внезапно нахлынувшие гнев и обиду, сделала несколько глубоких вдохов-выдохов и, прихватив стакан, вышла в крохотную комнатку перед ложей, где стояло кресло и пепельница на маленьком столике. Там она вынула из сумки сигареты, закурила, глубоко затагнулась и постаралась успокоиться окончательно. Теперь уже ничего не "может быть", теперь уже все стало предельно ясным.

Конечно, придется вернуться в Москву на какое-то время, чтобы забрать свои личные вещи и перегнать машину в Питер. А остальным пусть занимаются юристы, Олег Иванович и... Михаил. Да-да, если он хочет, чтобы она была рядом с ним, придется для этого кое-что сделать. Не обязательно самому, конечно, можно поручить профессионалам, но у нее должна быть собственная крыша над головой и как можно скорее. В идеале — студия на какой-нибудь набережной, подойдет и побережье Финского залива.

На сцене тем временем Михаил старался произвести впечатление не столько на публику — она и так "завелась" при первых же аккордах его гитары, — сколько на эту красивую зеленоглазую женщину, которую он три дня тому назад даже не знал, и без которой теперь не мыслил себе дальнейшей жизни. Для него состояние, мягко говоря, нехарактерное: красивые женщины нравились ему не меньше, чем всем остальным, кроме того, очень нравились женщины умные. Один-единственный раз много лет назад судьба послала ему такое сочетание — и он тут же повел его обладательницу в загс. И ни разу впоследствии об этом не пожалел. Светскую жизнь его жена откровенно не любила, всевозможных "тусовок" избегала с необыкновенной изобретательностью, а фотографировать себя запретила раз и навсегда. Самыми любимыми часами для нее были те, когда она могла остаться одна и читать любимые книги, слушать музыку или смотреть видеофильмы из тщательно подобранной коллекции.

Безусловно, она знала о том, что муж не хранит ей стопроцентную верность, но придавала физическому факту измены минимальное значение. Ее это просто не интересовало. Вполне достаточно того, что муж дома — нормальный человек, а не "звезда", вполне способен большинство неполадок в быту устранить собственноручно, неподдельно интересуется ее делами и делами детей: сына и дочери. А она всю жизнь была редактором в издательстве, которое занималось выпуском классики, а когда необходимость в ее зарплате отпала, с наслаждением обосновалась дома и время от времени брала работу "для души", то есть доводила рукописи рекомендованных ей писателей "до ума".

Теперь дети выросли, дочь вышла замуж за француза и переехала в Марсель, где у мужа была крупная и процветающая фирма, сын закончил медицинский институт и теперь стажировался в Англии в уважаемой хирургической клинике. Об этом знали только родные и близкие, в прессу это практически не попадало. Супруги столько лет дружно держали "круговую оборону", что от них, похоже, отстали, сочтя совершенно неинтересной парой. Никаких скандалов, никаких фокусов избалованных детишек, никаких "порочащих связей". Тоска зеленая!

А теперь вот — Валерия. На четверть века моложе его, на двадцать — его жены. И все равно, то же самое чувство, только сильнее и пронзительнее. Та-

кую женщину просто невозможно не любить. Конечно, она замужем, но сама сказала, что развод — дело ближайшего будущего. Он не удержался, спросил: почему? Она с милой, но отстраняющей улыбкой ответила: "Не сошлись взглядами... на семейную жизнь". И все. Никаких жалоб, никаких исповедей, никаких задушевных рассказов "об этом негодяе". Редкая женщина способна так оберегать свою личную жизнь. В этом она, безусловно, достойная пара для него.

Концерт подходил к концу. Михаил привычно раскланивался, привычно исполнил одну из своих старых коронных песен "на бис", привычно принимал букеты и складывал их возле микрофона. Все было, как всегда, кроме одного: в гримерке его будет ждать та женщина, изящную фигуру которой он сейчас видит в маленькой ложе на авансцене. Если бы он мог срести все эти букеты в охапку и свалить их к ее ногам прямо у всех на виду! Красиво и в духе нынешних нравов, но... не для него. И не для Валерии, если уж на то пошло.

Второй раз на "бис" он выступать не стал, раскланялся, с извиняющейся улыбкой показал на горло и быстро ушел со сцены. То, что сейчас произойдет за кулисами, было для него в сто раз важнее.

Валерия действительно уже была там: молчаливый и расторопный помощник Михаила пришел за ней в ложу за три минуты до того, как актер покинул сцену. Вся гримерка была завалена цветами, оставалось лишь небольшое пространство для двоих, только посидеть, посмотреть друг на друга. Но в этот момент дверь распахнулась, причем вместо стука был лишь намек на него.

— Михаил! — вскричал вошедший красавец-брюнет, ведя под руку обворожительную блондинку. — Прошу прощения за вторжение, но, во-первых, я хотел подписать контракт, бумаги у меня с собой, а во-вторых, Лизочка умирает от желания получить ваш автограф. А желание дамы для меня — закон.

— Это ваша супруга? — холодно осведомился Михаил, ставя свой росчерк на программке и совершенно не замечая восторженного взгляда Лизочки. — Очень приятно.

— А вот и контракт! — провозгласил Борис, доставая, словно фокусник, пластиковую папку с документами. — Сейчас подпишем, и я вас приглашаю отметить это в любом ресторане. По вашему выбору. — Тут он разглядел в неярком свете гримерки полускрытую букетами женскую фигуру и галантно добавил: — Вместе с вашей дамой, конечно...

— Я не буду подписывать контракт, — холодно ответил Михаил. — Во-первых, здесь не место, а во-вторых, у меня изменились обстоятельства. Я остаюсь в Питере.

— А я уезжаю из Москвы, — неожиданно сказала женщина и вышла на свет. — Все формальности уладишь с моим адвокатом, в том числе и финансово-жилищные. Если нам с тобой очень повезет, больше мы никогда не увидимся.

— Валерия?! — пролепетал Борис и замер с открытым ртом, так и не выпустив Лизочку из полуобъятий. — Почему ты здесь? Ты...

— Никогда не задавай вопросов, ответ на которые может быть тебе неприятен, — улыбнулась Валерия. — Мне кажется, теперь мы оба находимся на своем месте, а наше семейное шоу закончилось.

— Было приятно познакомиться, — с иронической улыбкой бросил Михаил, быстрее всех разобравшийся в ситуации. — Но, к сожалению, нам пора. Концерт окончен.

В зрительном зале действительно уже было пусто.

У заказчиков его смерти, конечно же, есть имена. Но даже если сыщики однажды назовут их, за спиной этих подонков будет маячить нечто большее — то, против чего боролся саратовский правозащитник.

СМЕРТЬ

за что убили майора

Я познакомился с ним в одну из своих командировок. Писал о нем. Приезжая в Москву, он непременно звонил мне. Мы встречались. Он рассказывал о делах, о своих детях, о криминальной ситуации в Саратове. В этот, последний его приезд он рассказал о своей адвокатской практике — о том, как он, майор милиции, ведет по доверенности защиту в судебных процессах. Потом уехал. А еще через несколько дней я узнал: Игоря Лыкова застрелили.

Поздний визит

Ему позвонили в дверь поздним вечером, и он распахнул ее. И — наткнулся на выстрелы. Успел крикнуть дочери: "Лида!.."

Она выбежала в коридор, когда отец, зажимая рукой рану, двигался вдоль стены на кухню, где на столе были разложены его бумаги. Кровь сочилась сквозь пальцы, пятнала пол. Жизнь ушла из него через минуту.

Кому он открыл дверь? Тому, кого знал? Я спрашиваю об этом по телефону его пятнадцатилетнюю дочь, и Лида объясняет:

"Он всегда открывал всем. Он никого не боялся".

Он в самом деле никого не боялся.

Я убедился в этом несколько лет назад, когда, побывав в Саратове, написал о нем очерк. И теперь понимаю, что больше всего раздражало в нем тех чиновников, с которыми он схватывался: ощущение внутренней свободы, излучаемое им.

Он никого не боялся, потому что был уверен в своей правоте. И что самое фантастическое в нынешней ситуации — всегда (всегда — без исключения!) утверждал свою правоту. У него было 17 взысканий. Добился отмены. Его дважды увольняли. Восстановился. Против него возбуждали уголовные дела. Они заканчивались ничем.

Лыков был очень неудобным для начальства человеком, потому что несмотря на субординацию говорил своему руководству неприятную правду. Вот одна из таких правд: причина нераскрываемости тяжелых преступлений (особенно — заказных убийств) состоит еще и в том, что профессионально слабые оперативники пользуются помощью непрофессиональных агентолюбителей, к тому же завербованных чаще всего из полууголовной среды.

на пороге

милиции Игоря Лыкова?

Он, профессиональный сыщик, на счету которого почти тысяча пойманных преступников, был первым в России, кто возмутился тем, что наша милиция формирует агентурную сеть из попавшихся карманников и неверных жен, шантажируя их компроматом. Эта система развращает людей, утверждал он. Нужны профессиональные агенты для эффективной борьбы с уголовщиной. И люди, добровольно решившие помочь милиции.

Что последовало за обнародованием этой правды?

Приказ N 0015

Началось с публикации. В газете "Саратов" появились статьи, в которых саратовский журналист Сергей Михайлов рассказал о некоторых особенностях оперативно-агентурной работы. Опираясь на беседы с капитаном милиции Лыковым. Статьи прочитали не только на Волжских берегах. В редакции газеты "Саратов" появились двое в штатском. Оказалось — из самого аппарата МВД.

Но доблестные аппаратчики, как и в прежние времена, приехали защитить эфемерную честь ведомственного мундира — интересовались источником информации. После их отъезда началось: вызовы на допросы Михайлова, затем Лыкова.

Ситуация не просто нелепая — фарсовая! Только в горячечном бреду такое может привидеться: пресса, центральная и региональная, не раз уже пропахала тему агентов-осведомителей. Теперь даже школьникам известно, что агенты, в просторечии — стукачи, получают за свои услуги деньги. Что встречаются с оперработниками на конспиративных квартирах. Что вербуют осведомителей чаще всего посредством шантажа, подлавливая на мелком жульничестве, потому-то они и двурушничают, "работают" одновременно на милицию и на уголовный мир. Да что пресса, в любом детективе и кинобоевике — о том же, да еще с подробностями. Так могут ли быть все эти "данные", прокомментируемые в газетных статьях оперативником милиции Лыковым, государственной тайной?

Но, возможно, гостайной оказались совершаемые агентами преступления?.. Да, Лыков рассказал, как в поезде с чужим че-

Игорь ГАМАЮНОВ

моданом был пойман агент, за которого потом хлопотал его негласный начальник — передовой опер, отличившийся тем, что на вербовал в осведомители аж 33 человека вместо положенных 10-ти. И не только об этом. О том, как подобные агенты, пользуясь покровительством милиции, налаживают каналы сбыта наркотиков, как по мере надобности подбрасывают анашу тем, кого им нужно "заложить". О матери, тайно работавшей на милицию и доносившей на своего сына и его друзей. Об отце-осведомителе, регулярно стучавшем на своих взростлых детей. Словом, о том, как завербованные шантажом люди, теряют остатки нравственности и становятся криминогенно опасными. Не говоря уж об отсутствии какой бы то ни было реальной (а не отчетно-липовой) пользе для оперработы. Да неужели в разряд государственной тайны можно занести эту, острейшую сейчас, проблему — с какими именно "помощниками" рука об руку правоохранительные органы пытаются бороться с преступностью?

Нет, Лыков не назвал ни одного подлинного имени, и все-таки ему нашли, что предьявить: вы разгласили номер приказа бывшего министра внутренних дел СССР В.Бакатина о работе с агентами, на котором стоял гриф "совершенно секретно". Оказывается, читатель ни в коем случае не должен знать, что давно всем известные приемы работы с агентами сосредоточены в приказе под номером 0015, подписанном В.Бакатиным 17 июля 1989 года, и что его текст почти дословно дублирует такой же приказ под другим номером от 1 августа 1974 года, подписанный другим бывшим министром внутренних дел СССР товарищем Щелочковым. То есть "совершенно секретным" оказался сам номер приказа!.. Бред? Но раз не бред, то почему бы не привлечь к уголовной ответственности историков и беллетристов, разгласивших аналогичные приказы шефа жандармов Пушкинских времен, графа Бенкендорфа?

Задержание

Если бы и дальше эта история развивалась в жанре фарса! Нет же. За журналиста и капитана милиции взялись всерьез. Будто они были отъявленными мафиози.

За Михайловым, как он тут же заметил, была установлена слежка: "хвост" тянулся за ним даже по выходным, когда он с женой прогуливался по парку. В его доме и в редакционном кабинете произвели обыск, так и не найдя ни копии "совершенно секретного" приказа, ни листовок, призывающих к свержению очередных министров внутренних дел и государственной безопасности. С Лыковым же обошлись покруче.

Лыков (хронический гипертоник) был на больничном, когда, подкараулив на крыльце поликлиники, ему заломили руки, поволокли к серой "Волге", чтобы отвезти к массивному зданию саратовской госбезопасности. На крыльце осталась дочь, которой он успел крикнуть: "Лида, не бойся! Позвони дедушке, скажи, меня взяли в кагэбэ." Его допрашивали несколько часов без перерыва, и все эти часы он твердил: я резидент трех разведок, у меня валютный счет в швейцарском банке, я насильник, рэкетир, грабитель, спекулянт автомобилями... И следователь исправно записывал (а куда денешься — служба!), хотя понимал: чушь. Конечно же, Лыков не подписал ни одного протокола допроса, ибо обладал здравым смыслом.

Тогда с ним поступили иначе: группа захвата подстерегла Лыкова во дворе его дома, у своего автомобиля, заявив, что "Жигули" краденые. "Да это мои "Жигули", — сказал им Лыков, — я не заявлял о краже..." Но ему опять стали крутить руки. Сбежали соседи. Среди них — его сын, Илья, тренированный парень (двух своих детей Лыков растит один — жена у него умерла несколько лет назад). "Отойди, — крикнул сыну Лыков, боясь, что тот ввяжется. — Не смотри!" Его бы не увезли — кольцо соседей угрожающе сузилось, если бы командир группы захвата не предьявил ордер на арест. И люди расступились.

Лыков пробыл в тюремной камере несколько суток, объявив сухую голодовку. Его выпустили. Но дело не закрывали, хотя страна переживала трагические моменты своей истории — октябрь 93-го, кризис в экономике, разброд в политике. И в том числе — преобразование устрашающего КГБ в лишенное следственного аппарата ФСК. Единственное, что в истории Лыкова переменялось, — его дело перекочевало в прокуратуру. Оно уже было достаточно оснащено, чтобы двигаться дальше, в суд.

В деле присутствовал документ, в котором эксперты из МВД, радеющие за честь запятого мундира, дали категорическое заключение: гостайна разглашена. Осталось лишь допросить Лыкова уже не в качестве свидетеля, а как обвиняемого. Не получилось. И вот почему.

В принятой после событий октября 93-го новой Конституции между прочим сказано: "Законы подлежат официальному опубликованию, неопубликованные законы не применяются". И далее: "Любые нормативные правовые акты, затрагивающие свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения".

Те ведомственные акты, согласно которым пытались Лыкова привлечь к уголовной ответственности, в общедоступной печати отсутствовали. И Приволжскому транспортному прокурору ничего не оставалось, как признать: в действиях Лыкова и Михайлова отсутствует состав преступления. Затем, поразмыслив и решив не оставлять безнаказанной попытку Лыкова вынести на суд общественности проблему оперативной агентурной работы, прокурор добавил к своему постановлению еще две строчки: "Своими действиями Лыков совершил не уголовно наказуемое деяние, а служебный проступок".

И начальство, подуставшее от бесполого Лыкова, тут же резко понизило его, переведя на должность инспектора по делам несовершеннолетних, сообщив об этом "всему личному составу". Чтoб и другим не повадно было критиковать родную милицию.

Правда, это решение совершенно не согласовывалось с последними характеристиками, которые давались оперативному работнику И. Лыкову на аттестациях: "...Быстро ориентируется в обстановке. Обладает профессиональной интуицией. Принципиален. Честен. Пользуется авторитетом." Но начальство транспортной милиции Саратова, как и аппаратчиков из МВД, видимо, больше заботило, хорошо ли они выглядят со стороны, а не само дело охраны общественного порядка. Иначе, при острейшем дефиците опытных профессионалов в милиции (они, как известно, уходят в охранные службы коммерческих структур) не отлучали бы Лыкова от оперативной работы.

Впрочем, были в последних характеристиках и критические нотки: "...В конфликтных ситуациях с руководством проявляет элементы несдержанности". Попробуй сдержись с таким руководством, если ты на самом деле принципиален и честен! А в самых последних уже было с печалью добавлено: "...Критически относится к агентурной работе".

Следя за развитием этой истории, я в конце концов засомневался (и читатель, надеюсь, меня поймет): да меняется ли что-либо в нашей милиции? Внешне, правда, перемен немало — БХСС переименован в ОБЭП, на совещаниях только и разговоров о внутренней перегруппировке сил и о повышении профессионализма, проводятся регулярные встречи с журналистами, именуемые для красоты заграничным словечком "брифинг". А по сути — та же нетерпимость ко всему новому. И то же оголтело-традиционное преследование за критику.

Результат? Полная неспособность защитить народ от разгула преступности. На фоне лицемерных заявлений о том, что, якобы, заказные убийства совершаются профессионалами, а потому не поддаются раскрытию. Из чего логически следует: в милиции, значит, работают в основном непрофессионалы? То есть охрану собственной жизни мы доверили неумехам-любителям?

Дырявая сеть

Я тогда спрашивал Лыкова, что он предлагает. Избавиться от липовой, криминогенной агентуры? А взамен? Ведь ни одно очевидное преступление ни в одной цивилизованной стране без помощи агентурной сети не раскрывается.

Да, это так, соглашался Лыков. Но, в первых, можно работать с людьми, дающими необходимую информацию, на доверительных началах. Не шантажируя их. И не покупая. Потому что совсем немало людей, которые сами хотели бы помочь милиции бороться с преступной нечистью из убеждения: "Если я видел, знаю и не скажу, то безнаказанное преступление, повторившись, однажды отразится на моей жизни. И на жизни моих детей". Во-вторых, для выявления бандитских структур нужны не только добровольные помощники, нужны агенты-

профессионалы! Специально подготовленные. Засылаемые в эти структуры, как засылают разведчиков во вражеский стан.

Наверное, в этом Лыков прав. Но не преувеличивает ли он беспомощность и криминальность завербованной агентуры? Я говорил об этом со многими. И — почти на всех иерархических ступенях милицеской пирамиды. Закономерность: чем ближе к управленческой верхушке, тем расплывчатее ответы. И еще: каждый — без исключения! — настаивал: цитируя, не называть его имени. Боятся. Кого? Министра? Почему? Только потому, что говорят правду?

А правда такова. Да, появилось новшество в работе с агентами — с ними теперь заключаются контракты. Совсем как в европейских странах. Но основная их масса — это старый контингент, завербованный "по компромату". Пойман на мелком воровстве — дело прикрыли с условием: "Отработай". Среди них всякие: продавцы, не раз попадавшиеся на обвесах, жены, изменившие ревнивым мужьям, бывшие зэки, маявшиеся без прописки и работы, получившие то и другое с помощью милиции за обещание сотрудничать. Тюремная, точнее, внутрикамерная, агентура — это чаще всего те же уголовники, "работающие на администрацию" и поощряемые улучшенным питанием, выпивкой и свиданием с женщиной. Это они, внутрикамерные, чтобы угодить оперработникам и следователям, кто битьем, кто психологическим давлением ломают подследственных, заставляя брать на себя чужую вину. Сколько из-за их стараний неправосудных приговоров!

Кроме двурушничества и собственной склонности к преступлениям этому контингенту свойственна еще одна жутковатая особенность: осознание своей тайной власти над судьбой и даже над самой жизнью почти любого человека. Такой агент может не только оговорить того, кто ему почему-либо не нравится. Подбросить наркотик или оружие. Спровоцировать на преступный шаг. Возможностей — бездна. Главное же — провокатор остается безнаказанным, а это вдохновляет.

Допустим, в конце концов милиция освободится от этого контингента, будет основывать агентурную работу только на "контрактниках". Кто даст гарантию, что и

они в силу пограничной специфики своего положения, постоянно соприкасаясь с уголовным миром и ощущая полную свободу действий, не начнут так же злоупотреблять тайной своей властью? На этот вопрос специалисты из МВД, не пожелавшие быть названными, отвечали так: да, тут нужен контроль, но не примитивный, как это происходит сейчас — оперативник опрашивает самих агентов (а их у него, как правило, больше десятка!) о характере их действий и с их же слов (то есть вслепую) составляет представление о работе каждого, давая им корректирующие советы. Нужна специальная контрольная служба с соответствующей техникой прослушивания и видеозаписи, чтобы вовремя заметить и пресечь злоупотребления. Такая техника есть, но ее пока крайне мало. Во всяком случае — в милиции.

И еще одно мнение. Это агент-профессионал или, как сам себя называет, разведчик. Артистичен. Владеет уголовным сленгом. Образование — высшее. Звание — офицерское. Свои "погружения" в уголовный мир считает "командировками", хотя они длятся от 2-3 месяцев до 1 года. "Нас, профессионалов, можно по пальцам перечесть, — сказал он. — А ведь только с нашей помощью можно внедриться в преступную структуру и ликвидировать ее от верхушки до корня". "Но почему вас так мало?" "Вопрос не ко мне". "А к кому?" "К министру". "Он наверняка скажет, что на подготовку таких кадров министерству не хватает денег... Но, может быть, можно обойтись и завербованными агентами, улучшив работу с ними? Ведь их, хоть они и не так профессиональны, как вы, много..." "Это масса, — ответил мне мой собеседник, — совершенно беспомощных людей. Это все равно, что попытаться сформировать регулярную армию из бомжей". "Неужели так безнадежно?" "Не просто безнадежно. Опасно!.." "Чем именно?" "Да хотя бы тем, что в это время уголовный мир вербует своих агентов — в милиции, в прокуратуре, в правительстве и даже среди депутатов.

И платит им отнюдь не так, как платят нам, профессиональным разведчикам, в сотни раз больше. Против такой уголовной агентуры выставлять нашу армию мелких карманников и трусливых шлюшек — да это же смешно!.."

Мы все на прицеле

А теперь вернемся к судьбе Лыкова. Ее определял Саратовский областной суд. Он рассматривал два иска Лыкова — о восстановлении в прежней должности, во-первых. А во-вторых, — о снятии грифа "секретно" с его несостоявшегося уголовного дела, с которым ему, Лыкову, потенциально подсудимому, даже не дали ознакомиться. В силу его секретности.

В конце концов он выиграл оба дела. Для чего ездил в Москву, ходил по инстанциям.

Он был неукротим в своей страсти убеждать. И — побеждать. Конечно, его многочисленные жалобы, напоминавшие рефераты по правоведению, чаще всего возвращались в Саратов, но Лыков, возвращаясь вместе с ними, продолжал борьбу.

Лыков мог, как это бывает, превратиться в борца за собственное реноме. Мог успокоиться, не только восстановившись в должности, но и получив новое воинское звание — майора. Этого не случилось: он во всех своих интервью, еще до того, как был принят закон об агентурной деятельности, говорил о том, что легло потом в его основу. Он теперь ездил в Москву не только по своим судебным делам — на международные конференции "КГБ — вчера, сегодня, завтра". И наконец, он стал помогать тем, кто не мог защитить себя сам — выступал в судах как профессиональный защитник, по доверенности пострадавших. Когда мы с ним последний раз говорили, он рассказал, как выиграл два судебных процесса: один — о незаконном увольнении, второй — о вымогательстве двух бывших работников милиции, отнявших у человека автомобиль.

Кому именно помешал Лыков?.. Его сын Илья, студент саратовского медуниверситета, рассказывает: "Приехала к нам в дом следственная группа, изымают отцовские бумаги. А среди них не только переписка — агентурные донесения. Прошу сделать опись — отказываются... Я им: с такими, как вы, отец боролся. Они мне: вот и напоролся..."

Незادолго до этих выстрелов, вспоминает Илья, отца вечером, на улице, задержала милиция — Игорь Владимирович был в штатском. Его отвезли в отделение и, про-

верив документы, надели наручники со словами: "А, это тот, который наших сажает!.." Его освободили только, когда за ним приехали из милиции Саратовского речного порта его сослуживцы — так ему аукнулось дело о вымогательстве.

Но, думаю, помешал он не только недавно снявшим милицейский мундир рэкетиром. К нему в руки попала папка, похищенная из Саратовского ФСБ двумя сотрудниками, перешедшими оттуда в коммерческие структуры. В ней оказались агентурные сведения, которыми легко было шантажировать известных людей. И снова Лыков заговорил о состоянии агентурной работы — теперь уже в ФСБ... Мешал он и крупному милицейскому начальнику, которого обвинил в коррупции, и — двум прокурорам, уличенным им в создании коммерческой фирмы.

Их немало — тех, кому Лыков очень мешал... Кто именно из них, поняв, что Лыкова невозможно победить, а можно лишь убить, нанял киллера?..

Посмотрим, что выяснит на этот счет оперативно-следственная бригада. Но что ясно сейчас — Лыков, нет, не конфликтовал, как о нем говорили, он боролся. И не только с конкретными носителями зла. Он боролся с чиновничьим и бандитским произволом, без конца повторяя всем, с кем общался, напористой скороговоркой: "Люди должны знать свои права, только тогда они перестанут бояться и начнут правильно действовать".

...Научимся ли мы в конце концов "правильно действовать"? Остановим ли тех, кто держит нас на прицеле?

Саратов — Москва

Постскриптум: Дело по факту убийства Игоря Лыкова расследовала Саратовская областная прокуратура. Расследовала долго и, как там мне сказали, упорно. Результат нулевой. Во всяком случае — пока. Его "не закрыли", а просто "приостановили следственные действия". Знакомая формулировка, не правда ли? Дела такого рода на милицейско-следственном жаргоне именуются висьяками. Сколько их уже накопилось за последние годы по всей России? ■

Дорогие читатели!

Мы подвели итоги конкурса «Вместе весело... читать», посвященного 80-летию журнала «Смена». Рады сообщить вам, что победителями стали пятьдесят читателей, которые получат памятный подарок и денежную премию в размере 50 процентов каталожной стоимости полугодовой подписки.

Искренне благодарим вас за участие в юбилейном конкурсе, за вашу многолетнюю верность нашему изданию, за ваши поздравления и пожелания.

победители конкурса:

БАЙКОВ К.О., Иркутск, **ТУМАКОВА А.Г.**, Красноярск, **МАЛЫШЕВ А.О.**, Новочеркасск, **БЛОХИН И.Б.**, Екатеринбург, **ПРОНИН Е.Е.**, Тамбов, **ГЛУШКО О.В.**, Новогорск, **РЯБИКОВ И.Л.**, Щелоково, **ЗИНОВЬЕВ Н.С.**, Краснодар, **ПОРЯДКОВ А.В.**, Жуковский, **ГЛАДКИХ А.Т.**, Курск, **БОКУРСКАЯ Л.И.**, Якутск, **НЕМЧЕНКО Г.Д.**, Юрьев, **ГУСЬКОВ Г.И.**, Чита, **ДЕМИН А.Д.**, Волоколамск, **КОВТУН Ю.С.**, Тернополь, **ЧЕМЕЗОВА Л.И.**, Томск, **РУБАН Л.В.**, Барнаул, **ШЕЛЕПКО А.В.**, Балашиха, **АННИНА П.Л.**, Ростов, **ЕЛИЗАРОВ Б.А.**, Тверь, **БРАГИН П.Н.**, Углич, **СТЕПАНОВ И.П.**, Смоленск, **ПИЛЮГИНА В.А.**, Иркутск, **ДОБРОХОТОВ В.Ю.**, Махачкала, **КАРПЕНКО Н.Н.**, Одинцово, **БУДЕНКО Ю.Е.**, Пушкино, **ЛЯПИН А.Д.**, Оренбург, **МИРЗОЕВ Д.Р.**, Нальчик, **КАРЕТНИКОВА Н.Е.**, Тверская обл., **ОТРАДНЫЙ Д.Д.**, Таганрог, **МЕСЯЦЕВ Н.Е.**, Владивосток, **КОЛЕСНИК В.А.**, Осташков, **ГРЫМОВ Ю.С.**, Ярославская обл., **ХОМЯКОВА В.А.**, Мытищи, **ПРЫГУНОВ О.К.**, Кемерово, **СУЧКОВА З.Я.**, Владикавказ, **ЗУЕВА И.П.**, Волгодонск, **КРИКУНОВ П.В.**, Кронштадт, **ДЯГИЛЕВ С.П.**, Эссенуки, **МЯГКОВА П.А.**, Кузнецк, **МЕЖЕВОВА Ю.И.**, Караганда, **МЕЖУЕВА И.М.**, Пермь, **КУЧЕРЕНКО А.Ю.**, Минеральные воды, **БЕРЕЗОВА Г.Б.**, Орджоникидзе, **АЛЕШИНА О.А.**, Долгопрудный, **НЕСТЕРОВ М.М.**, Пушкин, **БАРАНОВ А.Ю.**, Нижний Волочек, **ЧЕРНОВ К.Н.**, Надым, **ЛАЗУТКИН А.Д.**, Ярославль, **КУЗЬМИН Ю.П.**, Гагарин.

* * *
 Догорает костер на снегу,
 Так, ей-Богу, я жить не могу.
 Мука жизни... Вот угли б раздуть
 И, как в детстве, бездумно уснуть...
 Чтобы snились моря и леса,
 И несбыточные чудеса...
 Только, знать, до чудес не дожить —
 Жизни строго отмерена нить.

* * *
 Я знаю: было все в последний раз.
 Я знаю: не увижу больше Вас.
 Я знаю, что былого не вернешь,
 И что слова иные — это ложь.
 Как жаль, что так судьбою суждено.
 Но спорить с ней — с судьбою — не дано.
 Поэтому грусти ли, не грусти —
 Лишь у судьбы из грусти есть пути.

* * *
 Расставанья счастьем не нужны.
 Но, увы, без них никак нельзя.
 Только через них, что так грустны,
 Может к встречам привести стезя.

* * *
 Ты, камин, трещи, трещи,
 Пожирай дрова сухие,
 Тихо на сердце шепчи
 Мне про громкие стихи.

* * *
 Скользят года. Сквозят, свистят столетья,
 Нас, предков и потомков, стороной
 Как будто обходя... И Вам бессмертья
 Не обещаю — смертный и — живой.
 Теперь я понимаю, сколь не прав
 Был я, на Вас сердясь ну как мальчишка...
 У нас теперь с лихвой гражданских прав,
 Но приговор в конце один лишь — вышка...
 Уходите. Смеркается свеча...
 Ушли походкой Вы неторопливой...
 И я, перед иконами шепча,
 Лишь об одном прошу их: "Будь счастливой!"

* * *
 Окно разбито. Нараспашку — дверь.
 Душа — как раненный охотниками зверь.
 Дырявый зонт спасет ли от дождя?
 Рассохлась и течет моя ладя.

И все трещит вокруг. Идет обвал...
Сколько много я в сей жизни потерял...
А ведь не ждал и не искал похвал,
Но знал: преодолим девятый вал.
Свою судьбу я сам себе ваял.
Так сколько еще буду на земле?
Сколько долго продержусь еще в седле?
Не верю я предательской молве,
Что солнцу не взойти, коль ты — во мгле.
Да, каждый путь имеет свой конец.
У нас в груди смолкает стук сердец,
И ангелу, что молвит: "Не жилец!"
Едино, кто ты — старец ли? Юнец?

* * *

Из крана капает вода.
Глаза слезятся, как слюда.
Так сохнет, не родясь, слеза.
Так чахнет в засуху лоза.
Ложится на луга туман.
Дочитан про любовь роман.
И опустел бокал вина...
Допита ли, ты, жизнь, до дна?

* * *

Был ли счастлив я в любви,
В самой детской, самой ранней,
Когда в мир меня вели
Птицы первых упований?
Ах, в каком волшебном трансе
Нас баюкал кинозал,
И я на киносеансе
Локоть к локтю прижимал.
Но потом вдруг в этом зале
Вспыхивал ненужный свет,
И друг друга провожали
Мы с тобою в грусть и в снег...

* * *

Я живу себе в лесной избушке.
Колея же заросла травой
В тихой заводи моей опушки,
Но, однако, помнит путь домой.
Сквозь мое окошко в паутине
Слышно мне, как шепчется листва...
Были бы грибы с утра в корзине —
Что тогда людская мне молва?
Где ж друзья? Не слышно и не видно.
Лес лишь и душа его — вокруг.
Может, лес, как это ни обидно,
Ты и есть единственный мой друг?

МОТОДОН бульвар

↑ 129-179 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

с сигаретой в зубах. Как тут говорить о культуре общения с лошастью?

Одна за другой стали появляться частные конюшни, где за определенную плату любой желающий получает лошадь в свое полное распоряжение. Услуги тренера нужно оплачивать отдельно, так что многие обучаются самостоятельно в меру своих способностей. Так появился целый ряд плохо подготовленных спортсменов, полупрофессионалов. Многие из них стали тренерами... Понятно, чему они научат. Остается надеяться лишь на сознательность тех, кто приходит учиться верховой езде. Именно к ним обращена эта статья.

■ Земля убегает из-под ног... Ветер обжигает лицо... Сердце замирает от скорости... Впереди только бесконечная гладь поля, над головой — бескрайнее ясное небо... Земное притяжение исчезает — ты летишь...

Говорят, только скачка на коне позволяет не отрываясь от земли, испытать счастье полета.

Тем, кто никогда не сидел на лошади, не понять этого чувства. Тот, кто хоть однажды его испытал, никогда не забудет.

Общение человека с лошастью насчитывает более 5 тысяч лет. Два существа были необходимы друг другу, выручали друг друга в беде, вместе совершали подвиги. Верховая езда всегда считалась искусством, доступным лишь избранным. За тысячи лет мир множество раз переворачивался с ног на голову. Появились новые религии, менялись политические режимы, правители, но партнерство лошади и человека продолжало жить и становилось все совершеннее. Даже бурное развитие техники в последний век второго тысячелетия, когда лошадь как рабочая сила потеряла актуальность, не уничтожило искусства верховой езды. И только в последние несколько десятков лет у него, особенно в России, появился страшный враг — бизнес.

В мгновение люди поняли, что на прокате лошадей можно зарабатывать неплохие деньги. Вы, наверное, не раз видели, как катают детей на улице. Стоит несчастная заморенная лошадка с куцым бантиком на челке. Рядом с ней не самого опрятного вида девушка

Русская школа верховой езды

Наверное, всем известно, что в XIX веке в России верховая езда была неотъемлемой частью обучения молодого человека. Учились долго, но и результаты оказывались высокими. Обучение велось по сложившимся в результате многовековой работы с лошадьми канонам русской школы верховой езды.

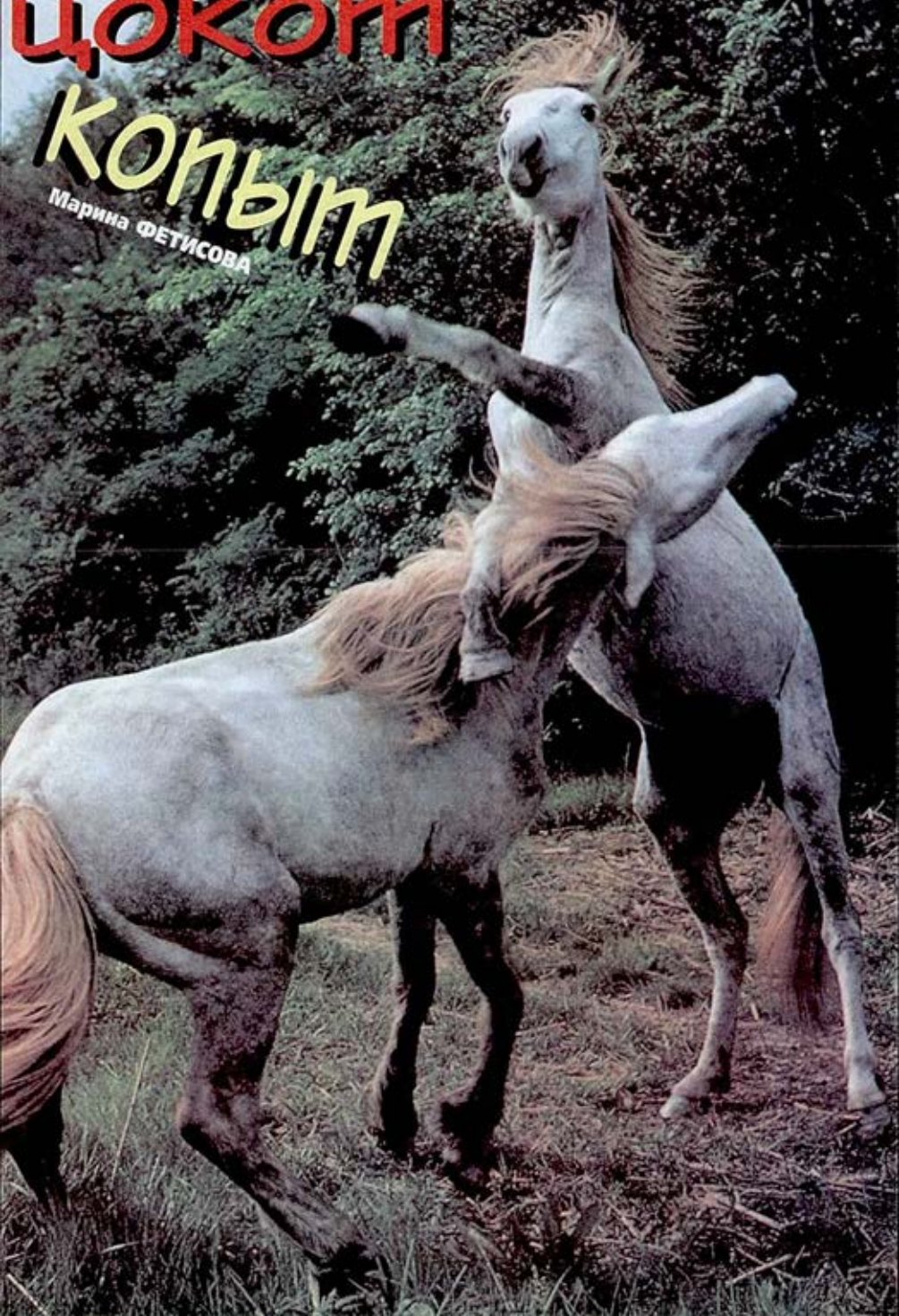
В России целью подготовки строевой лошади всегда было воспитание боевого друга для воина. Причем именно воспитание, а не дрессировка, как в немецкой и австрийской школах, воспитание долгое, трудное, мягкое. Конь безгранично доверял всаднику, и нередко выручал его в бою. Всадник тоже берег своего боевого товарища и, как правило, гибель одного вела за собой гибель другого.

Ни революция, ни многочисленные войны почти не повлияли на систему обучения верховой езде, и российские спортсмены успешно представляли нашу страну на международных соревнованиях (когда этому не мешали политические разногласия). Переломным же моментом в истории конного спорта стали XV Олимпийские игры 1952 года. На этих играх в Финляндии конная команда Германии одержала победу в большинстве видов, что в одностороннем порядке Германия законодательницей мод в конном спорте. Но если другие страны-участники Олимпиады: Англия, Испания, Франция, Италия и США сохранили

ЦОКОТ

КОПЫТ

Марина ФЕТИСОВА

свои национальные школы верховой езды, прибавив к своим методикам лучшие немецкие приемы, то Россия, как всегда, отличилась. В 1955 году в СССР распустили все кавалерийские училища, а преподаватели, опытные офицеры-конники, в приказном порядке отправились на пенсию. Учить стало некому, традиция умерла. И почему-то никто не вспомнил, что прямо перед Олимпиадой резко изменили состав команды, и она просто не была готова к соревнованиям.

Началось слепое, безграмотное и поверхностное подражание немецкой, "передовой" системе, получившее в среде конников название "месть олимпийцам". Это оказалась жестокая месть. Австрийская и немецкая школы езды изначально были грубыми и жесткими в обращении с лошадью и всадником, "тяжелыми" по стилю. Зарождение немецкой школы относится к эпохе средневековья, поэтому в основе немецкой методики лежит не тонкая выездка, а дрессура лошади утяжеленного типа под седло рыцаря. Позднее в кавалерии старались лошадь подчинить человеку, сломить ее волю за минимальный срок. Лошадь была не боевым товарищем, как в России, а лишь орудием достижения военной цели.

Обидно, что мы, имея лучшую систему, утратили ее. Теперь русские спортсмены вынуждены ездить на стажировки в ту же Германию или в другие страны и там же покупать лошадей.

Сейчас в нашей огромной стране настоящих мастеров верховой езды единицы. Россия не принимает участия в большинстве международных командных соревнований, так как просто не имеет сильной команды. Конечно, далеко не последнюю роль играет финансирование конного спорта, вернее, отсутствие такового. Не можем покупать хороших лошадей, негде тренироваться... Но нельзя все валить на государство, давно пора россиянам перестать надеяться на правительство и научиться обходиться тем, что есть. Профессиональный конный спорт в России, как и многое другое, держится на энтузиазме настоящих ценителей верховой езды. Их мало, но они есть, и слава Богу. И традиция не умрет, пока будут работать эти старые мастера.

Общение человека с лошадью

К счастью, в конный спорт, как правило, приходят люди, которые любят лошадей. Интересы лошади всегда стоят для конника на первом месте. Ничего нет хуже, чем покататься на лошади, заплатив деньги и уйти, бросив уставшее, грязное и голодное животное дожидаться следующего мучителя. Во-первых, это просто некрасиво по отношению к животному существу. Во-вторых, вы лишите себя удовольствия общения с лошадью при уходе за ней, а именно в это время обычно рождается настоящая дружба лошади и человека.

У лошади очень нежная и чувствительная кожа, и от прикосновений к ней лошадь получает значительную часть всей информации об окружающем мире. Представьте теперь, какое мнение составит себе лошадь о человеке, если тот почистит ее, как стало модно в последнее время... пылесосом. Не хочешь пачкать руки — лучше не подходи к конюшне. Короче говоря, человеку брезгливому в конюшне делать нечего. Однако обычно любовь к лошадям побеждает брезгливость.

Лошадь — это большое и сильное животное, намного сильнее человека. В противостоянии одна лошадиная сила всегда побеждает одну человеческую. Так что лучше договориться полюбовно, в крайнем случае, перехитрить. Но осторожно! Известно, что лошади читают мысли. Лицемерия не прощают... Казалось бы, и говорит человек ласково, и гладит коня, а тот все равно ему не доверяет, боится. Значит, точно с недобрим чувством к нему подошли. Животные инстинктивно чувствуют настроение и намерения человека...

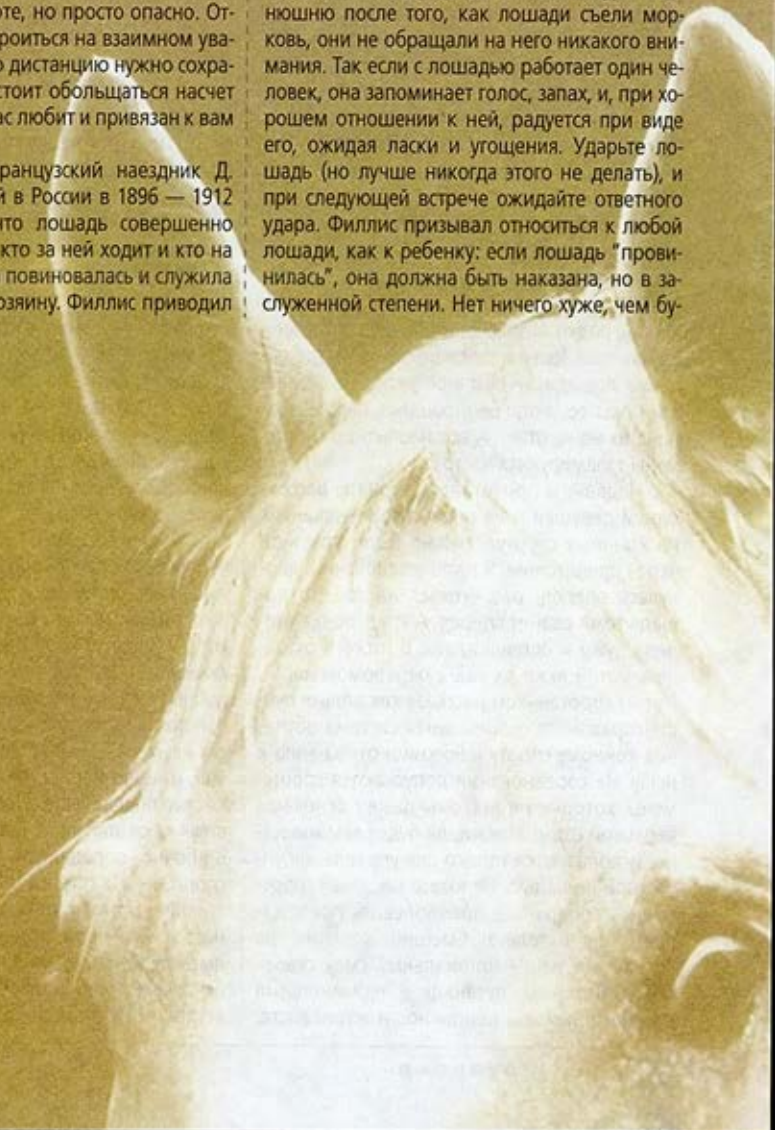
Как и везде, в отношениях с лошадью нельзя впадать в крайности. Жестокое или презрительное отношение к животному стало сегодня чуть ли не нормой. Как же! Так здорово показать свой "кураж", когда тебе не могут ответить! Ударить хлыстом, дернуть поводом и посмотреть на зрителей свысока — вот, мол, как я справляюсь с норовистым конем. Однако нужно помнить, что настоящим искусством всегда считалось незаметное управления лошадью: когда работает мастер, его приемы не видны зрителям. Так что бравада покажет

лишь неумелость ездока, а вовсе не его мастерство.

Но есть и другая крайность — полное очеловечивание лошади. Девушки, а чаще всего именно они страдают такой патологической привязанностью, готовы все простить своему любимцу и безмерно его балуют. Ни к чему хорошему это не приводит. Конь становится похож не избалованного ребенка в полтонны весом, который делает что хочет, и начинает считать себя главным в вашем союзе. Это не только мешает работе, но просто опасно. Отношения должны строиться на взаимном уважении и доверии, но дистанцию нужно сохранять. К тому же не стоит обольщаться насчет того, что ваш конь вас любит и привязан к вам так же, как и вы.

Выдающийся французский наездник Д. Филлис, работавший в России в 1896 — 1912 годах, утверждал, что лошадь совершенно равнодушна к тому, кто за ней ходит и кто на ней ездит. Иначе она повиновалась и служила бы только одному хозяину. Филлис приводил

такой пример: каждый день после утренней тренировки он сам раздавал всем своим лошадям порцию моркови. Лишь только лошади слышали его голос, они начинали ржать. "Как ваши лошади знают вас, как они вас любят" — часто говорили ему посторонние, которым приходилось входить с ним в это время в конюшню. Филлис отвечал, что если бы другой человек стал раздавать морковь, то на следующий день лошади бы ржали и при его появлении. Когда же сам Филлис входил в конюшню после того, как лошади съели морковь, они не обращали на него никакого внимания. Так если с лошадью работает один человек, она запоминает голос, запах, и, при хорошем отношении к ней, радуется при виде его, ожидая ласки и угощения. Ударьте лошадь (но лучше никогда этого не делать), и при следующей встрече ожидайте ответного удара. Филлис призывал относиться к любой лошади, как к ребенку: если лошадь "провинилась", она должна быть наказана, но в заслуженной степени. Нет ничего хуже, чем бу-

дучи в гневе, наказывать ребенка. Лошадь не поймет чувства, которое руководит ездоком. Вопреки расхожему мнению, умственные способности ее ограничены, зато память превосходная. А привычки приобретает очень легко, иногда, к сожалению, и плохие.

К вопросу о безопасности

Конный спорт считается опасным видом спорта. Действительно, ни один, даже самый опытный всадник, не застрахован от падения. Поэтому, если человек боится упасть, делать в конном спорте ему нечего. Конечно, когда первый раз садишься на лошадь, становится немного страшно — высоко все-таки. Но это естественный испуг новичка. Хуже, когда опытный всадник не может думать ни о чем, кроме возможного "улета": в таком случае он рано или поздно обязательно упадет, а главное, не сможет правильно работать с лошадью. У опытных всадников травмы случаются крайне редко. Исключение составляют жокеи стипль-чеза (скачки с препятствиями), где падение лошади — обычное дело. Но жокеи, как правило, люди бесстрашные, пара "царапин" их не испугает. А вот неопытные спортсмены травмируются часто...

Недавно я прочитала в журнале рассказ одной девушки о ее первых соревнованиях по конному спорту. "Нужно было прыгнуть через препятствие. Я натянула вожжи и дернулась вперед, рассчитывая на то, что лошадь тоже рванет вперед. А эта дурочка увидела лужу и остановилась. В итоге я оказалась в этой луже да еще с переломом ноги". В этом коротеньком рассказе как нельзя лучше отражается современная система обучения конному спорту в России и отношение к нему. На соревнования допускаются спортсмены, которые не знакомы даже с основами верховой езды! Вожжи, да будет вам известно, используются только для управления упряжной лошадью. Не иначе как юная спортсменка собиралась преодолевать препятствие, сидя в телеге! Смешно, конечно, да только это наш национальный смех сквозь слезы. Впрочем, путаницу в терминологии можно приписать неопытности журналиста,

но как быть с описанием действий при прыжке? Сначала наша спортсменка натянула повод (он выполняет ту же функцию, что и вожжи, при управлении верховой лошадью), что служит вкупе с соответствующим действием ноги и корпуса сигналом к остановке. Очень глупо рассчитывать, что лошадь "тоже рванет вперед", когда ей приказали остановиться. Дальше горе-спортсменка зачем-то "дернулась вперед". "Дергаться" вообще нельзя, это только сбивает лошадь; все движения всадника должны быть точными, но плавными. Так что "эта дурочка" (то есть лошадь, по мнению девушки) в точности выполнила команды наездницы, и, скорее всего, именно неподготовленность спортсменки, а не злополучная лужа, стала причиной падения и тяжелой травмы.

Большинство травм в конном спорте, как и в любой сфере человеческой деятельности, происходит от собственной глупости человека. Либо наездника, либо тренера, либо обоих. Нужно, чтобы задачи, которые ставит перед собой наездник, соответствовали уровню его мастерства и возможностям лошади. Это простое правило практически исключает возможность травмы. Но мы же всегда бежим впереди паровоза, вернее, в данном случае впереди лошади. Едва научившись управлять лошадью и не имея ни твердой посадки, ни необходимых навыков, мы хотим скорее прыгать. То есть все и сразу. Естественное желание человека. Конечно, когда слышишь прекрасную Аппassionату, хочется сесть за руль и сыграть самому. Только почему-то не получается. И с парашютом не пойдем прыгать, не узнав, как он открывается. А вот в конном спорте подобные вещи происходят постоянно. Галантная по природе лошадь обязательно пропустит неумелого ездока вперед через препятствие, изящно нагнув голову. Особенно смекалистые лошади еще подкидывают задом, действуя как катапульта. Кстати, они всегда безошибочно определяют уровень подготовки спортсмена, а главное, его эмоциональное состояние. Поэтому, почувствовав на себе опытного и уверенного всадника, обычно даже не пытаются избавиться от него. Так что одна из основных причин травм людей и лошадей, кстати, тоже — спешка в обучении, которая

ведет также к плохой технике езды, и исправить ее очень и очень трудно.

Важно запомнить, что почти всегда травма — результат неправильных действий человека, даже если формально виновата лошадь. По своей природе они не желают зла человеку (конечно, встречаются животные со скверным характером, но и тогда настоящей причиной и мягким обращением можно перевоспитать коня). В большинстве случаев лошадь сделает все возможное, чтобы не навредить человеку. Автору случалось видеть, как, стараясь не наступить на упавшего, лошадь отскакивала в последний момент и налетала на препятствие, причиняя боль себе, но не всаднику. Так что, даже если произошло падение, не нужно делать резких движений и мешать лошади обойти вас. Нужно доверять.

Оставшиеся проценты риска приходятся на соблюдение техники безопасности, в пренебрежении к которой наша страна, как говорится, впереди планеты всей. Ни в Англии, ни в Германии ученика никогда не подпускают к лошади без защитного шлема. Самому ученику в голову не придет подойти к лошади сзади. У нас все проще. Обойти лошадь сзади и при этом еще хлопнуть ее по крупу, прекрасно зная, что она может ударить задними ногами, — для нас в порядке вещей. Распространенная же позиция тренера такова: "Не хочешь одевать шлем — не надо, проломишь голову — твои проблемы". А как обычно рассуждает русский человек? Правильно. "Авось не упаду, авось не проломлю..." И если в крупных конноспортивных школах еще как-то следят за соблюдением техники безопасности, то в частных конюшнях безопасность наездника полностью зависит от его сознательности.

Физическая подготовка всадника

Не раз мне приходилось слышать заявления вроде: "Что же в верховой езде трудно, лошадь ведь работает, а не всадник". Могу поспорить, что говорящий это никогда не сидел верхом. Иначе бы знал, что даже катание на лошади, не говоря уже о спортивной работе, требует огромных усилий и хорошей физической подготовки всадника. Чем хуже подго-

товлен спортсмен, тем труднее лошади в работе с ним. Просто нечестно заставлять животное расплачиваться за лень человека. Скажут, как все это долго, трудно и скучно. Да. Никто и не говорил, что будет легко и быстро. Ездить верхом может научиться только тот, кто этого очень захочет.

Часто задают вопрос: каждый ли может заниматься конным спортом? В конном спорте нельзя избежать физических нагрузок, поэтому необходимо проконсультироваться с врачом и выбрать программу обучения в зависимости от своих возможностей. Нельзя пренебрегать медицинским осмотром, даже если для допуска к занятиям справки от врача не требуются. Зачем рисковать здоровьем?

Заниматься верховой ездой можно в любом возрасте, было бы желание. Конечно, чем моложе человек, тем легче ему даются навыки верховой езды. Но это актуально для тех, кто хочет заниматься профессиональным спортом. Лучше всего отдать ребенка в секцию в 10 — 12 лет. До этого возраста у ребенка еще недостаточно сил, чтобы справиться с лошадью, к тому же плохо развита координация движений, которая так важна при езде.

Многих пугает миф о том, что у тех, кто занимается конным спортом, обязательно кривые ноги. Он существует так давно и так настойчиво повторяется людьми, как правило, не имеющими отношения к конному спорту, что невольно начинаешь верить. В двенадцать лет я каждый день проверяла перед зеркалом, не стали ли мои ноги кривыми, как боялась мама. С полной ответственностью заявляю: нет, не стали, хотя я занимаюсь конным спортом уже 10 лет. Посмотрите внимательно на спортсменов-конников и тогда решайте, верить ли подобным слухам или нет.

Девушка на коне

Конный спорт всегда был достаточно демократичным в отношении различия полов. В настоящее время женщины участвуют в конных соревнованиях наравне с мужчинами и добиваются прекрасных результатов. В спортивных группах девочек даже больше, чем мальчиков. Однако в обществе существует некоторое пренебрежение к девушкам, прово-

Даша КОЛЕСОВА

все отрицать, на все плевать. Вначале эта музыка не воспринялась публикой адекватно и вскоре почти исчезла. Но спустя несколько лет панк-рок возродился, благодаря британской группе "Sex Pistols", ставшей кумиром молодежи. Ее лидер Джонни Роттен считался главой "потерянного поколения". В сумасшедшем темпе он орал в микрофон свою знаменитую песню "Anarchy in UK": "Я антихрист, я анархист, не знаю, но хочу, но знаю, как этого достичь, я хочу уничтожить прохожих, потому что желаю быть самой анархией!" А бас-гитариста группы Сида Вишеза провозгласили идеальным панком. Молодежь поняла, что никаким протестом грязный, несовершенный мир к лучшему не изменить, и решила соответствовать ему по всем параметрам. По чолорной Англии принялись разгуливать подростки в рваных джинсах, истертых кожаных куртках, проколотых булавками и гвоздями. Невообразимые прически, серьги в носу, огромные солдатские ботинки — трудно было придумать что-либо отвратительнее.

Но постепенно панк-рок, подрастеряв ярую агрессивность, стал общепризнанной и близкой многим музыкой. Знаменитые панк-группы уже почти ничем не отличались от

других известных коллективов, а их участники предпочли жить в роскоши, видимо, устав бороться с обществом и смирившись с несовершенством мира, на чем, кстати, поимели просто сумасшедшие деньги! Со временем образовалось множество направлений панка, различных по стилю игры, текстам, целям.

Современные российские панки предпочитают слушать музыку известных иностранных коллективов: "Sex Pistols", "Ramones", "The Clash", "The Exploited", "Dead Kennedys". Неужели в России нет достойных последователей этих групп? По словам "панк-гёрлы" Нэнси (в миру просто Наташа, 15 лет), чем группа неизвестнее, тем больше она является представительницей панк-культуры, поэтому к на-

стоящему русскому панку можно отнести коллективы "Red Army" и "Серная кислота". А у "панкера" Коменданта (Игорь, 17 лет) совсем противоположное мнение: он считает, что

лучшую панк-музыку в России делают "ветераны": "Наив", "Азь", "Тараканы!" Другая "панк-гёрл" Настя (15 лет от роду) называет группу "Пурген", хотя, по ее мнению, раньше эта команда имела больший успех среди панков, чем сейчас. Иван К. (15 лет): "Я уважаю Егора Летова, лидера группы "Гражданская оборона", а вообще в России панков нет". Но все они уверены, что статусу панк-группы соответствуют те, которые выступают для ограниченной публики, продвигают саму идею панк-культуры, а не выставляют свое творчество на всеобщее обозрение, не испорченные большой сценой, огромной славой и жадной немалых денег.

Общество привыкло видеть в панках алкоголиков и наркоманов, но все теперь в прошлом. Нынешние представители этой субкультуры, особенно в западных странах, предпочитают здоровый образ жизни и вегетарианство. Раньше панки предпочитали придерживаться теории саморазрушения Сиды Вишеза, утверждавшего, — со своей жизнью можно сделать все, что угодно... Панки хотели подорвать свое здоровье, дабы показать всему миру, — они не такие, как все, им все равно, что о них подумают. Они были фанатами Сиды, а значит, копировали его во всем. Сид же слыл ужасным лентяем, непомерно пил и употреблял наркотики. Всю энергию в выступлениях он тратил не на игру на гитаре, а на

различные бесчинства: чего он только не вытворял на сцене! Но панкам все нравилось. Они и сейчас не могут дать вразумительный ответ на вопрос, почему бас-гитарист был в большем почете, чем, например, вокалист Джонни Роттен. Одни утверждают, Сид просто родился бунтарем, создал теорию саморазрушения, всю свою жизнь продвигал идею панка. Другие говорят, Сид больше любя, чем Джонни, потому что Сид погиб. Заметьте, панки произносят именно слово "погиб", а не "покончил жизнь самоубийством", значит, они почитают в бас-гитаристе "Sex Pistols" то, что он ничего не испугался и смог совершить суицид. "Life fast, die young" (Жизнь коротка, умри молодым) — так звучал его девиз. Приверженцы теории Сиды Вишеза есть и в России, но осталось их очень мало, нетрудно догадаться, почему.

Панков считают анархистами, но с таким мнением можно поспорить: из современных панков мало кто понимает значение слова "анархия". На вопрос: "Ты считаешь себя панком или анархистом?" Нэнси отвечает так: "Теперь нет реальных панков, есть лишь их отражение. Я просто человек, верящий в панк. Я анархистка, потому что действительно верю в то, что единственное идеальное устройство общества — анархия. Вообще это вопрос сложный. Тут долго говорить надо. Но панк и анархист — не одно и то же. Я знаю анархистов, которые даже и не знают, что такое панки, и с чем они вас съедят (смеется). Анархизм — политическое убеждение, а панк — стиль мышления". У Коменданта свое мнение: "Не все панки — анархисты, есть панки, относящиеся к анархии абсолютно нейтрально, пацифисты, которым не нужна никакая анархия, нужен только мир. А анархисты — люди, одержимые протестом против существующей власти, против порядка, против законов, установленных властью".

Панки настроены враждебно к богатым людям, поэтому избегают даже самого малого количества денег, находящихся у них в распоряжении: лишь только денежка появится, сразу начинают их тратить. Конечно, это относится не ко всем панкам, потому что есть и бережливые, которые копят деньги, например, на новую гитару. И то верно, есть гитара — с

ней можно "нааскать" (от англ. ask — спрашивать) сколько угодно денег, главное, уметь играть. Поэтому большинство панков прекрасно играют на гитаре или, в крайнем случае, знают хотя бы несколько аккордов.

На Старом Арбате в любой день можно найти панков. Они или гуляют по улице, или сидят у "Стены Цоя", или занимаются "асканьем" денег. Интересно, зачем им деньги, если они принципиально против них и поддерживают здоровый образ жизни, то есть на бутылку им деньги не нужны. Нэнси: "Чаще всего деньги необходимы, чтобы пойти в какой-нибудь клуб на концерт любимой группы или на поминки какого-нибудь известного панка, например, Сида. А иногда просто зарабатывают себе на жизнь. Почему не работают? Потому что в некоторых людях изначально существует нежелание работать и вообще быть как все". Заметьте, как у них все просто: не хочу работать — не буду.

Среди панков не так-то много взрослых людей, все больше юноши и девушки. Но что же с ними будет, когда они повзрослеют, ужели по-прежнему будут так агрессивно настроены к обществу? Нэнси: "Я мечтаю стать гитаристкой в панк-группе. Но буду продолжать свой теперешний образ жизни до тех пор, пока смогу жить именно так. Общество никогда не примет меня такой, какая я есть, оно всегда враждебно к тем, кто отличается". Настя: "Я не думаю сейчас о будущем, но точно знаю, что не продолжу такой образ жизни, как сейчас, зато примусь поддерживать панк-культуру. Не знаю, как меня воспримет общество, потому что не представляю, какая буду сама". Комендант связывает свое будущее только с музыкой: "Если я и буду профессионально заниматься музыкой, то скорее всего не стану играть панк-рок, так как эта музыка достаточно примитивна(!) для профессионального музыканта. В рядах панков особо долго не задержусь, не уверен, что движение выживет. В первоизданном виде эта культура в России никогда не будет, да и ярких последователей скоро не останется, страшно подумать, что произойдет, когда распадутся истинные панк-команды..."

Сейчас панк-культура является, наверно, популярнейшей из всех субкультур, потому

что если какая-нибудь команда, считающаяся панк-группой, становится известной, то все, кому хоть сколько-нибудь нравится их музыка, считают себя панками. А те, кто слушали группу раньше, до ее популярности, в большинстве случаев перестают уважать музыкантов, потому как панк-музыка, по их определению, не может быть популярна. Новых поклонников они называют лжепанками и презирают их. Вообще в панк-культуре нет никаких сложившихся устоев: зачастую два одинаково мыслящих человека не могут найти общий язык. Это, не говоря уже об отношениях панков с милицией, кто-то старается всячески выказать свою ненависть к представителям правопорядка, а у кого-то среди лучших друзей числятся милиционеры.

Родители юных бунтарей чаще всего не одобряют увлечения своих детей. Безусловно, у детишек могут быть и другие хобби, но они выбирают именно панк. Почему? Все просто. Во многих воспитательный процесс пружинит протест — мама не права, учитель не прав, прав только я. Новое поколение не хочет быть похожим на старое, стремится отличаться, выйти за рамки обыденности.

Несмотря на это, панки не хуже других относятся к созданию семьи. Как истинные фанаты Сида Вишеза они верят в настоящую любовь, а она у Сида была. Он до смерти любил девушку Нэнси, именно до смерти, ведь именно из-за нее он совершил самоубийство. Их историю любви знает каждый уважающий себя панк. Хотя эта история и не соответствует стандартам, среди фанатов она считается поистине романтической и достойной восхищения.

Панки, в большинстве своем, пессимистичны, депрессивны, уверены в несовершенности мира, они не смотрят на жизнь сквозь розовые очки. Понимают, что тусовки, попойки и концерты — не навсегда, когда-нибудь они это оставят, потому что продержаться панком в течение всей жизни далеко не так просто, как кажется. Может быть, они и будут вспоминать свою "панковскую молодость", может быть, через всю жизнь пронесут идею бунтарства, но станут при этом обычными людьми, старающимися выжить в бесконечной мирской суете.

борьба Елена ЗАХАРОВА за права

Сколько людей, столько и мнений, и сколько автошкол, столько способов сдать на права. Нет, речь идет не о том, что вы подумали... Ну там дать инструктору взятку, соблазнить его или прилгунуть большим начальством. Это все так банально! Просто в борьбе за потребителя, то есть за нас с вами, автошколы придумывают все новые и новые варианты теоретического экзамена. Кто-то требует пересказать "Правила дорожного движения" наизусть, кто-то заставляет сражаться с бездушным

электронным ящиком по имени компьютер...

Однако есть и другой способ — заранее определить, стоит ли вам вообще браться за "шоферку и баранку". Тем более если вы женщина! По сегодняшней статистике, набор по обучению вождения составляет семьдесят пять процентов женщин. Так что в ближайшие пять лет, по прогнозам автолюбителей и сотрудников ГИБДД, доминирование сильного пола на дороге будет сильно подорвано, а то и вовсе прекратит

иллюстрация **Олега Теслера**

свое существование. С другой стороны, миф о женщине за рулем все еще в полной силе, а поэтому мужчины относятся к такому по-настоящему женскому увлечению типично мужской игрушкой с изрядной долей сарказма. Вот и приходится хрупким и нежным девушкам обладать изрядной долей терпения и юмора, чтобы не просто профессионально вести себя на дорогах, но и не ударить в грязь лицом перед всей мужской братией. Обратите внимание, если на парковке стоит машина ровно поперек всех других и водителем оказывается мужчина, никому и в голову не придет сказать что-нибудь ироничное. Ну, мало ли, торопился или выскочил на минутку из машины, чего не бывает! А вот если за рулем женщина! Тогда каждый считает своим долгом блеснуть красноречием и потренироваться в степени язвительности по сему поводу. И клемят весь род женщин-автомобилистов!

А уж сколько баек про невыразимо срочные желания женщины нанести макияж или лак для ногтей прямо во время движения или посреди перекрестка. Сейчас очень популярна одна история неизвестного сочинителя, но зато вполне отражающая ситуацию на дорогах. Рассказ идет от первого лица водителя. Естественно, это мужчина. "Я ехал утром на работу на своей "десятке", как вдруг обратил внимание на девушку в соседнем ряду на новеньком "мустанге". И что вы думаете! Не успел я перевести взгляд на зеркало заднего вида, как она уже наполовину оказалась на моей полосе! От испуга я выронил мобильный телефон, который прижимал плечом к правому уху. Из левой руки у меня выпала электробритва, а правым локтем я чуть не вляпался в джем на пончике. Мало того, чуть не опрокинул чашку горячего кофе, зажатого между колен! Нет, я всегда говорил, что женщина за рулем — сплошная катастрофа!" Так что не только слабому полу свойственны несвоевременные желания за рулем...

Очевидно, что, перефразируя песенку, только смелым покоряется руль авто, а также светофоры, гаишники и мужчины на дорогах. К какой степени смелости и безрассуд-

ства относите себя вы? А как у вас с юмором? Без него ведь никуда — то ловеласы подвернутся и подмигнут прямо на дороге, плавно прижимаясь к вашей машине, то съедят какой-нибудь гонщик на "хвост" и давит своим авторитетом, предлагая уступить дорогу.

Прав достойны только автолюбители с неизменным чувством юмора и даже самоиронии. Тем более, что это позволяет сэкономить нервы, которые в нашей жизни и так есть на что растратить, и приблизиться к автопрофессионалу.

Вам предлагается занять себя тестом, который определит степень вашей сумасбродности и пригодности к вождению четырехколесного чудища.

1. Вы замечаете, что вас собираются обгонять. Ваши действия?

Сместиться влево, подпустить обгоняющего поближе, резко нажать на тормоз и затем на "газ" до упора. Повторить несколько раз. 5 баллов.

Дать обгоняющему поравняться с вами и затем резко увеличить скорость, не давая ему уйти с полосы встречного движения. 4 балла.

Непрерывно подавая звуковой сигнал, наподобие "Скорой помощи", максимально увеличить скорость. 3 балла.

Не снижая скорости, начать вилять из стороны в сторону, изображая буйный приступ. 2 балла.

Принять максимально влево и продолжать спокойно двигаться прямо, повторяя про себя: "Ну и ладно, ну и пусть..." 1 балл.

2. Что означает прерывистая разметка вдоль дороги?

Разделительную линию полос движения: для "чайников" справа, для вас — слева. 5 баллов.

Это чтобы прямо ехать. 4 балла.

Объект ежегодного списания краски для дорожной службы. 3 балла.

Абсолютно ничего. 2 балла.

Линия, с которой должна совпадать продольная ось автомобиля. 1 балл.

3. В каких случаях нужно пропускать машины, въезжающие на перекресток с круговым движением?

Ни в каких случаях! 5 баллов.

Если это ваша машина. 4 балла.

Если въезжающая машина существенно "круче" вашей. 3 балла.

Въезжающая машина оборудована бульдозерным ножом. 2 балла.

Если въезжающие вам абсолютно не мешают. 1 балл.

4. Что означает симпатичный синий знак, похожий на колесо с двумя красными спицами?

Конец всяческих ограничений. 5 баллов.

Ничего не означает. 4 балла.

Платная стоянка. 3 балла.

Остановка разрешена, но только, как всегда, "на минутку". 2 балла.

Разрешает круговое движение на обычном перекрестке. 1 балл.

5. Что такое "Правила дорожного движения"?

То, что необходимо знать всем, чтобы не мешать вам ездить. 5 баллов.

Абсолютно неинтересная, тем более что плохо иллюстрированная книжечка. 4 балла.

Пояснительное предложение к преискуранту штрафов. 3 балла.

Сборник запутанных толкований и надуманных условностей. 2 балла.

Универсальная подставка под кофе. 1 балл.

6. Что такое "главная дорога"?

Дорога, по которой вы едете. 5 баллов.

Трасса Казань — Верхние Васюки. 4 балла.

Знак, в виде криво подвешенной квадратной яичницы-глазуньи. 3 балла.

Дорога без рытвин и кочек. 2 балла.

Участок железнодорожного пути, перекрывающего автодорогу. 1 балл.

7. Что означают цифры "40", "50", "60" и т.д. в красном кружке, развешанные на столбах?

Номер столба, считая от Главпочтамта. 5 баллов.

Осторожно! Впереди в кустах где-то затаились гаишники! 4 балла.

Тесты для проверки показаний спидометра. 3 балла.

Не пей коньяк, чачу и спирт за рулем. 2 балла.

Ниже этой цифры ехать просто обидно. 1 балл.

8. В каких случаях можно ехать по полосе встречного движения?

По настроению. 5 баллов.

Если вы только что вернулись из Англии, Австралии, Японии. 4 балла.

Если вам необходимо прочитать номер дома на левой стороне улицы. 3 балла.

Если у вас номер с тремя "Т" и вы при этом мило улыбаетесь. 2 балла.

Если встречных вы предупреждаете дальним светом фар и размахиванием руками. 1 балл.

9. Что означают включенные красный и синий проблесковые маячки на крыше?

В городе праздник. 5 баллов.

Кто-то "крутой" едет на праздник. А вас не позвали. 4 балла.

Гаишники боятся потерять друг друга в плотном потоке. 3 балла.

Нужно съехать на обочину, остановиться и крепко подумать: "А чего вы достигли в этой жизни?" 2 балла.

Если у вас нет таких же, то нужно, не останавливаясь, включить дальний свет, освещение салона, аварийную сигнализацию, противотуманный фонарь, переноску, зажигалку или спички, и запеть "Yesterday", чтобы максимально обозначить свое присутствие на дороге. 1 балл.

10. В каком случае ваш автомобиль может быть поставлен на штрафную стоянку ГИБДД?

Если стоянка удобно расположена неподалеку от вашего дома. 5 баллов.

Если у вас нет документов, вы изрядно "накатили" и вообще это не ваша машина. 4 балла.

При наличии свободных мест. 3 балла.

Если со вчерашнего дня там спит ваш приятель, а вокруг валяются все остальные участники праздника. 2 балла.

Если вас остановили за непристегнутый ремень безопасности, а вы, оказав сопротивление, скрылись с места нарушения. 1 балл.

11. Зачем в комплекте автопринадлежностей необходимо иметь аптечку, огнетушитель и знак аварийной остановки?

Чтобы не захламлять квартиру. 5 баллов.

Для удовлетворения нездорового любопытства инспектора. 4 балла.

Просто чтобы было. 3 балла.

Для борьбы с поносом и пожаром в спокойной обстановке. 2 балла.

Об этом мне ничего не известно. 1 балл.

12. Что нужно делать, если ваш автомобиль заглох на подъеме, а тормоз по имени "ручник" не работает?

Убедительно попросить стоящего сзади опереться решеткой радиатора в ваш бампер и дотолкать до верха. 5 баллов.

Попытаться развернуться поперек подъема, дабы исключить скатывание. 4 балла.

Попросить пассажира выйти и подставить под колесо ногу. Если пассажира нет, попросить прохожего. 3 балла.

Выжать одной ногой сцепление, другой нажать на педаль газа и пытаться запустить двигатель, не отпуская при этом педаль тормоза. 2 балла.

С воплем "Побереги-и-исы!" гордо скатиться вниз. 1 балл.

13. С какой максимальной скоростью можно двигаться в населенном пункте?

150-160 км/ч, потому что больше из моей не выжать... 5 баллов.

Что за глупый вопрос, на спидометре же все указано! 4 балла.

Зависит от настроения, состояния дорожного покрытия, качества покрышек и времени суток. 3 балла.

В каждом конкретном случае этой информацией владеет инспектор ГИБДД. 2 балла.

Если денег немного, то к цифре на знаке прибавлять 10 км/ч, если навалом — от 30 км/ч и выше. 1 балл.

14. Что хочет инспектор ГИБДД, когда машет железом перед вашей машиной?

Поприветствовать вас. 5 баллов.

Показать, что вы пересекли линию фишиша. 4 балла.

Обменяться мнениями по поводу какой-нибудь статьи ПДД. 3 балла.

Рассказать об особенностях движения на данном участке. 2 балла.

Похвалиться новым радаром и показывать забавные цифирьки в окошечке. 1 балл.

Итого:

Если вы набрали менее 16 баллов:

Вы безнадежно потеряны для рядов автомобилистов. Вы сундук-тормозила, для которого улица полна неожиданностей и подвохов со стороны столбов и совершенно непредсказуемых пешеходов. Оставьте свои мечты о руле и четырехколесном друге, ваши близкие и так вас любят, тем более что и пешеходам жить будет спокойнее. Зря вы полагаете, что если вы шарахаетесь от мирно проезжающего в десяти метрах от вас авто, то внутри него вам станет комфортно. Ваш транспорт — это большая желтая машина под названием автобус.

16-20 баллов:

Конечно, машина не воеет при вашем появлении за ее рулем, но ваша пригодность к вождению ограничивается только одним маршрутом и временем года — летом, на дачу и обратно. И никаких "заехать в магазинчик!" И будьте добры, выбирайте путь наибольшей прямолинейности. Кстати, вам необходимо быть честным с самим собой и с окружающими — так вы предупредите их о своем появлении на дороге. Поэтому повесьте на заднее стекло миленькую картиночку в красной рамочке: предмет кухонной утвари, с носиком и паром. А вообще — не отчаивайтесь, несколько лет опытного инструктора — и вы уже вполне ориентируетесь в потоке машин! Главное — вы обучаемы и не совсем пропащий вариант.

20-40 баллов:

Про вас на дороге скажут — интеллигентное вождение. Не подрезаете и не проезжаете на "желтый", да и вообще активно следите за ситуацией вокруг. Вам свойственна достаточная уверенность, да и в машине

ориентируетесь неплохо — вот тут справа магнитолка, вот это — коробка передач. В общем, не напрягайтесь излишне по поводу мужчин на дороге и все у вас будет в шоколаде, потому что вы — настоящая леди за рулем: размеренно, четко, без нервов и лишних маневров. Все равно приедете куда необходимо, и пусть это кого-то раздражает, что, проскочив второй раз нужный поворот, вы не разворачиваетесь с криком "Ах ты, черт!" через две сплошные полосы. Стабильность и уверенность — прежде всего.

40-80 баллов:

Вам пора менять "классику" на что-нибудь гжучее и агрессивное, что в народе именуется "зубило". Иначе дезинформируете честных собратьев по рулю — они-то вполне уверены, что перед ними девушка за рулем, а это ж настоящая дьяволица! Ну, ничего себе подрезала так подрезала...! Скажите, вы никогда не были в Мексике, где разрешено вождение без прав? Странно. А так и мелькает перед глазами Антонио Бандерас, одной рукой незатейливо управляющий огромным джипом, а другой ногой отстреливающий нехороших парней. А вы молодец — если и не исправляете мнение о женщинах за рулем, то, по крайней мере, постоять за себя способны — мало кто так затыкает за пояс мужчин-автомобилистов. Будьте уверены — курсы экстремального вождения ждут вас.

80 баллов и более:

Вы — настоящий мастер, каких, оставшихся в живых, по пальцам пересчитать можно. Шутка. Вы уже давненько играючи оставили позади скучное звание автолюбителя, и теперь, не задумываясь, тесните автопрофессионалов. Гений руля и богиня дороги — вам такое никто не говорил? Что, останавливались на обочине и долго смотрели вслед? Ну, это верный признак! С другой стороны — пощадите мужчин. Представляете, сколько из них сойдут с ума от прекрасной незнакомки за рулем? Будьте скромнее, они ведь тоже люди. Впрочем, если это вам не свойственно, дальше путь только в каскадеры. ■

путевые
заметки

Бертрана
Вьедливого,

нижняя
и экстремала

■ ...Зима зимой, комфорт комфортом, но, как говорил мой погрязший в политике когда-то одноклассник Антон (ныне Павлович) Сотиков, начавший требовать, чтобы его называли по имени-отчеству (если я не преувеличиваю) еще в девятом классе, так вот, он говорил:

— В метро каждый проехать может, а ты попробуй в нужный район Москвы на заднем сиденье правительственного "мерседеса" с мигалкой добраться.

И действительно. Отправиться из Ейска в Москву на пассажирском поезде, это же чистой воды пижонство и поэтому я выбрал другой путь...

Есть в чертах моего лица что-то такое, от чего ко мне постоянно кто-нибудь обращается с неожиданными предложениями, при входе на режимно-секретный объект не требуют пропуска и надолго привязываются девушки. Последнее я считаю подлянкой со стороны "чего-то такого в чертах моего лица", ибо девушка если уж привыкает к тебе, то до гробовой доски, забывая, что они обладают качеством "бессонницы" лишь первые несколько недель после знакомства, затем в них проявляются элементы "валерианы" и чем дольше

Путь к Москве

длится близкое знакомство, тем крепче сон, вплоть до летаргии, называемой "серебряная свадьба — душевный разговор". Но я отвлекся от "черт моего лица" и неожиданных предложений в связи с этим...

Я стоял в очереди у железнодорожных касс за билетом на Москву. Вдруг ко мне подошли двое, один в камуфляже военного образца, а второй милиционер, и вежливо попросили отойти немного в сторону и предъявить документы. Я отошел и предъявил редакционное удостоверение и паспорт.

— Это хорошо, что ты в Москве, — обрадовался человек в камуфляже, — я такого как ты уже полчасика ищу.

— Не бери, Маклаков, — пытался образумить его милиционер. — Он журналист, а это плохая примета. Баба на паруснике, цыганка с пустым ведром у тебя в постели и журналист в сопровождении к добру не приводят.

— Да мне не к добру, мне к Москве груз донести надо по инструкции. Поедешь?

Наконец-то заинтересовался моим мнением человек в камуфляже.

— Конечно, — легко согласился я, не совсем понимая, то есть совсем не понимая что, куда и зачем?..

Это было начало моего пути на Москву. "Камуфляжный" предложил заменить застрявшего в Ейской больнице (аппендицит или сотрясение мозга, я так и не понял из сбивчивых объяснений его коллег) некоего Молочаева, "Ваську прапорщика", из группы, сопровождающей четыре двухъярусные платформы с легковыми автомобилями "фольксваген", находящиеся в центре сформированного в Новороссийске товарно-грузового эшелона на Москву. Группа сопровождения состояла из десяти человек. Несмотря на то, что мне нужно было в Москву "СРОЧНО!", я добирался к ней ровно две недели и три дня...

На самом деле "фольксвагены", оформленные как "груз на Москву", Москве принадлежали отчасти, то есть из шестнадцати автомобилей в столице предназначалось восемь. Остальные должны отгрузить по дороге. Коммерческая сторона дела (кроме зарплаты) меня не интересовала, поэтому я со-

средоточил свое внимание на другой, бытоописательно-служебной деятельности. В мои обязанности входило наблюдение за тем, чтобы во время остановок, да и что греха таить, во время движения состава никто не покусился на детали автомобилей без предварительной договоренности с их владельцами. Шучу, конечно. Выглядело это так: четыре человека, по одному на ярус, сидели в салон "фольксвагена" с рацией и не смыкая глаз следили каждый за своим рядом шесть часов кряду. При возникновении угрозы нападения на дорогостоящие детали иномарок нужно было дать по рации сигнал тревоги в кубрик (отопливаемый фургон от военного "Урала" в конце платформы) и двое имеющих право на ношение и применение оружия (помповые дробовики) мчались на защиту частной собственности. За эту работу я должен в конце пути получить пять тысяч рублей, и это мне грело душу и сердце. Сразу же скажу, из самой Москвы ни мне и ни кому другому из сопровождения так и не пришлось воспользоваться рацией. Впрочем, как и оплатой за тяжкий, охранно-сторожевой труд. Но не стану забегать вперед, тем более, что мой путь к Москве хотя и не выглядел экстренно-поспешным, как этого хотела "Иволга", но зато был интересным, то есть, по большому счету, оправданным...

Город-ПАПА

Вы, конечно, догадываетесь, что первой на пути к Москве остановкой был вездесущий (угадайте с трех раз) Ростов-на-Дону. Вот только что я стоял среди ейчан и вот я уже вновь среди ростовчан. Оно и понятно, четыре "фольксвагена" были сняты с платформы и оставлены в южнорегиональной столице.

На фиг нужны "фольксвагены" в Ростове-папе, я так и не понял. Ростову, на мой взгляд, ничего не нужно. В нем, как в Греции, все есть и это все, если пригладеться, и на фиг ростовчанам не нужно. Я видел в живописном городе то, чего в Москве никогда не увидишь. Новенький, не зачехленный и безгаражный "кадиллак-прима", ручной сборки и отделки, стоящий во двореике частного, с покосившимся забором, ветхого строения, с почти полуметровым слоем снега на крыше. Изредка из до-

ма выходил хозяин "примы", с недоумением смотрел на него красными от запоя глазами, проверял ногой степень упругости баллонов и вновь скрывался в полусараинном доме. Я наблюдал эту картину сто лет тому назад, позапрошлой зимой, когда задержался в городе-ПАПЕ (увлекся "работой по интересу") у Зои Лисициной, семнадцатилетней любительницы (это ее слова!) экзотических развлечений. Так вот — это случилось в Ростове с элитным "кади", что же в нем сделают с народным "фольксвагеном"? Ну да как говорит наш препод из универа: "Лучше тортом в морду, чем лицом в грязь"...

После шести часов в "фольксвагене" с рацией я решил, с разрешения старшего экспедитора Маклакова, не спать в фургоне, а походить по Ростову в окрестностях товарной станции, в течение двух часов. У Маклакова высшее мясо-молочное и продовольственно-экономическое образование образца 1972 года, и, может быть, по этой причине он (или мне просто показалось?) похож на оленевода-эвенка: маленький рост, кривые ноги, прищуренно-припухшие глаза. Но я отвлекся. Окрестности товарной станции в Ростове это так пригородный район Курского вокзала в Москве — центр города.

Ну что вам рассказать о нем? На мой взгляд, Ростов нормальный город, если не обращать внимания на его морозно-слякотную, всю зиму околосаратовскую погоду. В это время года Ростов вовсе и не город, а какой-то тихий и промозглый ужас. В такую погоду, будь я собака, меня никакой бы хозяин на улице не выгнал, ни плохой ни хороший. А так я сам, добровольно, вышел из теплого фургона и пошел по Ростову, чтобы выяснить: действительно ли возле Центрального рынка есть Храм, который является хотя и уменьшенной, но идеальной копией разрушенного и вновь построенного Московской Храма Христа Спасителя?

Вскоре я выяснил, что такой Храм существует, и хотя он слишком уж уменьшенная копия, тем не менее похож: если смотреть из окна трамвая, во время движения, под определенным углом, в течение одного мгновения,

на московский Храм Христа Спасителя, то есть это совсем другой Храм — Ростовский.

Увидев "копию" Храма, я затосковал по оригиналу, вспомнил о Кларе Иволгиной и о ее "экстренном" желании видеть меня и, склонив голову, побрел к своему неспешно продвигающемуся к Москве месту работы. Поспав три часа в фургоне, я взял рацию и переместился на шестичасовую вахту в салон "фольксвагена" и проснулся уже на следующей остановке, в станице (простите, ГОРОДЕ) С., которой (КОТОРОМУ) был нужен один, ОДИН, немецкий, четырехколесный друг "фольксваген".

Станица (ГОРОД!) С., запомнилась мне одним, ярким, как жизнь, ЭПИЗОДОМ.

Возле небольшого, мазанного глиной и крытого соломой дома, сидит старый, лет сто, не меньше, дед. Он в кубанке, одет по полной казачьей форме, но в бурках и овчинном тулупе. В руке отполированная ладонями суковатая палка, о которую он опирается подбородком. Мимо него проходит подросток с сигаретой в руке и весь какой-то расхлябанный, как бы легко выпивший. На подростке форма кадета Ростовского кадетского училища. Дед подзывает его к себе, спрашивает:

— Ну и кем ты будешь?

— Казак, дед! — звонко отвечает кадет и густо выпускает дым изо рта.

— Да-а, — задумчиво тянет старик. — Дед вот мой был казак, отец, я точно знаю, был казачий сын, да и я внук и сын казачий, а вот ты, зараза, и твой отец уже хрен собачий!

И старик со всей силой (я прямо-таки на расстоянии почувствовал, что она у него есть) перетягивает кадета палкой по спине, и тот, взвизгнув, убегает от него по улице. Остановившись на безопасном расстоянии, кадетик кричит:

— Я тебе, старый хрыч, дом подожгу, а тебя когда-нибудь каменюкой ночью прибью!..

Да-а, и впрямь не казак, подумал я и пошел к поезду, размышляя о тех станицах и городах, которые мы будем одаривать "фольксвагенами", пока не доедем до Москвы, в которую эти "фольксвагены" не завозить, а уже давно вывозить из нее надо обратно в Германию... ■

Продолжение следует.

Ох Ростов, Ох Ростов, Ах Ростов

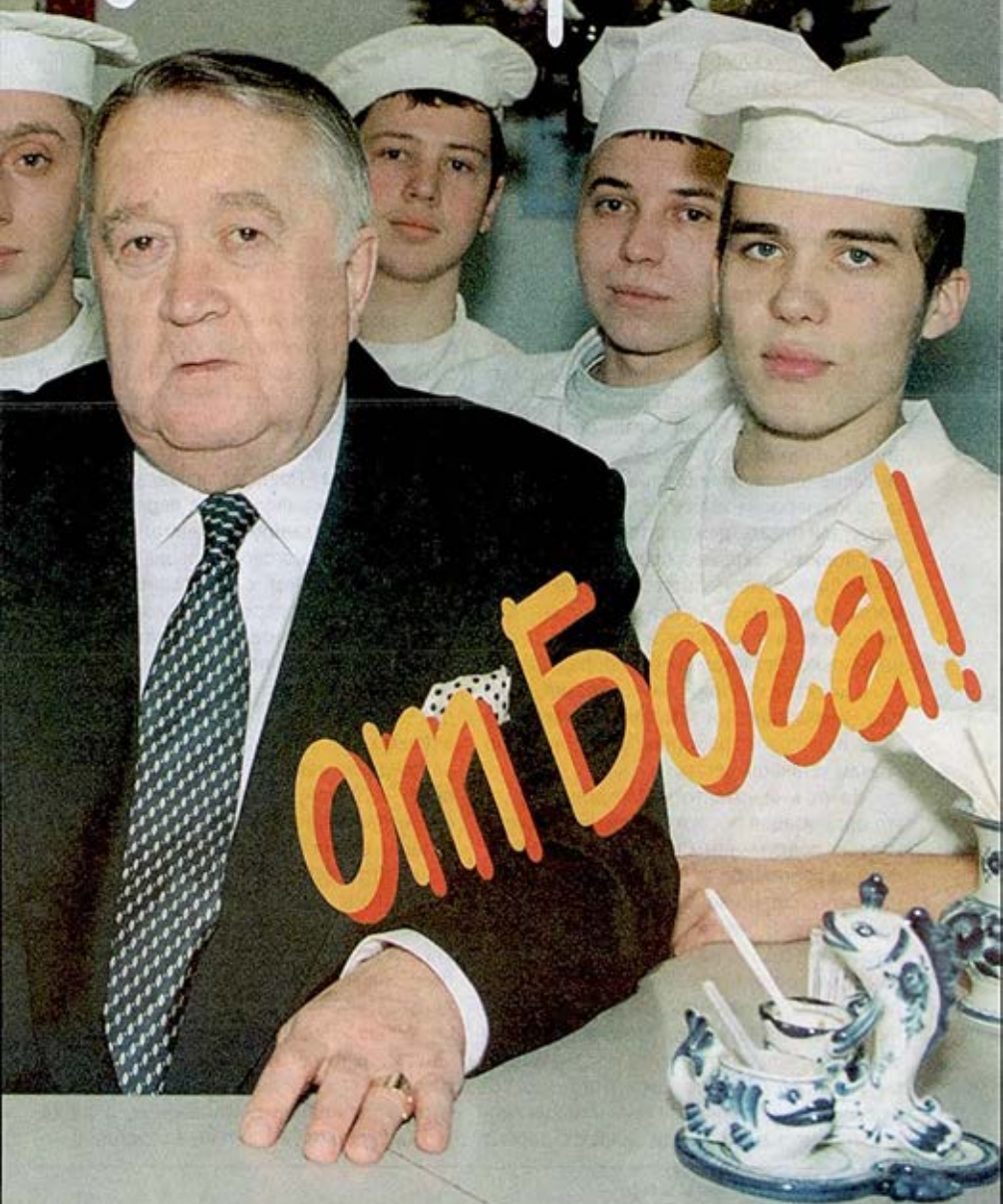
Знакомьтесь!

Носишься, как угорелый, по Москве и, намотав не один километр, — все дела, дела, — вдруг понимаешь — если сей секунд чего-нибудь не проглотить, вот прямо здесь, на улице, и рухнешь. Сил нет, энергия иссякла. А вокруг — Бог ты мой! — чего только не предлагается: беляши, шаурма, чебуреки, заморские хот-доги... И на бегу заглатывая все это "великолепие", мы даже не задумываемся, насколько сомнительны уличные "перекусы", из чего сделана часто непрожаренная начинка беляша, и на сколько пережила свой срок годности расплывающаяся сосиска, вложенная в булочку? А соблюдены ли санитарные нормы при изготовлении, а имеется ли санитарная книжка у продавца, в наше-то время ее можно приобрести, не утруждая себя посещением врача? В этом случае вместе с пирожком мы можем прихватить еще кое-что... Конечно, когда хочется кушать, подобные мелочи не очень-то волнуют. А напрасно. Ведь гастритами, колитами и прочими желудочно-кишечными пакостями теперь даже дети страдают. И нам всем, таким занятым, даже в голову не приходит, что вместо поглощения влопыхах неизвестно какой еды можно зайти в приличное заведение и, не в ущерб своему драгоценному времени и здоровью, быстро, вкусно и сытно поесть.

В конце Сретенского бульвара, одного из старейших, что в центре Москвы, находится небольшое, рассчитанное всего на 12 "стоячих" мест, кафе "На скорую руку". Здесь действительно, как и следует из названия, можно "наскоро" подкрепиться. Но в какой обстановке! Если бы не быстрота обслуживания, кафе можно было бы назвать просто "Гжель". Потому что тарелки, чашки, солонки-перечницы, буквально все-все — подается на самой настоящей "гжели". Красивой,

Кулинар

от Боза!

Моя опора — молодежь!

дорогой, эстетичной. Не только желудок, но и дух радуется!

Работают в кафе ребята и девчонки, которым 17-20 лет. И только один человек, достигший, скажем так, солидного возраста, — его директор. Борис Николаевич Бероев.

— Борис Николаевич, сейчас во всем мире развита система быстрого обслуживания, что и понятно. Слишком дорого время, чтобы тратить его на неспешную еду. Вот у нас и появились "Бистро", "Макдоналдсы", "Ростиксы" ... "На скорую руку" в этом же ряду?

— Далеко не в одном ряду. Отличие в принципе. Под быстрым обслуживанием мы понимаем не какие-то сосиски в тесте, чизбургеры, гамбургеры и прочее. У нас традиционное питание. Мы же как привыкли: чтобы обязательно была закуска, суп, что за еда без супа! Как раньше говорили — первое, второе, третье. У нас, русских, такая натура. Так зачем ее американизировать? Зачем из русского человека вытравливать русскую натуру? Да, действительно, жизнь резко изменилась, и никуда от этого не деться. Все стало какие-то слишком быстрые, времени катастрофически не хватает. Вот и письма уже перестали писать, даже по телефону толком не говорим — скорее-скорее, только по делу. Поэтому система быстрой еды просто не могла не появиться. А с ней и проблемы. Как бы человек ни торопился, а питаться-то надо нормально. Организм требует определенного количества калорий, разнообразия, качества. Иначе болезни замучают. И какой же тогда из человека работник? Да никакой. По врачам устанешь бегать.

Но что мне нравится в "Макдоналдсе" — это организация обслуживания. Все четко, с хорошо продуманным и отлаженным механизмом работы. До автоматизма вышколенный персонал. Но вот еда... Совершенно неприемлема. И не только для нас. Сейчас многие страны мира, в том числе и сама Америка, которая не одно десятилетие проповедовала такой стиль питания, вынуждены чуть ли не закрывать эти заведения. Во всяком случае, препятствуют их дальнейшему развитию. Погляди, наконец-то, что вся американизированная система питания просто гробит нацию. Люди жиреют, теряют

подвижность, энергию. Слишком много им поддается теста, мяса, неизвестно какого, скорее всего — соевого. Недаром в Европе уже появились "слоу-фуд" ("медленное питание"), как бы в отместку американскому "фаст-фуду".

Что же касается "На скорую руку", то идея кафе возникла из следующего: взяв самое лучшее из "Макдоналдса", а именно, быструю, четкую, культурную организацию обслуживания, создать настоящую, здоровую, традиционную русскую кухню. Обслуживаем мы быстро, а вот готовим тщательно. Не зря мы приходим к 7 утра, а кафе открываем в 11.

— И сколько времени тратит посетитель на пребывание в вашем кафе?

— Однажды у меня состоялся разговор с моим товарищем, Анатолием Исаевым, футболистом, знаменитым "спартаковцем", Олимпийским чемпионом. Он сказал: "Вот идет футбольный матч. Игра длится 90 минут. Интересно, как ты думаешь, сколько тратит футболист на непосредственное "владение" мячом? Представляешь, всего около минуты. Все остальные — в перемещениях, маневрах, ожиданиях". Значительно позже, вспомнив этот разговор, я провел аналогию "владения" мячом с рестораном. Вошел, сдал пальто в гардеробную, выбрал столик, дождался официанта, наконец-то принесли заказ, не торопясь подали счет. Разве такое можешь себе позволить в разгар рабочего дня? Нет, конечно. И я устроил эксперимент в своем кафе. Засекал время, сколько уходит на поедание салата, горячего и т.д. На весь обед — 20 минут. То есть, я исключил весь подготовительный ресторанный антураж. Оставил время только на прием пищи.

— Кто к вам обычно ходит?

— Люди, у которых нет времени на длительное посещение ресторана. За день — доста человек, и молодые, и в возрасте. Могли бы и больше принять, да помещение мало-ваго.

Меню у нас, как в ресторане, на выбор. Обязательно четыре супа, четыре горячих блюда, и каждый день все разные. Семь закусок, полноценных кулинарных, а не каких-нибудь колбас, ветчин да сыров. В по-

сты готовим постные блюда. Не забываем и вегетарианцев. Нынче модно обходиться без мяса...

Я сам внедряю новые блюда, прорабатываю рецепты. Я ведь кулинар со стажем без малого 50 лет. Люблю заниматься всевозможными изысканиями. Да и библиотеку собрал по кулинарии огромную — свыше 800 томов.

— Персонала хватает, чтобы успеть за короткое время все приготовить?

— Сейчас у нас в штате 26 человек, хватает.

— Так много на небольшое кафе?

— Если я буду держать всего по два повара в смену, они не смогут качественно готовить. Ведь надо приготовить и закуску, и супы, и горячее, один человек обязательно занимается блинчиками. У нас за каждым блюдом закреплен специальный повар. Поэтому в смене их четыре, еще ученики плюс шеф-повар. Затем бармены, уборщицы... Вот и набежала указанная цифра.

— А кадры сами "куете" или приглашаете?

— С кадрами проблем нет. В основном это выпускники 41-го профессионального училища, с которым у меня договор. Так вот, подготовка у них после учебы на довольно неплохом уровне. Конечно, у тех, кто добросовестно учился. У меня же им приходится учиться мастерству. А это уже совсем другое. И еще многое зависит от внутренней культуры человека. Все время твержу: бросайте курить, от табака у вас притупляется обоняние, искажается вкус пищи. О выпивке и речи не идет. Если замечаю, что кто-то выпил, даже накануне, по общему состоянию ведь все равно видно, то расстаюсь с такими безжалостно. И никакие уговоры, заклинания и обещания не принимаю. А вот сигареты приходится терпеть, мода такая, особенно девочки дымят.

Повар — серьезная профессия. От него зависит здоровье человека, даже жизнь. Халатность, пренебрежение технологией — недопустимы.

— Все-таки, уж больно сурово...

— Иначе нельзя. К тому же, принимая на работу, я всегда честно оговариваю условия

найма. У некоторых молодых ведь ветер в голове свищет. Да ладно, чего там — прогулял. Но за него в это время кто-то другой должен работать. Почему? Зачем? У всех свои обязанности. Их надо четко и честно исполнять. Всегда! Или вот еще. Иногда даже мне на пробу несут остывший суп. Я, кстати, всегда после шеф-поваров снимаю пробу. Не дай Бог, чего не доложили или переложили. В этих случаях делаю одно предупреждение. Ну, иногда, второе. Или третье... Но не 145-е китайское. И все. Потом расстаемся. И возгласы, типа "ой, я забыла!" не принимаю. Не имеешь права ничего забывать. Работа такая.

— А правду говорят, что самые лучшие кулинары — мужчины? Женщины просто стряпухи, кухарки...

— Так считалось раньше, и только потому, что труд повара — тяжелый. Не каждая женщина выдержит 12 часов за плитой. Сейчас другое дело, я могу назвать фамилии многих женщин, известных кулинаров. Но им нужно вести еще и домашнее хозяйство. Воспитывать детей. Да к тому же подготовки кулинарной молодежь не имеет. В школе не учат готовить. А ведь кулинария — целая наука. Вот, например, мало кто знает, что варить нельзя под крышкой. Возникает химическая реакция, при которой жир "омыляется", продукты теряют и вкусовые, и полезные качества. Хозяйки думают, что при закрытой крышке быстрее варится. Ничего подобного. Крышка создана, только чтобы накрыть готовое блюдо.

— Чтобы стать поваром, обязательно нужно призвание? Случайные люди появляются в этой профессии?

— Когда я принимаю на работу молодых людей, то провожу с ними собеседование. Стараюсь выяснить не только степень профессионализма, — хотя какой он может быть в 17 лет, ведь опыт приходит со временем, — меня волнует интеллектуальный уровень. Это в нашей работе немаловажно. Повар должен быть человеком творческим. Талантливым. Он ведь не просто готовит еду. Он творит. Создает произведения искусства. Пусть и на весьма короткое время. В мире много прекрасного: жи-

"Хочу харчо!"

Эх, места маловато...

вопись, архитектура... Мы наслаждаемся прекрасной музыкой. И точно так же мы получаем удовольствие от вкусной и красивой еды. Но для того, чтобы вкусно приготовить, необходимо как умение, так и вдохновение. Повар должен быть всесторонне развитой личностью. Иначе при ограниченном интеллекте у него получится просто баланда.

— Но не всем же быть гениями в своей профессии. Да и у вас, видимо, их не так уж много.

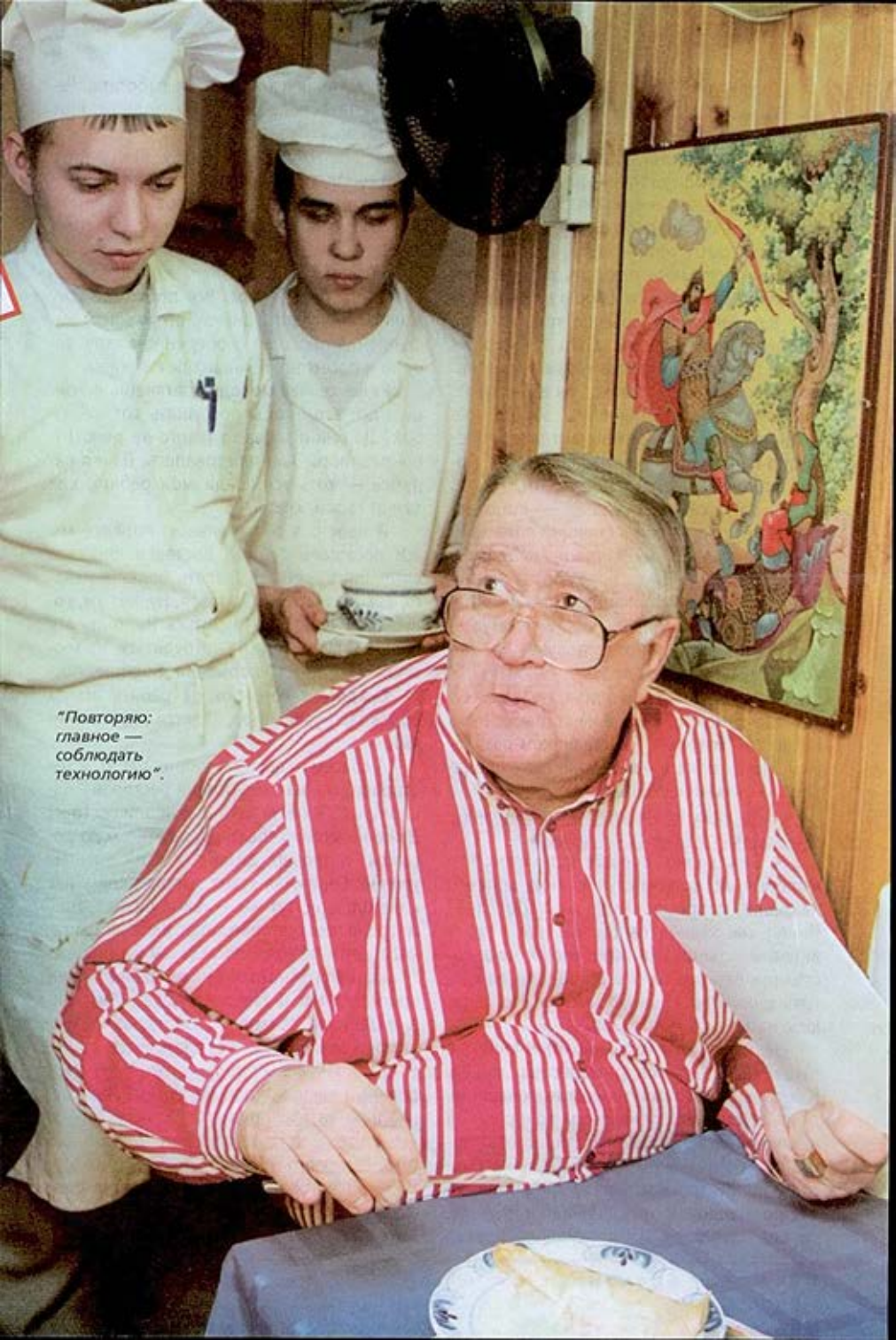
— К моему глубокому сожалению, в поара идут в основном те, у кого нет перспектив стать юристами, экономистами, физиками-химиками. На моем отборочном со-

беседовании очень редко кто говорит: с детства люблю готовить, всегда

мечтал о кулинарии. Отвечают, мол, мимо кулинарного колледжа шел, дай, думаю, зайду — попытаю счастья. Еще вариант: мама сказала, все равно никуда не поступишь, а тут хоть сыт будешь.

— Что же делать в таком случае?

— Необходимо работать с молодыми. Не только учить профессиональным навыкам. В конце концов, в цирке даже мишки ездят на велосипеде. Молодых надо образовывать. Как именно? Прививать эстетику,

*"Повторяю:
главное —
соблюдать
технологию".*

этику, культуру. И когда человек выпитает все это, он станет совсем другим. По-другому будет воспринимать свою работу, да и окружающую жизнь. В первую очередь, стараюсь влиять собственным примером. Я не пью — вообще, и не курю. Довольно часто, особенно перед какими-то официальными приемами или в мэрии, или на презентациях, стараюсь показаться перед ребятами в смокинге, в бабочке. Внешний вид, как известно, вызывает повышенное внимание, заинтересованность. И чего уж там — пример для подражания. Мой "наряд" как бы говорит: сейчас вы в фартуках, спецовках, стоите возле плиты, в жаре, но в нужное время вы должны выглядеть элегантно и презентабельно. Срабатывает. Потом долго шушукаются, обсуждают.

Считаю, самое лучшее, — конечно, мысль не нова, — когда старший показывает пример младшему. Когда руководитель пьянствует, ведет разгульный образ жизни, к нему в заведение приходят гости и на глазах подчиненных у них начинается загул — что же это за обстановка получается? Какой пример даст молодому человеку? У меня же жесткая дисциплина, но, вместе с тем, все демократично. Я не стараюсь быть каким-то "мэтром", наставником-резонером. Но в то же время — никаких поблажек лентяям и неумехам.

— Но ведь воспитание не ограничивается только личным примером...

— Безусловно. Вообще я заметил, что молодые, во всяком случае, мои, многого не знали. Например, кто такой Шолохов? Пишут как курица лапой, да еще с чудовищными ошибками. Конечно, я не в состоянии дать им то, что обязана была сделать школа за 11 лет обучения. Не пытаюсь, насколько хватает сил.

Не скажу, что часто, но приглашаю в наше кафе актеров, интересных людей. Как правило, это мои знакомые, товарищи, друзья. Конечно, платить им гонорары за выступления нет возможности, но относятся они с пониманием — молодежь необходимо приобщать к искусству. Когда пригласил президента ассоциации магов Руденко, то для такого случая специально вызвал

смену, которая в тот день не работала. Ребята не пожалели о своем выходном. Еще бы! Николай Иванович такие фокусы показывал, все умирали со смеху. Выступал у нас и гобоист Большого театра Сережа Лысенко, между прочим, с мировым именем. Затем кларнетист Николай Соколов, тоже из Большого. Концерт устроили прямо на Сретенском бульваре, благо все происходило летом, перед кафе. Все прохожие сбегались послушать. Зимой, разумеется, выступления проходят в обеденном зале, заодно и посетители наших развлекаем.

Разве сейчас молодых затанешь в концертный зал, чтобы послушать тот же гобой? Да они и слова-то такого не знают! А понравилось. Заинтересовались. Да и я радуюсь — хоть услышали мои ребята, как звучат гобой, кларнет...

И просто в обязательном порядке мы все посещаем театры, выставки. Вначале артчались, дескать, делать больше нечего, как по театрам таскаться. Ну, нет уж, голубчики! Обязаны трудиться не только у плиты. И душа должна потрудиться. На мюзикле "Норд-Ост" побывали. Вообще, после каждого такого похода ребята всегда обсуждают увиденное, делаются впечатлениями.

А совсем недавно я собрал ребят, и мы отправились на экскурсию в ресторан "Националь". В какой же они пришли восторг! Даже не могли себе представить такую роскошь. Интерьер, дизайн, все на высшем уровне. Огромная кухня, а привыкли у нас к небольшой, тут же — такой размах. Посмотрели, как одет персонал, как они двигаются, держат себя. Класс! Затем шеф-повар "Националя" Анатолий Николаевич Галкин пригласил нас в зал, на фуршет. Изысканные закуски, канапе... Разнообразные напитки, кроме спиртного, разумеется.

— А зачем вы выбрали такой фешенебельный ресторан для экскурсии? Или специально хотели показать "планку" роста. Смотрите, мол, и вы сможете здесь работать, если учиться будете...

— Сейчас наша молодежь не видит высококлассных ресторанов. Жаль, что молодым просто не доступны роскошные заве-

дения, в которых они могли бы наслаждаться не только изысканными блюдами, но и внешней элегантной обстановкой...

А насчет "планки" — все верно.

Я постоянно твержу своим — учиться, бросайте всякие пустые забавы и занимайтесь образованием. Пока молодые, полные сил, знания дадутся вам легко, и вы обеспечите себе будущее. Это раньше повара имели узкий кругозор, были подчас малограмотными, из бедных, многодетных семей. Какая уж там учеба, дай Бог выжить. А вам-то что мешает учиться? Сейчас востребованы только образованные люди, со знанием иностранного языка, компьютера... У меня многие учатся в институтах. И я во всем иду им навстречу. Во время учебы составляю удобный для них график, чтобы на лекции успевали, на сессии отпускаются свободно, замена всегда найдется.

— Борис Николаевич, как вы считаете, в сфере быстрого питания "Макдоналдс" окончательно завоюет наши "российские просторы"? Будущее за ним?

— А он уже и так комфортно разместился на русских просторах. Да ведь дело не в "Макдоналдсе". Дело в здоровом питании. И продукты должны быть настоящими, а не скрепленные хрен с апельсином или земляника с треской. Суррогаты и всякие "гениальные" изобретения генной инженерии, наверное, хороши для искусственно выведенных людей. А для нас, простых смертных, рожденных не в пробирках или из клетки, а старым дедовским способом, сублимированная еда ничего хорошего не принесет. И здоровье подорвет, и на тот свет раньше времени отправит. Так что, дорогие мои, задумайтесь, чем вы питаетесь. И делайте выбор. ■

Беседовала **Наталья КОНЦЕВАЯ.**

За барной стойкой — на форпосте кафе.

Итак, вот он, обещанный в прошлом номере главный сюрприз армейской службы: **в армии ЛЮДЕЙ нет! А есть только ЛИЧНЫЙ СОСТАВ.** Кто додумался так красиво обозвать военнослужащих, остается тайной. Наверное, это нужно для того, чтобы каждый человек в погонах от рядового до полковника сразу понял, куда попал, и больше не строил никаких иллюзий.

Личный состав делится на **КАТЕГОРИИ. Это:**

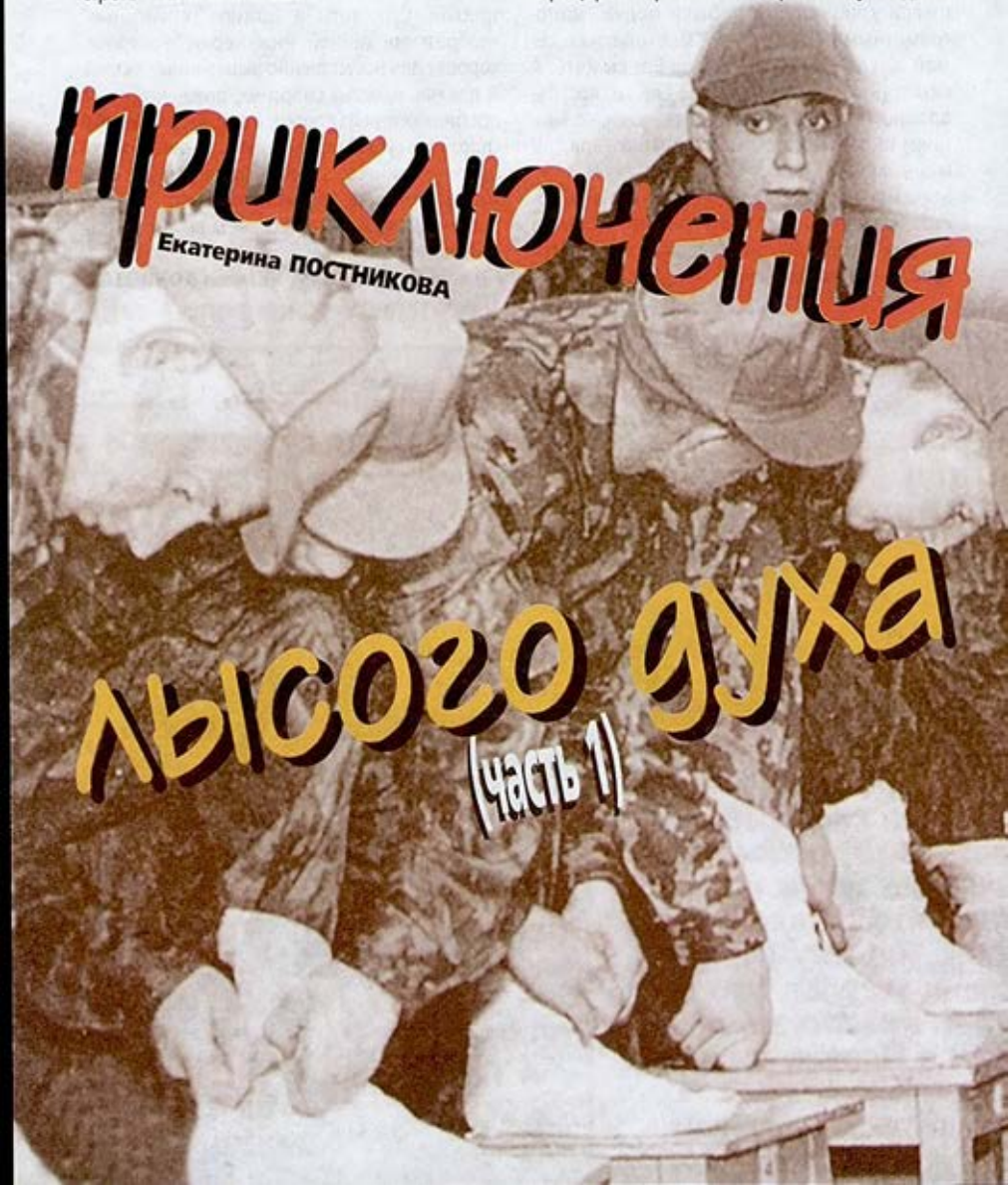
1. Офицеры. Как правило, мужчины от 21 года до 50 лет, окончившие либо военное училище, либо ускоренные офицерские курсы, либо гражданский вуз с военной кафедрой (о военной кафедре и офицерах-"срочниках" я расскажу в одном

Три ключения

Екатерина ПОСТНИКОВА

Лысого духа

(часть 1)

из следующих номеров). Офицеры делятся на лейтенантов, старших лейтенантов, капитанов, майоров, подполковников и полковников. В некоторых частях вам могут встретиться также и генералы, но близко контактировать с ними вы будете вряд ли, поэтому на генералах я подробно не останавливаюсь.

2. Прапорщики. Возрастные границы те же самые, что и у офицеров, но среди прапорщиков гораздо чаще попадаются женщины. Что поделать, в армии, как и во всем обществе, процветает половая дискриминация (об этом я тоже расскажу). Прапорщик — не офицер, но и не солдат, а нечто среднее, как, например, у медиков фельдшер — между врачом и медсестрой. В любом случае он — начальник, и его следует уважать и слушаться.

3. Контрактники. Совершенно особая категория, уже хотя бы потому, что контракт заключают ВСЕ кадровые военнослужащие, но собственно "контрактниками" называются лица, пришедшие "с улицы" и занимающие солдатские и сержантские должности. Среди них много женщин и молодых девушек, мужчины же принимаются на службу по контракту только после "срочной" службы. У этих людей, как правило, нет специального образования и военной специальности, в общем, они те же солдаты, только живущие дома, а не в казарме. Первый контракт заключается на три года, но может быть расторгнут по желанию военнослужащего или из-за его служебного несоответствия (из-за опозданий и пьянок, например).

4. "Срочники". То есть военнослужащие по призыву от 18 до 27 лет (максимальный призывной возраст). Никакого контракта они не заключают, уольются (в отличие от предыдущих категорий) по собственному желанию не могут, служат обычно два года (на флоте — три), живут по строгому расписанию, и жизнь их во многом напоминает жизнь заключенных. Делятся на сержантов и солдат, кроме того, среди них существует негласное разделение на "молодых" и "дедушек" (об этом чуть позже).

Кроме обычных воинских (хотя правильнее говорить — "войсковых") частей, существуют еще военные учреждения, такие как госпиталь или научно-исследовательский институт, они могут иметь другую структуру, но в любом случае служить там гораздо легче. "Контор" или "почтовых ящиков" пугаться тоже не надо (смотри предыдущий номер).

Итак, перед вами распахнулись ворота со звездами (гербами, эмблемами, без ничего — как повезет): Вы вошли, и ворота за вами захлопнулись. Здесь пути "срочников" и контрактников вновь пересекаются, причем последние (чистенькие, нормально подстриженные, получающие законную зарплату и в шесть часов вечера пулей улетающие по домам) смотрят на первых с плохо скрытой жалостью, радуясь, что (зависит от пола) либо уже отмучились на "срочной", либо вообще родились девочками.

Внутри воинской части разобраться легко. Возле штаба, как правило, ровным рядом растут елочки, над подъездом висит российский флаг (эмблема войск, двуглавый орел, ничего не висит), а на всех этажах происходит постоянная тусовка офицеров и прапорщиков. Там вам особо делать нечего, и чем реже вы будете появляться в штабе, тем лучше для вас.

Примечание № 1. Если вы "срочник", всеми силами избегайте штабных должностей, связанных с оформлением документов. Да, не спорю, там тепло и чисто, но писанины на вас навалит выше крыши, спрятаться от начальства будет невозможно, а погонять монстров на казенном компьютере вам все равно не дадут.

Столовую нетрудно найти по устойчивому запаху вареной капусты. Впрочем, через несколько дней службы вы так часто будете думать о еде, что столовая начнет вам просто снится. Не промахнетесь.

Плац — это не сооружение, а асфальтированная площадка неподалеку от штаба, где проходят все строевые занятия и "разводь", построение личного состава. Тут вы тоже не ошибетесь, более того, это место вы вскоре возненавидите всеми фибрами души.

В казарме вам предстоит жить и, возможно, работать, поэтому следует сразу запомнить расположение своей койки, выяснить, где туалет, умывальник, кладовая, место для чистки обуви и прочее. Тому, кто не запомнил этого сразу, помогут сержанты, но лучше все-таки их помощью активно не пользоваться и вообще не привлекать к себе много внимания.

Примечание № 2. Вы не забыли о своих талантах и способностях? Можете забыть. Пусть о них помнят ваши офицеры.

В казарме котируются всего несколько умений:

1. **Рисовать.** Художники в армии нужны, потому что должен же кто-то разрисовывать "дедушкам" дембельские альбомы и делать стенгазеты и боевые листки.

2. **Стричь.** Если думаете, что в каждой части есть штатный парикмахер, вы ошибаетесь. Часто бывает, что парикмахером становится умелец из "срочников", к которому бегут не только другие солдаты, но и штабные офицеры.

3. **Шить.** "Дедушкам" нужны не только красивые альбомы, но и нарядная "дембельская" форма.

4. **Делать различные поделки и сувениры.**

5. **Играть на гитаре** (губной гармошке), петь, имитировать голоса других людей, сочинять стихи, вообще что-нибудь сочинять, писать красивым почерком, в общем, творить высокое искусство. Главный враг солдата — скука, поэтому свой и чужой досуг каждый заполняет, как может.

В казарму вас ответит "ваш" сержант. Но сначала новобранцев строят возле штаба, пересчитывают, сверяют со списком и за-

дают риторический вопрос: "Пьяные есть?" Вы спросите: зачем пересчитывают и сверяют, если это делалось уже не один раз?

Хорошо. Расскажу вам одну историю, которая называется "**Левый пассажир**".

... Капитан, который привез ребят из распределителя, очень торопился. Часы показывали уже семнадцать пятьдесят шесть, у офицера вот-вот должен был уйти автобус, а следующий ожидался лишь через сорок минут, поэтому призывников бегло осмотрели, сдали двум сержантам, список заперли в сейфе вместе с пачкой "военников", и капитан убежал, решив разобраться завтра. Сержанты хотели спать, на вечер им дали кассе-

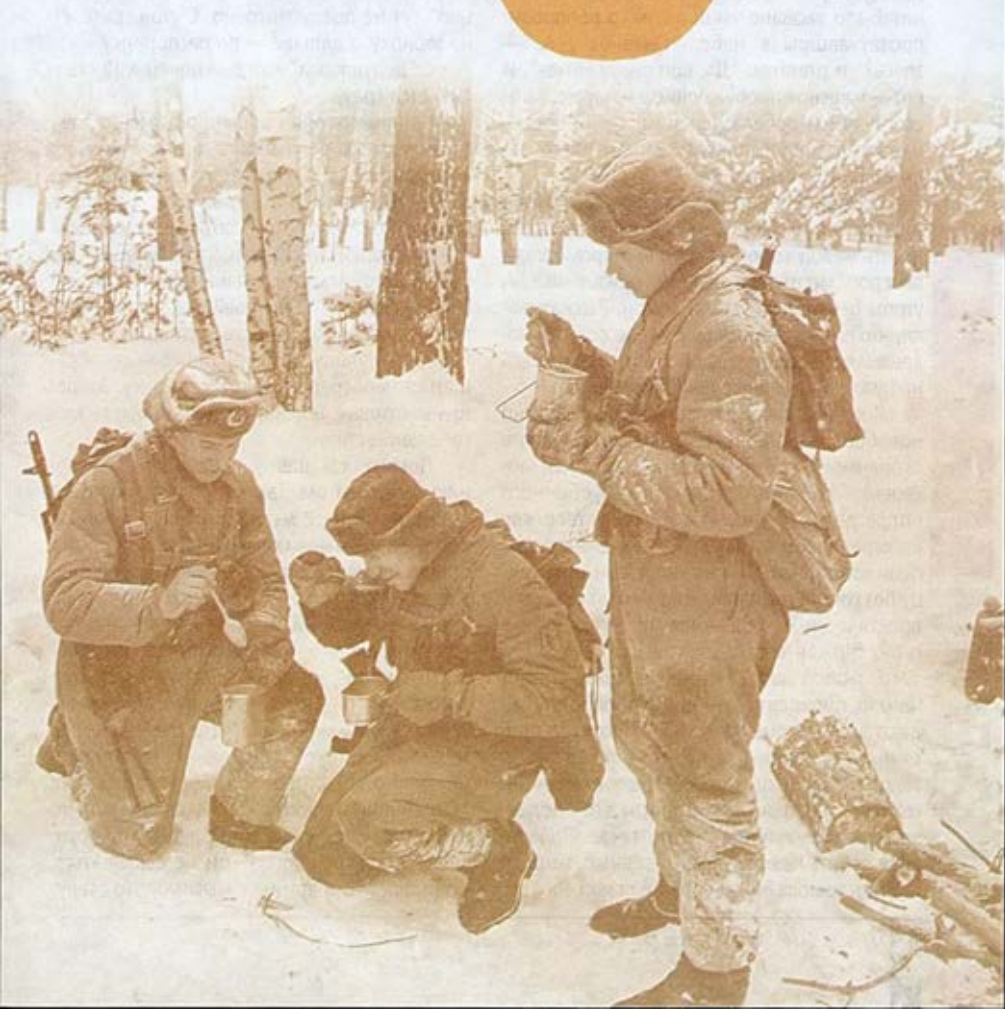

ту с интересным фильмом, в канцелярии остывал чай, поэтому напрягаться они тоже не стали, отвели новеньких в баню, раздали всем форму (одному формы не хватило, и ему сунули пока чье-то поношенное "хебе") и с облегчением самоустранились. Никто не обратил внимания на то, что призывников не двадцать два, как положено, а двадцать три. Не заметили этого и сами призывники, которые понятия не имели, сколько их должно быть в группе, одновременно прибывающей в часть.

Глубокой ночью один из сержантов, неплохой и весьма демократичный парень, тихо покуривая в туалете и перечитывая пись-

мо дамы сердца, вдруг подскочил на подоконнике от истошного вопля, пронесшегося по казарме: "Ой, бли-и-ин!!!". Это не было испуганным писком бритоголового новобранца, так мог орать только чем-то потревоженный "дедушка", поэтому сержант, то-ропливо бросив окурочку в раковину и скомкав письмо, вылетел в коридор, готовый к чему угодно, даже к ядерной войне.

В коридоре, в свете слабенькой лампочки, загоразивая собой застывшего от ужаса дневального, стоял огромный, обритый наголо парень лет двадцати с небольшим, одетый только в трусы и очки, и дико озирался по сторонам. "Ты чего? Ты кто?.." — пробор-

мотал сержант, держась за сердце. "Я — Дима! — гаркнул очкарик. — Где я?!" "Ты в армии.... А как твоя фамилия?" — Сержанту становилось все больше не по себе. "В какой армии?! — окончательно озверел новобранец. — Я уже три года как на дембеле!!!"

Выяснилось следующее. Дима провожал в армию младшего братишку Дениса. Каким чертом его занесло в распределитель, он не помнил, потому что незадолго до этого они с братишкой допили литровую бутылку домашнего самогона крепостью 60 оборотов. Не знал он так же, куда делся сам братишка (позднее выяснилось, что Дениса благополучно увезли в танковую часть). Вчерашний день утонул в тумане. Короткое просветление было вызвано лишь чьим-то вопросом, прозвучавшим в небе: "Семенов Д.А. — здесь?" и ответом: "Да, вон он, дрыхнет". И вот — ужасное пробуждение в казарме, с высокoblенным добела черепом, среди восемнадцатилетних сопляков. Есть от чего зарорать благим матом.

Сержанты долго успокаивали Диму, поили чаем с сушками, хохотали и пытались выяснить между собой, как это они проморгали вечером мертвецки пьяного призывника. А утром беднягу отпустили домой. Рассказывают, что его пламенная речь, адресованная закрывшимся воротам части, не переводилась на русский язык даже приблизительно...

Конечно, такое случается редко. Обычно новобранцев строят, проверяют и ведут в "карантин", который везде называется по-своему. "Карантин" отличается от обычного подразделения тем, что его обитатели как бы ограничены в правах по сравнению с другими солдатами. Они не могут выйти на улицу без сопровождения, всюду ходят строем и практически не общаются ни с кем, кроме своих сержантов.

В любой части новеньких сразу стригут наголо, проводят санитарную обработку, выдают всем форму. Мало ли кто откуда приехал. Есть, например, такие, которые приезжают из деревни и впервые в жизни видят сотовый телефон, даже просят его "подержать", чтобы понять, что это такое. Попадают ребята с педикулезом (вшами), мышечной дистрофией (таких сразу ставят на "до-

корм"), да и просто не привыкшие мыться. А в армии без гигиены нельзя, одно насекомое в волосах или белье призывника может вызвать целую эпидемию.

Именно из-за стрижки наголо новобранцев часто называют "лысыми". Хотя название может быть много: "духи", "слоны", "молодые" и тому подобное. "Молодой" отличается от "дедушки", как небо от земли, в первую очередь — внешним обликом, и бритая голова играет тут немаловажную роль.

Первый день, обычно вечером, в армии весь уходит на обустройство, а наутро для нового солдата начинается собственно военная служба, никакой специальной "адаптации" тут не предусмотрено. С утра сразу же на зарядку, а дальше — по распорядку.

С "дедушками" каждый новенький сталкивается сразу.

Например, один парень по имени Олег, с которым мы разговорились в военкомате, вспоминал свой первый армейский день так:

— Ну, приехал в часть. Всех собрали в "ленинскую" комнату и объяснили права и обязанности. Нам сказали, что в "учебке" мы будем находиться ближайšie полгода, там из нас сделают водителей-механиков. Нам положено только слушаться старших, не выходить на улицу без сопровождения, обращаться непосредственно к сержанту. Запрещены сотовые телефоны, нельзя иметь при себе ценности.

Помню, как шел к своему подразделению с сержантом. Там у подъезда курилка примерно 2 на 2 метра: асфальтированная площадка, четыре скамейки. В этой курилке стояли не менее сорока человек, тесно прижавшись друг к другу, и курили. Над толпой витал зеленоватый дым и характерный запах чего-то горящего. Так вноют дешевые сигареты "Прима", которые в части выдают солдатам. С собой у меня была двухлитровая бутылка "Аква-минерале" (после проводов мучило жестокое похмелье). Оставалась примерно одна треть воды. Сержант сказал: "Отдай воду пацанам". Я сначала думал, что в курилке собрались мои "деды", поэтому, само собой, решил с ними не связываться. Собирался-то в армию с мыслью, что станут

бить, издеваться, будет "дедовщина". И бо-
лся, и понимал, что все это неизбежно.

В общем, зашел в курилку, вытянул из
сумки бутылку и по гражданской привычке
небрежно протянул ее солдатам. И на эту бу-
тылку вдруг наваливается вся толпа, выхва-
тывает ее, один другого отталкивает, кто-то
упал, по нему ногами. Настоящая драка. На
это было дико смотреть. Только потом я по-
нял, что там стояли ребята из моего же при-
зыва, только прибывшие на несколько дней
раньше. Я же сначала не знал, как отличить
"духа" от "дедушки" по внешнему виду.

Поначалу, когда только призываешься,
идет отвыкание от гражданской жизни. Не
дают сладкого, строгий режим, много запре-
тов. На гражданке, где есть возможность
просто пойти и купить шоколадку, ты можешь
быть, и не пойдешь за ней. Но в армии при
виде какой-нибудь конфетки начинает течь
слюна, как у бешеной собаки, настолько хо-
чешь ее съесть. Мне самому первые дни на-
вязчиво снились пончики в сахарной пудре.
Так что ребят из курилки можно понять.

Захожу в подразделение, отвели меня в
канцелярию, а там уже сидят настоящие
"деды". Спокойные такие, развалились на
диване, ноги вытянули: "Ну, давай, показы-
вай, что ты там привез". С собой мне мама
собрала покушать, положила много всяких
нужных вещей, восемь шоколадных батон-
чиков. "Деды" сразу съели все шоколадки,
забрали консервы, часть отложили "на
ужин" или "к чаю". Побрезговали только си-
гаретами "Новость", потому что не курили
ничего ниже "Золотой Явы". Но такой поря-
док не везде. Например, мой знакомый па-
рень, который служил в Алакуртии, расска-
зывал, что там дедушки курили даже "При-
му" без фильтра.

Ну, сидят они, едят мои шоколадки. С со-
бой у меня был крем после бритья "Нивея".
"Дедушка" посмотрел, говорит: "О, у тебя
крем какой хороший. Давай меняться?" "Да-
вай". Взамен принес свой, тоже "Нивея",
только не крем, а бальзам, наполовину пу-
стой тюбик. Я подумал: "Ну, хоть так хоро-
шо". Взял, а утром на тумбочке — ни того,
ни другого. То есть крем забрали без незави-
симо от того, согласен ты или нет.

Спросили еще: "Деньги есть с собой?"
Сразу ведь не отбирают, сначала присматри-
ваются, проверяют, пойдет ли человек "сту-
чать". Если на "дедушку" "стукнут", ему гро-
зят самые настоящие неприятности вплоть
до уголовного дела и дисциплинарного ба-
тальона. Поэтому свой вопрос насчет денег
"деды" объясняют так: "Ты нам отдай день-
ги на хранение, мы их в сейф положим, а то
у тебя их ночью украдут". На самом деле, ни
в какой сейф твои деньги класть не будут.
Поэтому я, по совету старшего брата, мелочь
оставил в кармане, а сторублевую бумажку
зашил в резинку трусов. И когда "дедушки"
спросили: "Деньги с собой есть?", отдал им
двадцать рублей и объяснил, что остальные
проел по дороге.

Ночью, конечно, увели все, что можно.
Уже потом я по-тихому пошел в магазин и
купил себе обычный крем после бритья, од-
норазовые станки, мыло, зубную пасту и
прочие мелочи. Все подписал, чтобы не взя-
ли свои, из моего же призыва. Это в принци-
пе возможно, хотя в армии "крысятничест-
во" (воровство у своих) не приветствуется.
Существует даже своеобразная проверка на
"вшивость". Деньги оставляют на тумбочке
якобы без присмотра, а сами наблюдают, кто
на них позарится. И случается, что один рав-
нодушно пройдет мимо, другой крикнет:
"Чьи деньги? Заберите, а то украдут", а кое-
кто и сунет их в карман.

Когда приходишь в часть, для тебя суще-
ствует два варианта: жить "по дедовщине"
или "по уставу". Как правило, каждого
вновь прибывшего спрашивают, какой об-
раз жизни он выберет. Но что ответить, если
ничего не знаешь ни о том, ни о другом? То-
гда советуют: "Пойди, поспрашивай осталь-
ных и определись". Остальные — это ребята
из твоего же призыва, прибывшие в часть
раньше тебя. А самый первый из них, тот,
кто получает информацию от самих "деду-
шек", называется Золотой. Золотому сразу
же дарят кожаный ремень со сверкающей,
как золото, бляхой — это почетно. Он и рас-
сказывает другим "духам" о том, что такое
"дедовщина".

Но я расскажу об этом в следующем но-
мере...

ВОТ В

Полина ТЕСЛЕР

Некоторые виды спорта возникли неожиданно, а другие рождались в течение длительного времени. Об одном из этих "медленно рождающихся" видов спорта, о теннисе, мне бы и хотелось поговорить. Именно теннис, а не пинг-понг, хоккей или бокс, является любимым видом спорта олигархов, президентов, богемы и элиты всего мира.

Конечно, как всегда, все началось с греков и римлян. Именно у них была игра в мяч, похожая на будущий теннис. Позже она стала называться французской игрой, потому что в течение всего XIV века в нее играла вся Франция. Особенно люди благородного происхождения. Даже Людовик X умер от тенниса, точнее, от простуды, полученной во время игры, похожей на теннис. Слово "теннис" произошло от французского "тенназ", что означает: "Вот вам, играйте!"

Потом теннис стал называться королевской игрой. Произошло это не только из-за того, что Людовик X отдал жизнь теннису, но и из-за большого интереса, проявленного к игре королями Франции и Англии. Генрих II, например, считался лучшим теннисистом или, как говорят сейчас, первой ракеткой того времени. А позже, в 1529 в Англии, в Хэм-

птоне Генрих VIII построил настоящий теннисный корт, которым пользуются и поныне.

В США этот вид спорта пришел с Бермудов. В Нью-Йорке игрой стали регулярно заниматься с 1870 года, в построенном "Рэкет Корт Клабе". Затем создали корты в Бостоне, Ньюпорте и Чикаго.

А у нас на Родине дело обстояло так. 28 августа 1878 года на набережной Финского залива собралась толпа зевак. Еще бы: предстояло, как сообщала одна из питерских газет, "открытие первой в России теннисной ярмарки с демонстрацией для почтенной публики новой игры". Один из очевидцев потом написал: "На выставке продавались всем на удивление одетые в шерсть резиновые мячи, ракетки, натянутые звенящими струнами, и демонстрировалась молодыми служащими Русского торгового банка и английскими дипломатами новая модная в Ев-

ропе игра — лаун-теннис". Финалом ярмарки стал пышный "деловой банкет". На нем и был принят "Манифест о всемирном развитии лаун-тенниса в России". Там же сформировали инициативную группу, которая занималась реализацией "Манифеста". Это событие принято считать родоначальником отечественного тенниса.

Буквы, слова, фразы... Именно из этих слагаемых состоит любое литературное произведение. Игра в теннис — тоже своего рода творческое, яркое и довольно сложное произведение со своими слагаемыми. Его буквы — отдельные приемы техники — удары; фразы — целые фрагменты игры. Конечно, описать все это очень сложно, спортивную технику лучше изучать с помощью наглядных пособий. И задача каждого начинающего игрока должна заключаться как раз в прочном освоении именно этой универ-

сальной азбуки, которая позволяет вести активную игру, как мужчинам, так и женщинам. Вот, несколько самых элементарных приемов, которые нужно знать на зубок, делая первые попытки в этом не легком виде спорта.

— Осваивайте весь комплекс основных ударов и старайтесь выполнить их с возможно более точным адресом, варьируйте удары по направлениям, силе, особенностям вращения мяча, высоте точки контакта ракетки с мячом.

— Овладевайте "хитрыми" ударами, позволяющими маскировать тактические замыслы, действовать неожиданно.

— Развивайте способность выполнять удары в стремительном темпе, в свободном и быстром передвижении по площадке в различных направлениях.

— Добивайтесь при каждом ударе оптимальной протяженности подготовительных и ударных движений, специально овладейте ударами с короткими замахами, позволяющими держать мяч в условиях строгого дефицита времени.

Но, на самом деле, у каждого теннисиста своя тактика игры, да и не только игры. Порой мировые ракетки бывают очень суеверны и, чтобы их никто не посмел взглянуть, выбирают и особую тактику поведения. Например, швейцарский теннисист Марк Россе, если выигрывает в матче, то берет мячик только от того же, подающего мячи, мальчика, а если проигрывает, то уже у другого.

Наверное, смотря теннис, вы не раз замечали мальчиков и девочек, подающих мячики во время игры теннисистам. На теннисном сленге их называют ball boy и ball girl. Их работа не так уж проста, как кажется на первый взгляд, в период напряженной игры очень сложно разобраться, куда полетел мячик, и какому теннисисту его надо

отдать, да еще и перебежать на другую сторону корта, не помешав игрокам. Как правило, эти юнцы тоже начинающие спортсмены.

Однако продолжим разговор о знаменитых

и то - стях. Я думаю, что многие девушки с замиранием сердца смотрели выступления на корте спортивной звезды первой величины, гостя королей и президентов, и просто потрясающего мужчину, Марата Сафина. Он за сезон от ярости ломает около сорока ракеток. А перед матчем кладет в карман фото своего кумира, тоже великого теннисиста Горона Ивановича. За успехи в теннисе, в свои двадцать два года Марат владеет состоянием, оценивающимся в восемь миллионов долларов США.

...Стадионы восторженно замирают, а она не спешит разгибаться: длинные ноги важнее мощной подачи! Все мужчины догадались, о ком пойдет речь дальше, конечно же, об Анне Курниковой. Проигрывать Курниковой в женском теннисе считается последним делом. На пресс-конференции в 1997 году, когда не менее знаменитая теннисистка Мартина Хингис вырубил Курникову в полуфинале Уимблдона, на вопрос о причинах своей победы Хингис ответила: "Я сказала себе: нельзя проиграть этой...!" Вместо того, чтобы произнести последнее слово, Мартина скрипнула зубами. Хингис не одинока. Весь женский теннис против Анны Курниковой. Ее высокомерие и заносчивость, ставшие притчей во языцех, дополняются здоровой женской ревностью к спортсменке, каждое появление которой на корте превращается в шоу для представителей сильного пола.

Не перечислить всех заслуг Евгения Кафельникова, который выиграл Олимпиаду в Сиднее (2000 год), Открытый чемпионат Австралии (1999 год), Открытый чемпионат Франции (1996 год), стал первой ракеткой мира (1999 год), пять раз подряд выиграл "Кубок Кремля" (1997 — 2001).

Теннис принес Кафельникову не только успех, но и хорошее состояние. О его жизни на широкую ногу говорит тот факт, что Женя за свою карьеру успел заработать около 21 604 152 долларов, купить, а потом продать два самолета, обзавестись недвижимостью в Карлсруэ (Германия), Вазеле (Швейцария) и Сочи. Правда, лично мне один раз довелось увидеть Евгения Кафельникова в неофициальной обстановке, скажу прямо, многомиллионное состояние совсем не отражается на его характере и скромной, интеллигентной манере поведения.

А где же можно увидеть игру этих звезд большого спорта, спросите вы? Об этом пойдет речь дальше.

Один из самых знаменитых турниров по теннису, конечно же, "Кубок Кремля" — первый в истории России международный, профессиональный турнир, основанный в 1990 году швейцарским бизнесменом Сасоном Какшури. Это соревнование входит в число самых значительных ежегодных, спортивных мероприятий, проходящих в России. Призовой фонд "Кубка Кремля" составляет 2 150 000 долларов. Турнир длится ровно неделю и проходит, как правило, в первых числах октября в спорткомплексе Олимпийский.

Уимблдонский турнир по теннису вы можете увидеть в Англии. В пределах Большого Лондона. Это ежегодное неофициальное первенство мира по теннису, проводящееся с 1877 года.

Кубок Дэвиса — командный чемпионат мира, хотя официально он так не называется. Впервые этот кубок был разыгран в 1900 году. Идея проведения такого соревнования для мужских национальных команд принадлежала американскому студенту Гарвардского университета Дуайту Дэвису, который за 1000 долларов приобрел переходящий приз для победителя. Приз этот — красивая,

массивная серебряная, отделанная золотом чаша, которая вскоре получила неофициальное, но часто употребляемое название "Серебряная салатница". В первом розыгрыше участвовали только две команды — США и Великобритании. Собственно, по идее Дэвиса, Кубок и задумывался как матч теннисистов только этих двух континентов. Конечно, Дэвису и в голову не приходило, что со временем за его "Серебряную салатницу" будут бороться команды более чем ста стран.

Эх, надоело про звезд и про их чемпионаты с многомиллионным призовым фондом. Мы с вами люди простые, на поддержку самого Марата Сафина нам рассчитывать нет смысла, поэтому в мир тенниса будем выбираться собственными усилиями. Да, и я, конечно, не Аня Курникова, но несколько полезных советов дать могу. Естественно,

наиболее важным атрибутом для игры в теннис является ракетка, и нужно очень серьезно подойти к ее выбору. Вот несколько рекомендаций:

1. Наиболее тяжелый обод (верхняя, круглая часть) ракетки бьет мощнее.

2. Тяжелый обод меньше вибрирует, чем легкий.

3. Жесткий обод передает руке больше ударной силы, чем гибкий.

4. Большой обод бьет мощнее.

Не менее важную роль играет и натяжка струн:

1. Ракетка со слабой силой натяжки бьет мощнее (при условии, что струны не двигаются относительно друг друга).

2. Сильная, жесткая натяжка позволяет лучше контролировать мяч (для опытных игроков).

3. Ракетки с пониженной плотностью струн (меньше количество струн) бьют мощнее.

4. Ракетки с тонкими струнами также бьют мощнее.

5. Мягкие струны (или струны с мягкой оболочкой) меньше вибрируют.

6. Тонкие струны придадут большее вращение мячу.

Чтобы привлечь вас, да и самой побольше заинтересоваться этим видом спорта, я навела справки у своих сверстников, людей, занимающихся теннисом, пусть не профессионально, но периодически, людей, для которых теннис — это хобби, приятное времяпрепровождение.

Кирилл, 21 год. "Для меня теннис это процесс физический и умственный, тут надо не просто лупить по мячику ракеткой, надо думать о тактике удара, о направлении и силе, о выгодно занятой позиции на корте.

Ощущения, конечно, я испытываю самые лучшие, это моя игра, иначе я бы не повесил ей 8 лет жизни".

Катя, 20 лет. "Мне нравится играть в теннис, так, ради своего удовольствия. А вообще, на мой взгляд, последнее время это стал безосновательно размажоренный вид спорта. И весь шум-гам вокруг него чрезмерно раздут. Все теннисистки, едва успевая сде-

лать мало-мальскую карьеру, начинают играть из рук вон плохо, зато не вылезают со всяких светских тус. Вот, кстати, и анекдот у меня есть на эту тему:

Стоит нищий на Красной площади и просит: "Подайте, пожалуйста, подайте"...

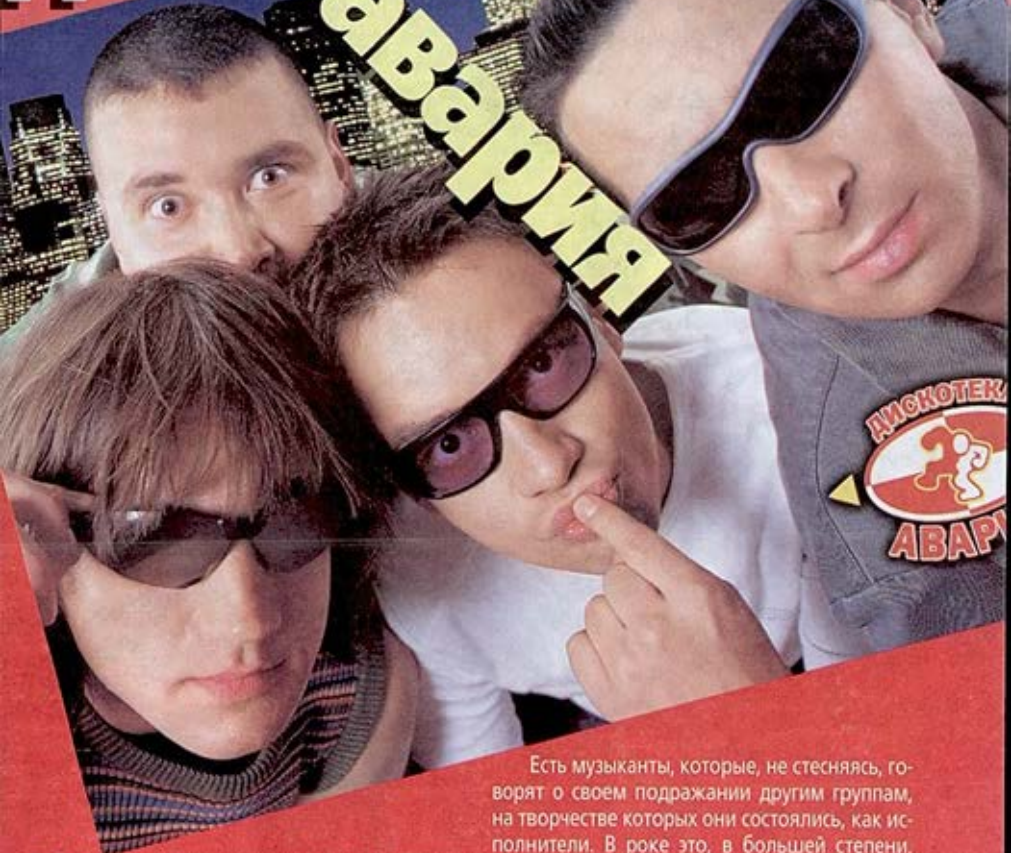
Мимо проходит Ельцин, останавливается и говорит: "Э-э, как же я тебе э-э подам, понимаешь, без ракетки и э-э мячика?"

Надеюсь, я хоть немного убедила вас расстаться с посиделками в кафе и пойти на корт! Поскольку время сейчас не теплое для открытых площадок, предлагаю отправиться на закрытые корты, которых в Москве предостаточно. Например, хороший и недорогой есть во дворце спорта "Лужники", в спортивных комплексах "Чайка", "Москва" и "Энергия".

На прощание хотелось бы сказать, что мир тенниса никогда не тесен! В нем всегда найдется место для нового пополнения. Только вот игра эта дорожает прямо на глазах. Бесплатных теннисных секций практически не существует даже для маленьких детей. И тренера, и время, проведенное на корте, и сборы надо оплачивать, не говоря уже о дорогом спортивном инвентаре, форме и т.д. Не каждой семье это по плечу. У меня на даче висит выцветшая фотография: моя прабабушка в длинной юбке на корте с ракеткой. Это в подмосковной Тарасовке. Осталось даже приглашение, где бабушке предлагали разыграть первенство между Тарасовкой и соседней Мамонтовкой, в которой теперь я живу летом. Когда-то в нашем поселке было двадцать семь земляных корта. Остался один. Он утопает в гуще сирени, на нем всегда играют, соблюдая форму и этикет поведения. Недалеко от нас Загорянка. В ней на таком же корте когда-то начинал играть Николай Озеров, Анна Дмитриева и другие прославленные теннисисты недалеко прошлого. Они приходили на корт мальчишками и девчонками, с ракеткой не по размеру, наверное, не в строгой спортивной форме и начинали, фанатично полюбив теннис, играть с утра до ночи, благо такая возможность у них была. В отличие от нас. ■

ДИСКОТЕКА

АВАРИЯ

■ За последние несколько лет "Дискотека Авария" превратилась из группы, производящей популярные ремиксы на известные шлягеры, в едва ли не главную надежду отечественной поп-музыки. Собственный репертуар "Аварии" по популярности уже опережает их обработки чужих песен, хотя музыканты продолжают работать и с другими коллегами-музыкантами.

Основные составляющие успеха "ДА" — чувство юмора и хорошее чутье на актуальные звуки: группу нельзя отнести ни к одному из музыкальных жанров, хотя в их песнях попадаются элементы рэпа, техно, советской эстрады... А начинали они вообще с чистого рока.

Есть музыканты, которые, не стесняясь, говорят о своем подражании другим группам, на творчестве которых они состоялись, как исполнители. В роке это, в большей степени, подражание "The Beatles". В поп-музыке вообще сплошь и рядом откровенный плагиат, мотивированный тем, что ничего нового уже не придумаешь, а раз люди ходят на концерты, значит им это нравится. У "Дискотеки Аварии" и слова, и музыка свои.

Николай Тимофеев с Алексеем Рыжовым, автором музыки и слов всех песен, познакомились еще в классе пятом — оба учились в Иваново, правда, в разных школах. Их первое знакомство оказалось не очень успешным: вначале Тимофеев захотел побить Рыжова — они что-то не поделили. Потом встретились вторично в летнем лагере "Фрегат", и у них оказалось много общего в музыкальных пристрастиях. После школы, когда начали созда-

вать группу, к ним присоединились Алексей Серов и Олег Жуков (несколько лет назад Олег умер).

Название появилось не для пафоса и привлечения внимания к очередному попсовому провинциальному

boyband-у, а когда они еще в Иваново вели дискотеки и назывались группой "Интервью". На очередной дискотеке в какой-то момент вся аппаратура вырубилась, наступила полная тишина и темнота. Ребята сказали: "Спокойно! Мы — "Дискотека Авария", выступление не закончено". Так и стали называть свою группу. И это название частенько оправдывалось: у них была ужасная техника, которая все время ломалась, на концертах гас свет или обрушивался балкон.

Первый ремикс они сделали группе "На-На" на песни "Упала шляпа", "Красивая" и "Фаина". Тогда Алексей Рыжов перебрался в Москву и искал средства к существованию, а Бари Алибасов искал молодого, недорогого и талантливого человека, который смог бы сделать ремиксы. Так они встретились. Денег было немного, но главное — появилась уверенность, то, что Алексей Рыжов делал для публики из Иваново, может стать популярным и для всей страны.

Сейчас "Дискотека Авария" — победители премии "MTV Europe Music Awards"-2002 в Барселоне в номинации Best Russian Act (Лучший Российский Исполнитель).

Новое видео от "Аварии" "Небо" — сейчас на первых местах в хит-парадах музыкальных каналов. Сами артисты очень довольны итогом работы: "Главная мысль в песне и, соответственно, в клипе — вознестись над суетой. Вспомнить, что есть в мире истинные цен-

ности, а за повседневностью событий их не замечашь". Для "Дискотеки Аварии" эта песня необычна — раньше они не пели так серьезно о любви, чтобы полностью без иронии и стеба. "Нам, как людям творческим и ищущим, захотелось поэкспериментировать. Мы поняли, что настоящая романтика нам доступна и двигаемся дальше".

"Дискотека Авария" стали дважды лауреатами премии "Муз-ТВ", как "Лучшая поп-группа" и "Лучший танцевальный проект", а вот на "Евровидение" не собираются, считая, что этот конкурс не их формата. Музыканты говорят, что их песни, стиль поведения на сцене несколько отличаются от требований конкурса. Вот премии "MTV" и "Муз-ТВ" — явно их формат.

В день своего 13-тилетия, 5 июня прошлого года, они стали победителями в двух номинациях на премии "Муз-ТВ". Получается, что для них это число даже счастливое. А выступать они собираются до тех пор, пока будут видеть и понимать, что

группу "Дискотека Авария" любят и ждут. Что всегда очень чувствуется.

— Считаете ли вы себя чьими-то последователями, своего рода учениками, или вы сами по себе?

Николай Тимофеев: — Я не считаю группу "Дискотека Авария" чьими-то последователями. Семь нот существовали задолго до нас. И все музыкальные ходы, сочетания звуков были придуманы еще даже до Баха и Моцарта. Просто каждый артист интересен тем, что он самобытен. Надеюсь, что и мы этим же интересны зрителям.

Алексей Рыжов: — "Дискотека Авария", на наш взгляд, самодостаточный проект. У каждого, конечно, есть свои учителя, в том числе и в музыке. Но мы стараемся быть не похожими ни на кого.

— Кого вы считаете своим зрителем? Не заигрываете ли с публикой, или же делаете то, что считаете нужным?

Алексей Р: — Наши зрители — это все те, кто слушает "Дискотеку Авария". Мы заводим зал, публика отвечает нам взаимностью, подхватывает наше настроение. Всегда важно иметь контакт с залом, энергетическое единение. Кто приходит на наши концерты, покупает наши диски, пишут нам на сайт "www.avariya.ru", — те наши.

А еще на наши выступления приходит много детей, — конечно, если концерт проходит не в ночном клубе. Нам приятно видеть радостные детские глаза, потому что дети — самые правдивые и благодарные слушатели.

Николай Т.: — А что такое "заигрывать с публикой"? Кокетливо улыбаться или шаркать ножкой? Непонятно! Зачем заигрывать, когда нужно просто честно делать свое дело, всегда быть искренним со слушателями. Заигрывание вызывает недоверие.

— Трудности на гастролях были?

Алексей Серов: — Смотря, что считать трудностями. Мы уже не первый год колесим по городам, поэтому почти привыкли и к неудобствам в дороге, и к гостиничным издержкам. Хотя сложно привыкнуть к многому...

— У вас есть свой слушатель, уже получили много престижных наград, постоянно даете концерты и гастролируете. Стало быть, многого добились. А что дальше?

Алексей С.: — Главное — не награды, хотя их получать крайне приятно, главное — понимание слушателей. А его постоянно, вновь и вновь необходимо завоевывать. Чтобы не разочаровать, удерживать как можно дольше его любовь и интерес. Для этого необходимо много работать и постоянно совершенствоваться. А совершенству, как известно, предела нет.

Беседовала **ОЛЬГА БЫСТРЫХ**.

В заднем кармане джинсов лежали скомканные пятьдесят рублей. Они были последние.

В метро он купил билет на десять поездок и, увлекаемый потоком, прошел через турникет. Стоял на эскалаторе, задумавшись неизвестно о чем, и только уже внизу понял, денег больше ни копейки, и неизвестно, когда они теперь появятся. Сергей нервно скомкал старый проездной билет, где внизу стояли унылые нули, и отшвырнул в сторону. Машинально взглянул на оставшийся в руке билет. В нижнем ряду стояли все те же унылые нули... А какой же билет он только что скомкал и выбросил кому-то под ноги? Да тот самый, новый, который только что купил — на последние пятьдесят рублей...

— Ну, вот, опять началось... — прозвнес он вслух и увидел, что стоявшая рядом девушка удивленно и заинтересованно посмотрела на него. Глаза у девушки были ярко-синего цвета. "Вхожу в штопор", — пояснил он и пошел дальше, не став уточнять, в какой именно "штопор" входит. Главное, ему самому это было ясно: он входил в новый, очередной штопор невезения.

Сергей не сказал бы, что родился неудачником. В юности и молодости был как все — не лучше, не хуже. Сейчас же, в зрелом возрасте, можно сказать, в расцвете сил и лет, когда, казалось, был накоплен большой опыт, пришла житейская мудрость и рассудительность, неудачи неотрывно следовали за ним.

В последние годы будто какой-то рок преследовал его. Куда бы он ни устроился — опытный специалист по международной торговле, — его непременно сначала с успехом использовали, а потом "кидали", оставляя буквально без ничего. Фирмы, которые его "кидали", продолжали развиваться и благоденствовать, а он, вышвырнутый на улицу, еле выпутывался из темных и опасных дел.

Лежание на диване теперь стало его обычным делом. Он не спал, но и не бодрствовал, просто лежал, не думая ни о чем. Все, о чем можно было подумать, он уже передумал. А теперь оставалось только лежать. В такие минуты ему не хотелось даже вставать и звонить по телефону, чтобы вновь начинать поиски работы.

Несколько лет назад, когда начались фатальные неудачи, Сергей ушел от жены. Людям вообще свойственно сторониться неудачников. И это, считал Сергей, было естественным. А жена — она тоже человек. Почувствовав, что он становится ей в тягость, Сергей просто ушел — благо, у него была квартира, в которой до недавнего времени жил его дед. В эту квартиру, заставленную старой мебелью и заваленную драным барахлом, он не мог привести женщину. И не только потому, что его жилье было далеко не европейским, а потому, что просто не мог позволить себе влюбиться. Привыкнув отдавать, он не смог бы дать любимой женщине ничего, кроме самого себя. А это так мало для прекрасных созданий! "Ни любви, ни денег", — вертели в его голове слова. "Ни денег, ни любви..."

Первый день на горнолыжном курорте Ирина провела чудесно. Вернее, день еще не окончился. Народу на склоне было великое множество. Светило склоняющееся к горизонту солнце, сверкал снег, поднимались столбы снежной пыли...

Ирина скатилась с горы уже девять раз, и теперь, изрядно уставшая и расслабленная, поднималась на подъемнике, чтобы скатиться в последний, раз — и на сегодняшний день хватит!

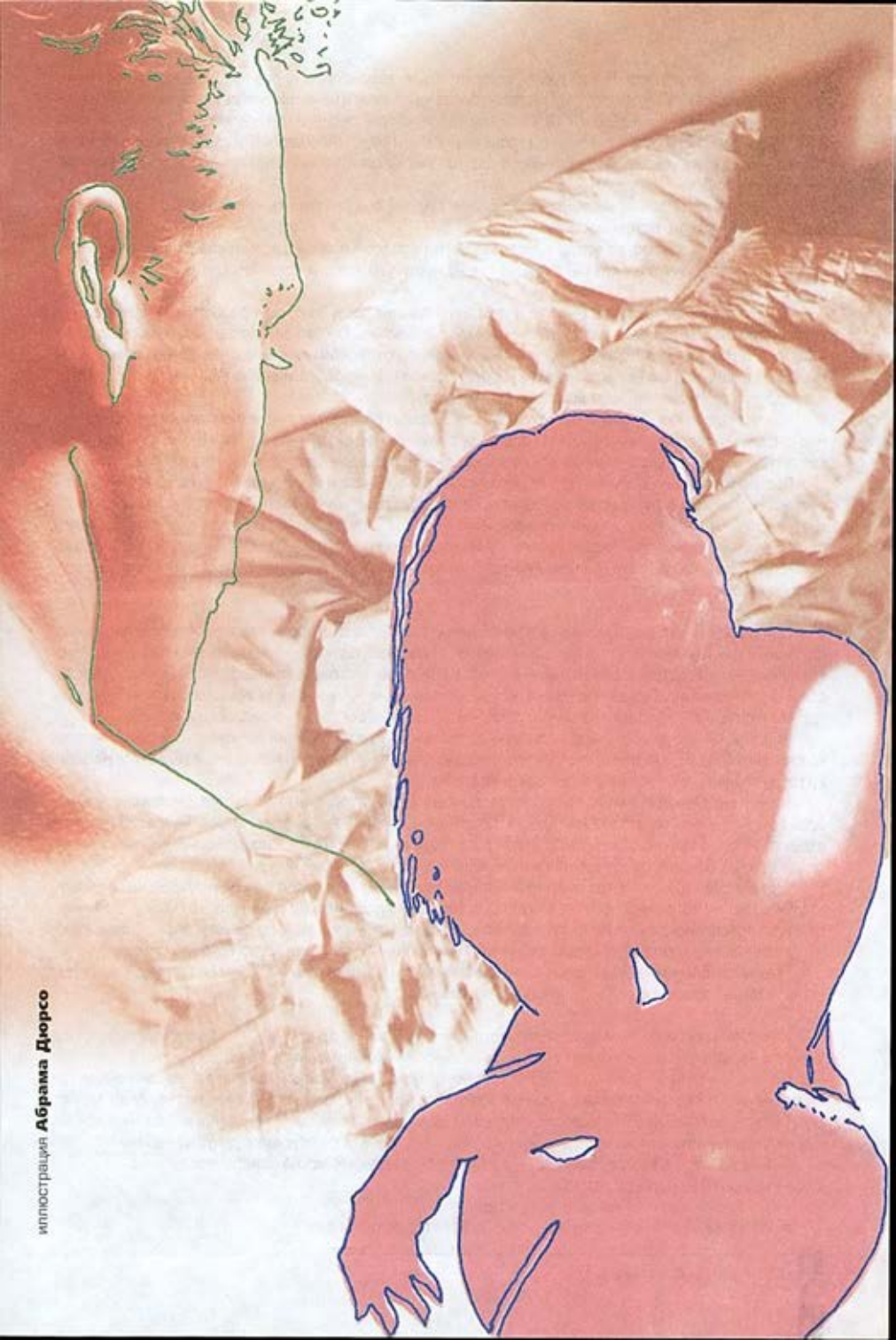
Внезапно подъемник остановился. Потом дернулся раз-другой, пытаясь продолжить свой путь, но вскоре окончательно заглох. Минут через двадцать люди, сидящие в креслах, заволновались и зашевелились... Стало холодать, поднялся пронизывающий ветер. Внизу под подъемником ходили работники лыжной трассы, успокаивали клиентов, обещали вот-вот запустить машину. Но особо нервные горнолыжники требовали спустить их на землю любым способом. Неподвижно сидеть на морозе и на ветру — удовольствие не из самых приятных.

Подоспела группа спасателей, ловко и вполне профессионально ловившая лыжников, решивших попробовать себя в прыжках с высоты. Ирина тоже захотела прыгнуть с подъемника. Благо ее кресло находилось ближе к земле, чем у остальных, попавших в ловушку. Сначала она сбросила спасателям лыжи, затем прыгнула сама. Приземлилась удачно — прямо в объятия одному очень мужественному "спасителю". Очутившись на земле, облегченно вздохнула. Но едва успела одернуть куртку и поправить сбившуюся на бок шапочку, как подъемник тронулся с места.

Казалось, в этом не было ничего особенного. Но Ирина, уже сделавшая шаг в сторону пансионата, замерла на месте. Она не знала, что ей сейчас следовало бы делать — плакать или смеяться. Но она точно знала, что подъемник заработал именно потому, что ее на подъемнике уже не было.

Ирина не помнила, когда это началось. Наверное, лет пять назад. Сначала неожиданно в ее руках стали вырубаться различные бытовые электроприборы, бывшие до того в полной исправности. Например, ка-

иллюстрация **Абрама Дюрсо**

кой-нибудь несчастный уют. Потом как-то, возвращаясь из командировки, она никак не могла пройти через металлоискатель в аэропорту, хотя сняла с себя все мыслимые и немыслимые железки, включая легчайшие серебряные колечки и цепочки. При каждом ее новом приближении металлоискатель орал, как резаный. Ирина рисковала остаться в чужом городе еще на неопределенное время, и лишь благодаря своему обаянию ей удалось убедить проверяющих в том, что она, несмотря на сигналы аппарата, все-таки не прячет при себе оружие.

Потом случались всякие неожиданные мелочи: там, где она появлялась, внезапно вылетали пробки, зависали компьютеры, глохли машины...

Это бывало, к счастью, не всегда и не везде, частота подобных происшествий колебалась от нескольких раз в неделю до нескольких раз в год, но Ирина знала: там, где она появляется, вполне может что-нибудь случиться.

Однако все же главная беда была не в этом. Беда пришла после того, как процветающая фирма, куда Ирина устроилась работать секретарем, очень скоро развалилась. Секретарем Ирина была классным, самого высокого уровня — со знанием иностранных языков, основ экономики и международного права. Вины Ирины в развале фирмы не было никакой. Просто произошел невообразимый катаклизм, можно сказать, непреодолимое стихийное бедствие. И фирмы не стало.

Ира сначала никак не связывала с собой происшедшее событие, пока не устроилась на другую солидную фирму — и та тоже обанкротилась. Тогда у нее возникла тревожная мысль — даже не мысль еще, а некое ощущение, что существует какая-то связь между ней и развалом стабильных и крепких предприятий.

Прозрение пришло к ней после того, как арестовали все счета и имущество банка, в который она устроилась после первых двух неудачных попыток найти себе стабильную работу. "Два повторяющихся события — это еще случайность, а три — уже закономерность", — философски рассудила она, хотя порядком подзабыла, в чем конкретно состоит теория вероятности. Будучи в состоянии расстройности и нервного расстройства, Ирина на последнюю выданную зарплату купила путевку и уехала кататься на горных лыжах — чтобы прийти в себя и спокойно поразмыслить, как ей жить дальше.

Сергей, тем временем, пребывал в полной депрессии. Депрессия выражалась не только в плохом настроении и унылых мыслях. Это была еще не депрессия. Но наступил момент, когда не хотелось делать просто ничего — даже встать и согреть себе чаю, вот это был уже настоящий депрессник. Несколько дней вообще никто не звонил. Сергей чувствовал себя забытым, никому не нужным и начинал злиться не только на тех, кто его "кинул", не только на самого себя, "серебристого лоха", но и на весь остальной мир.

Помощь, как это обычно бывает, пришла неожиданно. Раздался громкий телефонный звонок. Настолько громкий в тишине квартиры, что Сергей вздрогнул. Сначала он не хотел подходить к телефону. Но звонки продолжались, и он все-таки встал и поднял трубку.

Звонил его давний приятель Виктор и предлагал поехать на горнолыжный курорт. "Понимаешь, — говорил он, — у меня "горит" вторая путевка. Подруга в последний момент отказалась. Да и вообще, с ней отдыхать — одно мучение. Скатится один-два раза с горы — и говорит: я устала, пойдем в кабак. А мне кататься хочется. Отсюда и обиды, и конфликты, вплоть до слез. А с тобой интереснее".

Сергей замаялся, хотя Виктор был его приятелем еще с детства, и перед ним не унизительно сознаться, что у него нет ни копейки. К тому же Виктор был большим тусовщиком, и все знали его особенность — если у него появлялись деньги, он их тут же тратил — на женщин, на друзей, на путешествия... Потом, впрочем, тоже частенько сидел без копейки и никак не мог понять, куда девал такую крупную сумму...

"Какие проблемы! — сказал Виктор. — Поехали, и все! Не думай об этом, я за тебя заплачу. У меня сейчас есть такая возможность. А ты встряхнись, развеешься..."

На горнолыжном курорте два приятеля отдыхали по "полной программе" — катались на лыжах, сноубордах, несколько раз слетали на парашютах... Вечером — сауна, бильярд, танцы...

Однажды в танцевальном зале Сергей заметил девушку, лицо которой показалось ему знакомым. Где он мог ее видеть? Сергей перебрал в уме все возможные варианты, но ни один из них не подходил. Может, общались по работе? Нет. В дружеских компаниях? Не замечал. Тогда где же он ее видел? В конце концов ему надоело мучиться, хотя повод для мучения был ничтожный, и он пригласил девушку на танец.

— Мне кажется, я вас где-то видел, — обратился он к девушке, нежно привлекая ее к себе.

— Неужели? — насмешливо спросила она.

— Да, точно видел. Но никак не могу вспомнить, где.

— Какая же у вас плохая память! — еще веселее продолжала она.

— Да нет, на память не жалуясь. А вот в данном случае — какой-то провал. Сергей внимательно посмотрел в глаза девушки и поразились их необычному ярко-синему цвету... Еще чуть-чуть — и он должен вспомнить!

— “Ну, вот... Опять началось, — процитировала девушка. — Вхожу в штопор...”

Сергей слегка отстранился от своей партнерши.

Так вот оно что! Ну и память у малышки! Это было несколько месяцев назад... В метро... На платформе... Она стояла рядом и запомнила не только его, но и нечаянно оброненные им слова!

Сергей еще крепче прижал девушку к себе и вдруг почувствовал, как она необыкновенно горяча. “Горяча” в прямом смысле слова. Сергей не удержался и спросил:

— Ты хорошо себя чувствуешь? У тебя нет температуры? — От волнения он непроизвольно перешел на “ты”.

— Я прекрасно себя чувствую. А почему такой вопрос?

— Ты горячая, словно раскаленный песок, — ответил он.

— Вполне возможно. Это у меня часто бывает.

— Але! — прошептал Сергей. — Выключи рубильник!

— Сейчас! Постараюсь! — тихо ответила она, и они дружно рассмеялись.

Компания образовалась превосходная. Виктор с подругой, найденной им тут же, на месте, и Сергей с Ириной. На отдыхе люди сходятся быстро. Через несколько дней всем уже казалось, что они знают друг друга давным-давно и теперь будут дружить вечно. Но курорт — это праздник жизни, а сама жизнь — это проза. На уровне подсознания Сергей все время помнил о том, что, вернувшись в Москву, он вернется к своим проблемам. Их придется как-то решать. Но как? Здесь же, на курорте, он прекрасно играл роль преуспевающего бизнесмена. Вернее, он не играл никакой роли. В том, что Сергей — преуспевающий бизнесмен, никто и не сомневался. Однако он находился в постоянном напряжении и не мог ни на секунду расслабиться в присутствии девушек, чтобы просто быть самим собой. Сергей строго-настрого наказал Виктору, чтобы тот держал язык за зубами и ни словом не обмолвился о его бедственном положении.

Дни летели быстро. Сергей чувствовал, что все больше привязывается к своей новой знакомой. Ему нравилось в ней все: живой и веселый характер, энергия и бесстрашие, которые она проявляла на лыжных спусках, милое лицо, стройная фигура и, как ни странно, незаурядный ум. Такого сочетания качеств — и в одной женщине — Сергей просто никогда не встречал. Он с горячностью думал о том, что по приезде в Москву ему придется с ней расстаться. Он — неудачник. Что может дать он этой замечательной женщине, жизнь которой, судя по всему, была прекрасно устроена? Ее одежда, косметика, духи, лыжная экипировка — все говорило о том, что девушка привыкла жить в достатке и имеет соответствующие запросы. Он не хотел, чтобы она узнала, что на самом деле он никакой не бизнесмен, а просто нищий и неприкаянный человек. Здесь, на курорте, была сказка. В Москве будет боль.

Ирина, со своей стороны, не могла нарадоваться. Первое ощущение, которое возникло у нее при общении с Сергеем, — это чувство небывалой надежности и защищенности. Она увидела в нем настоящего мужчину — сильного, спокойного, уверенного в себе... Он был необыкновенно ласков и заботлив.

Вечерами, засыпая в своем номере, Ирина тихо грезилась. Ей казалось, что он находится где-то совсем близко... Она видела, словно наяву, как он открывает дверь, входит в ее номер, садится в кресло и что-то рассказывает... Ирина надеялась, что в Москве, может быть, они сойдутся еще ближе и что такой самодостаточный и надежный человек поможет ей, неудачнице, свернуть с той невезучей колеи, в которую она попала и из которой своими силами никак не могла выбраться.

Однажды вечером, когда они вчетвером сидели в кафе, Виктор полушутя-полусерьезно стал спрашивать Ирину, не сможет ли она на сегодняшнюю ночь приютить в своем номере одного человека. Кого — он пока сказать не может. Это очень нужно лично ему, Виктору, и если Ирина согласится, то очень его выручит. Ирина, тоже как бы в шутку, сначала отнекивалась, потом согласилась, но все же спросила, что это за человек. “А вот сидит с нами — за одним столом”, — ответил Виктор, кивнув на Сергея.

Дело было обычным. Виктору очень хотелось провести ночь со своей подругой, поэтому ему необходимо было отправить куда-нибудь Сергея. Самый лучший вариант был, конечно же, номер Ирины, но Сергей, по не понятным для Виктора причинам, отказывался наотрез. “Подумаешь, — удивлялся Виктор, — затвердил свое: “нищий”, “неудачник”... Ну и что? Какое отношение это имеет к сексу? Ты что, с горы рухнул? Не видишь, какими глазами она на тебя смотрит?”

Сергей, конечно, видел, "какими глазами" смотрела на него Ирина, но не хотел унижать ее одной-единственной проведенной с ней ночью... Тогда Виктор пошел на хитрость — получил согласие Ирины в присутствии Сергея. И теперь, чтобы не обидеть девушку, ему пришлось изобразить на своем лице радость.

К ночи разошлись по номерам. Когда Сергей оказался с Ириной вдвоем, оба почувствовали неловкость. Сергей, чтобы как-то разрядить обстановку, принялся рассказывать Ире какие-то длинные забавные истории... Он, казалось, не собирался спать и был готов бодрствовать до утра. Ирина же, наоборот, чувствовала себя уставшей. Наверное, от какого-то странного напряжения. Хотя, казалось бы, отчего ей было напрягаться? Может быть, оттого, что она не могла понять, почему Сергей ведет себя так возбужденно и неестественно?

— Давай, наконец, спать, — предложила она. — Я постелю тебе на диванчике. Выйди, пожалуйста, пока я не лягу.

Сергей понял, что бессонную ночь ему провести не удастся, и покорно вышел.

...Они лежали каждый на своей постели, в нескольких метрах друг от друга. Свет был погашен, за окнами стояла тишина. Ирина не спала. Она не знала, спал ли Сергей, но дышал он глубоко и ровно. Буря чувств начала подниматься в ее душе. "Он так за мной ухаживал все это время, он так на меня смотрел, он так ко мне прикасался... Неужели я не привлекаю его как женщина? Если нет, тогда что все это значит? Он ведет себя не совсем нормально... Или, может быть, наоборот, — нормально?"

Ирина не могла уснуть. Она чувствовала, что сейчас на нее может подействовать только одно лекарство от бессонницы. И это лекарство было совсем рядом — на расстоянии нескольких шагов... Там, на соседней кровати, лежал он — красивый, сильный, мужественный. Странная мысль пришла Ире в голову. Она подумала о том, что если бы она была мужчиной, то хотела бы быть таким же, как он. Нет, не таким же, а просто — она бы хотела быть им. Быть может, это и есть любовь? Ей хотелось погладить его, приласкать, прижать к себе, окунуться в него...

И вдруг ее осенило: "Ведь у меня есть дар, у меня есть некая сила, которая может мне помочь! Я могла гасить лампочки, вырубать компьютеры, останавливать подъемники, разваливать фирмы! Неужели я не смогу подействовать на человека!"

И Ирина, потянувшись, словно кошка, расслабилась и замерла. Она легла лицом вверх, свободно вытянув руки вдоль тела, и постепенно все посторонние мысли, которые бродили в ее голове, стали улетучиваться. Она перестала слышать шум за окном, различать очертания предметов в комнате... Из головы исчезли какие-то обрывочные бессвязные слова, которые носились там, будто мусор, поднятый ветром. Наконец, ощутив в голове полную пустоту, она мысленно произнесла: "Я ведь знаю, что нравлюсь тебе... Я нравлюсь тебе как женщина... Я знаю, что ты хочешь меня... Так что же ты спишь?"

Сергей лежал неподвижно на спине, накрывшись до подбородка одеялом. Через минуту-другую он слегка пошевелился, достал из-под одеяла одну руку и положил себе на грудь. Сердце Ирины замерло. Не сводя с него глаз, она продолжала смотреть, как Сергей медленно положил поверх одеяла другую руку... "Ну, что же ты лежишь? Вставай же, вставай! Подойди ко мне! Ведь я нравлюсь тебе, нравлюсь!"

Через несколько секунд Сергей перевернулся на бок, приподнял голову, а затем сел на кровати, спустил ноги. "Ага! Ну, теперь иди ко мне, что же ты медлишь! Вставай и иди! Я ведь жду тебя!" Не успела она произнести следующую фразу, которая вертелась у нее в голове, как услышала легкие шаги и через секунду почувствовала теплые руки Сергея и вкус его губ.

Он не сказал ни слова. И она тоже не проронила ни звука. Слова были теперь ни к чему.

Утром она проснулась с ощущением счастья. Он лежал рядом, на жутко узкой для двоих кровати. Но он так и не ушел на свой диванчик. Всю ночь они проспали обнявшись. А когда спишь обнявшись, надо не так уж и много места.

Внешне Сергей казался спокойным, но глубоко внутри был сильно обескуражен случившимся. Он никак не мог понять, как это могло произойти — помимо его воли. Ведь он запретил себе близость с ней. Как все получилось — он не мог себе объяснить. Но одно он знал твердо: по возвращении домой у них не будет продолжения романа.

Ирина же ощущала только радость. Ей казалось, будто она парит в воздухе. После этой ночи она поняла, что он стал для нее самым близким и родным человеком, и явственно ощутила, как она теперь к нему притянута — так, что трудно будет себя от него оторвать.

Отдых закончился, дружная компания стала собираться домой. При расставании Ира и Сергей обменялись телефонами.

Они созвонились в тот же вечер — чтобы сказать, что каждый благополучно добрался до дома. "Созвонимся!" — сказал он. "Целую, пока!" — ответила она.

Прошло несколько дней. Сергей не звонил.

"Наверное, накопились дела. Разберется немного — позвонит", — оправдывала его Ирина. Прошло еще несколько дней, но Сергей так и не звонил.

Ира начала волноваться. "А вдруг что-нибудь случилось? Может быть, ему плохо? Может, нужна моя помощь?" Она набрала номер телефона. Послышался щелчок определителя, потом зазвучали обычные гудки. К телефону никто не подошел. "Наверное, я звоню слишком рано. Он еще не пришел домой. Но ведь на определителе — мой номер. Он увидит его — и перезвонит". Весь вечер она просидела дома, вздрагивая при каждом телефонном звонке.

Сергей не позвонил.

"Видимо, мой номер не определился", — решила Ирина и позвонила ему еще раз. На другом конце никто не снял трубку.

Прошло несколько недель. Ира находилась в жуткой депрессии. Положение усугублялось тем, что она по-прежнему была без работы. Однако трудности материально-бытового характера были несравними с сердечными муками. Больше всего Ирину мучила неизвестность. Если бы он появился и объяснил свое молчание, ей было бы, наверное, легче. Несколько раз пыталась дозвониться до него, но потом окончательно поняла, что звонить бесполезно. И стала просто ждать — его звонка, или, быть может... его прихода, хоть какой-нибудь весточки от него, хоть какого-нибудь знака...

В январе и феврале в Москве шли дожди. Погода была мерзкой. Снег почернел, и на дорогах образовались грязные серые наледы, покрытые водой... Во дворах из-под растаявшего снега уродливо выглядывали разбитые бутылки, обрывки пакетов, гниющие объедки... Следы собачьей жизнедеятельности вызвали чувство тошноты...

Как-то вечером Ирина пришла домой и разрыдалась, настолько отвратительной казалась ей жизнь, в которой ничего не складывалось. А потом вдруг пришло простое решение. Она позвонила подруге, имевшей компьютерный диск с телефонами и адресами. Подруга, не задавая лишних вопросов, включила компьютер и продиктовала адрес, которому соответствовал номер телефона Сергея. Иру не обескуражил тот факт, что по этому адресу был прописан какой-то другой человек.

Было почти девять вечера. Ира, не задумываясь, быстро собралась и вышла на улицу.

На улице было безлюдно и пустынно. Выпавший только что легкий снег гулко скрипел под ногами. Она почти бежала к его дому, только твердила про себя: "Я не навязываюсь... Я не навязываюсь... Может быть, ему плохо, может быть, ему нужна моя помощь..."

Позади в морозном воздухе послышался скрип шагов. Ира обернулась и увидела, что за ней по дороге идет человек. Он шел очень быстро и вскоре поравнялся с ней. Ирина вздрогнула от неожиданности — это был Сергей. Он, в свою очередь, взглянув на нее мимоходом, оторопело остановился. Она успела заметить, что он осунулся и был бледен.

— Ира! Это ты? — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Просто — иду мимо, — ледяным тоном ответила она.

Наступила неловкая пауза.

— Пойдем вместе до киоска, — предложил Сергей. — А потом заглянем ко мне, поговорим. Надеюсь, к этому времени починят электричество. Во всем доме вырубился свет. Вот я и вышел на улицу за сигаретами. И нашел тебя, — тихо добавил он.

Сергей привел Ирину к себе и рассказал все — что давно сидит без копейки денег, что у него сейчас нет ничего — ни машины, ни какого-то другого имущества, и даже эта квартира, оставленная дедом, не совсем его — в ней прописан его дядя, который является прямым наследником. А главная беда — не в этом... Беда в том, что он не может найти себе нормальной работы. Фатальные неудачи преследуют его — куда бы он ни устроился, его везде "кидают", и никакие меры предосторожности, никакая предусмотрительность, никакой предшествующий опыт не спасают его от очередного обмана.

Он признался Ирине, что на курорт ездил на деньги своего друга, что не хотел ее ни в чем обнадеживать, потому что не может позволить ей связать с ним свою судьбу.

"Я — неудачник, — говорил Сергей. — Не связывайся со мной. Я не могу дать тебе то, чего любая женщина ждет от мужчины".

Ирина в ответ не могла вымолвить ни слова. Сказать, что он нужен ей такой, как есть — бедный, несчастный, всеми забытый... Разве он в это поверит? Рассказать, что она тоже сидит без работы и без копейки денег? Разве ему от этого станет легче?

Ира осталась у него до утра. Она ничего не объясняла, ничего про себя не рассказывала, не утешала его, ни в чем не убеждала, ничего не советовала... Она вела себя так, будто они снова, как в ту ночь в горах, были вместе...

Однако утром она задала единственный конкретный вопрос:

— Скажи, пожалуйста, как называется то заведение, где тебя в последний раз кинули?

— А зачем тебе? — Сергей пожал плечами. — У них все чисто. Там не подкопаешься.

— Да я и не собираюсь "подкапываться", — с улыбкой проговорила Ирина. — У меня и возможностей таких нет. Просто из любопытства.

— "Валенсия", — ответил Сергей.

— "Валенсия"? — задумчиво повторила Ирина, — это красиво...

Они расстались молча, ни о чем не договариваясь, ничего не обещая друг другу... Просто поцеловались на прощание.

Прошло несколько месяцев. В жизни Сергея ничего не изменилось. Вернее, изменилось, но не в лучшую сторону: он плавно погружался на дно. Жалкие гроши, которых хватало только на самую простую еду, постепенно иссякали, а обещания приятелей помочь ему устроиться на работу оканчивались ничем. Впрочем, приятели, как и деньги, тоже постепенно исчезали. Сергей относился к этому философски: вполне естественно для людей — сторониться неудачников. Так было и так будет, вероятно, всегда. Но вот Ирина... Лишь о ней он действительно тосковал. Есть женщины, которые не оставляют в сердце никакого следа, но есть такие, которые остаются там надолго... Ирина была именно такой, или, может быть, она была просто его женщиной? Не раз его одолевало жгучее желание позвонить ей, но он сдерживал себя. "Зачем ты ей нужен?" — говорил он себе, когда его рука уже тянулась к телефонному аппарату.

Но однажды вечером в квартире Сергея раздался звонок. На определителе высветился номер Ирины. И Сергей, вопреки данному себе запрету больше не общаться с ней, после случайно проведенной вместе ночи, поднял трубку.

— Алло! Сергей! — голос Ирины был бодрым и энергичным. — У меня к тебе деловое предложение. Я устроилась секретарем на фирму "Валенсия", но не прошло и нескольких месяцев, как фирма, по несчастливому стечению обстоятельств, развалилась. Всех уволили, кроме меня. Я, как секретарь, должна вести документацию. Объявлен конкурс на временного управляющего. Ты, по-моему, в курсе дел?

— Да, в общем-то, я налаживал им зарубежные поставки... Регулировал вопросы с таможей...

— Ну так как? Дерзнешь?

— Дерзну, — ответил Сергей.

Сергей выиграл конкурс, — его назначили временным управляющим. Через несколько месяцев временного управляющего, оказавшегося знающим специалистом, назначили директором. У директора был прекрасный секретарь, который немало способствовал успеху. Фирма "Валенсия" вновь набирала обороты.

Однажды Ирина, войдя в кабинет Сергея, присела на краешек стола и улыбнулась. В глазах у нее блеснули веселые огоньки.

— Хочешь, открою тебе один секрет? — спросила она.

— Конечно, хоч, — ответил он и ласково взял ее за руку. С начала совместной работы они уже не расставались.

— До недавнего времени я была фатальной неудачницей и приносила с собой одни несчастья. Фирмы, куда я устраивалась, очень скоро разваливались. И это было не один раз!

— Вот это да! — воскликнул Сергей. — И что же нам с тобою делать? Ведь и я, ты знаешь, был фатальным неудачником, — меня всюду кидали!

— Но разве ты не заметил, что сейчас все изменилось, — лукаво проговорила Ирина. — Фирма "Валенсия" преуспевает, дела идут прекрасно, а тебя уже никто и не пытается использовать!

— Я сам не пойму, что же произошло. Я — неудачник, ты — неудачница, и вот мы вместе, а дела идут в гору!

— По-моему, все очень просто, — рассмеялась Ирина. — Ведь каждый школьник знает, что минус на минус — дает плюс! Произошел коренной поворот событий! И все потому, что мы встретили друг друга! — Она секунду помолчала и едва слышно добавила:

— Только ты чуть все не испортил. Не надо было от меня скрываться!

ТелеОБОРЗЕНИЕ

Ника Сигарищенко

Ну и что?! Этот вопрос я адресую себе, теле- и вообще ОБОРЗевателям прессы и от своего лица, ко всем носящим брюки с шириной, каким бы это ни было пошлым, обращаюсь. Меня озадачил, и я уже больше недели хожу озадаченным, мой сосед по лестничной площадке Гирькин, бар-менеджер по прозвищу "Недовес". Он у меня спросил:

— Ты замечаешь, что по всей Москве, я уже не говорю о Париже, стены домов на уровне чуть выше человеческого роста постоянно, каждую весну, требуют свежей побелки или покраски?

Я Гирькина знаю, он как бар-менеджер и на фиг никому не нужен, работает то "сэндвичем", то просто не работает, у папы деньги берет. Но я наблюдательный и поэтому отвечаю ему:

— Да замечал, постоянно какие-то полосы на стенах домов появляются.

— Это от рогов. Ты думаешь, почему сейчас катастрофически сокращается число узаконенных браков? Это все от того, что мы, мужчины, не желаем портить рогами стены домов наших, да и не только наших, городов.

"Недовес" знает, что говорит. Его женщины любят. Косяком прут. В общем, я занялся изучением проблемы...

Ну и что? Этот вопрос я уже адресую к вам, почитателям "Молодого бульвара" и лично себе, Нику Сигарищенко. Я спрашиваю вас, юноши и вообще мужчины: ну и доколе стены домов на улицах наших городов портить будем? Я вот тут намерен начал щелкать пультом телевизора и "нащелкал" столько шоу для женщин, о женщинах и подготовленных женщинами-тележурналистками, что сразу же понял, что осталось чуть-чуть, и мужчинам ничего не останется, как придумать новый атрибут мужественности и успеха — рога. Если жена тебе не наставляет рогов, значит ты несовременный лох, деградант и пошлый маргинал. Я вас умо-

ляю!.. Писательница Виктория Токарева смотрит на страну из "ящика", из каких-то очередных "женских откровений" и объясняет замужним женщинам, что "женщина, не имеющая любовника, мало чего стоит в этой жизни". Можно подумать, что мужчина, имеющий любовницу, в смысле гуляющий от своей жены с женой друга, стоит дороже. О ТЕЛЕВИДИЕНИЕ! О вечное ТОК-ШОУ!

Я давно заметил, что все телепередачи о правах женщин сводятся к тому, (КРИК ДУШИ!), что женщина имеет право и даже обязанность наставлять мужу рога, а он должен ее еще сильнее любить за это, ценить и обеспечивать деньгами для круглосуточного шопинга.

Ну и что? Официальных браков все меньше и меньше, как все меньше и меньше мужчин, уверенных в том, что их дети — их дети. Я вас умоляю. Не всякая мать скажет, что отец ее ребенка и муж — одно и то же лицо. Мир наполняется ублюдками и вообще... Во всех просмотренных мною телевизионно-феминистических программах для женщин просматривается всего лишь одна, НО ЗАТО КАКАЯ! — мысль: "Если муж изменяет жене, то он подонок и деспот. А если женщина раскрепощается от мужа с другим мужчиной, то она вносит в семейную жизнь гармонию, счастье и мир во всем мире".

— Ну и что?

Спросил я недавно о супружеской неверности у "Недовеса". Он только что проводил к метро очередную, юную, чью-то жену, унесшую из его постели мир миру и гармонию в семью. Мы столкнулись на лестничной площадке.

— Так надо, — многозначительно ответил бар-менеджер и слинял, то есть скрылся в лифте и уехал.

Если бы вы видели рогу моего соседа, голый дебил. А как точно и здраво отвечает на поставленные перед ним вопросы.

ФОТО ЗА ЧАС
психологический триллер

США, 1 час 32 мин.

Автор сценария и режиссер МАРК РОМАНЕК
В ролях: РОБИН УИЛЬЯМС, КОННИ НИЛЬСЕН,
МАЙК ВАРТАН, ГЭРИ КОУЛ, ЭРИК ЛА САЛЬ
"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221258803

Сай Пэрриш — милый и обаятельный работник фотолаборатории. Он незаметно трудится на своем месте не один год. Аккуратный и исполнительный на работе, Сай очень одинок. Все рабочее время перед его глазами мелькают чужие счастливые лица, запечатленные факты чьей-то биографии, любимые питомцы... Своих постоянных клиентов он знает наперечет. А тем временем в его собственной жизни так и не происходит ничего. Проявляя фотографии одной милой молодой пары, он привязывается к ним всем сердцем, мечтая когда-нибудь стать для них своим... А когда, опять же из чужих фотографий, ему становится известен факт супружеской неверности мужа, Сай вмешивается в семейные проблемы самым решительным и грубым образом, не понимая, что нет уже пути назад...

ОХ УЖ ЭТИ ДОЧЕРИ! комедия

Франция, 1 час 19 мин.

Режиссер ПЬЕР ЖОЛИВЕ

В ролях: САНДРИН КИБЕРЛЕН ("Похищение для Бетти Фишер"), СИЛЬВИ ТЕСТЮД ("Страх и трепет")

"ВЕСТ", ПУ № 221313803

Не верьте той, что добродетельна лишь потому, что не может себе позволить грешить — нет денег, положение обязывает... Кажется, не совсем правильно звучит название фильма: при чем здесь дочери? Ведь его героини вовсе не сестры, а лишь оказавшиеся на поверку родственные души. Воровка и судья — сладкая парочка! Тина, имея три судимости, не может избавиться от патологической тяги к красивым, дорогим, но зачастую чужим туфлям. Ей удается перетянуть на свою сторону и законопослушную Кароль, которой до смерти надоело вести размеренную и скучную жизнь. Начинается с малого... Но подружки встретились, а значит им по плечу любая авантюра. Главное — кайф, который они получают, проворачивая криминальные делишки.

НЕУДАЧНИКИ комедия

США, 1 час 41 мин.

режиссер АЛЕКС ПРОЯС

в ролях: КИК ГАРРИ, ПИА МИРАНДА, МАЙЯ СТЭНЖ, БРЕТТ СТИЛЛЕР, КРИС САДРИНА, ЭНДИ АНДЕРСОН

"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221126903

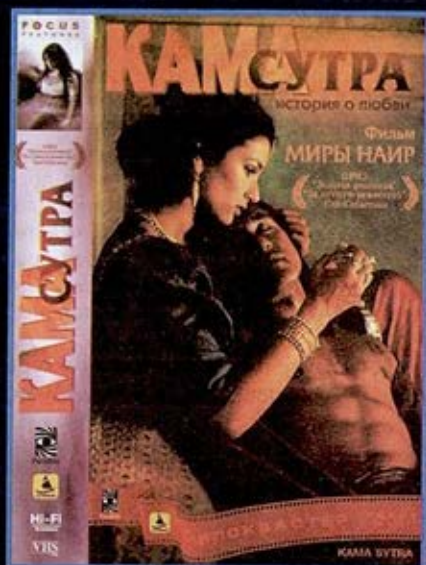
Герои этой очень смешной комедии — молодые музыканты, только еще делающие в шоу-бизнесе первые самостоятельные шаги.

Чтобы достичь вершин вожделенной славы, их рок-группа готова на все. И хотя играют они вполне сносно, музыкальный Олимп остается для них пока недосягаемым.

Ведь все они — хронические неудачники. И как бы неоткрытые таланты не лезли из кожи вон, успеха им не видать как своих ушей.

И тут уж не помогут ни секс, ни многочисленные пьянки, ни наркотики, в которых топят свою печаль непризнанные звезды.

Зато происходящее с ними вдоволь повеселит нас, благодарных зрителей!

КАМА СУТРА эротическая мелодрама

Индия, 1 час 57 мин.

Режиссер МИРА НАИР ("Свадьба в сезон дождей")

В ролях: ИНДИРА ВАРМА, САРИТА ЧУДХУРИ, РАМОН ТИКАРАМ, НАВИН ЭНДРЮС

"ПАРАДИЗ"/"СПАЙР", ПУ № 221308103

"Кама сутра" — наука о любви, посвященная взаимоотношениям между мужчиной и женщиной.

Но не очень настраивайтесь на то, что фильм с таким громким названием — экранизация той самой нашумевшей и великой книги. Это, в первую очередь, поэтическая история любви.

Такой, над которой не властны ни могущественные правители, ни жестокие гонения, ни даже смерть.

На долю красавицы Майи выпадают все испытания и беды... И все ради того, чтобы наконец встретить Его, бедного скульптора Джея Кумара, слугу, бросившего вызов самому королю. Кумар не только увековечил свою любимую в камне, но и, не раздумывая, умер за нее...

Видеогид Наталья Тендора

"Бульвар" — ВИДЕО

В 20-е годы прошлого века Рудольфо Валентино стал воплощением нового типа кинозвезды — «латинского любовника», рокового соблазнителя, живущего в романтическом мире чудес и приключений. Испанский актер Антонио Бандерас в 90-е стал продолжателем традиций Валентино и самым знаменитым испаноязычным актером Голливуда. А в 1996 году американский журнал «People» включил Бандераса в число самых привлекательных людей планеты.

К испанским поклонницам актера после его переезда в Голливуд доба-

риже Антонио, следуя канонам настоящего «мачо», ходил в черной велюровой шляпе, черном костюме, сорочке из алого шелка, с зонтиком-тросточкой и с гаванской сигарой во рту. А ведь в детстве будущий «мачо» был настоящим маменькиным сыночком.

Детство и юность Бандераса

Антонио Бандерас родился 10 августа 1960 года в Малаге, недалеко от Гибралтара, в семье полицейского и учительницы. Его полное имя — Хосе Ан-

МАЧО в Голливуде

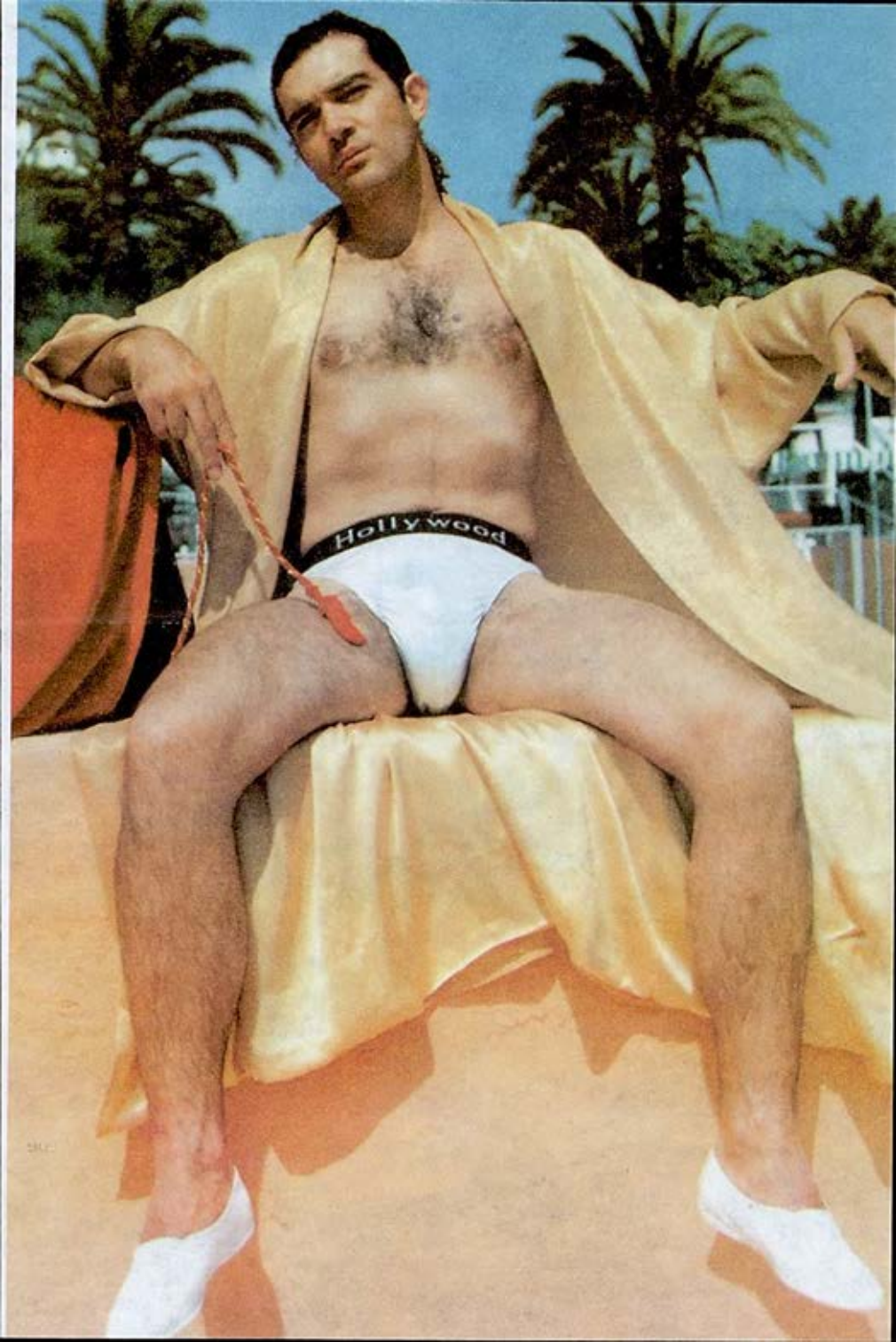

вились американские. Их привлек мужественный образ мачо — с проникновенным взглядом, блестящими черными волосами и двухдневной щетиной. Бандерас с одинаковым изяществом обращался с гитарой и пистолетом, с ножом и девушкой. Он устоял перед чарами Мадонны и Сальмы Хайек, но был «взят в плен» белокурой Мелани Гриффит.

Разъезжая по Голливуду на велосипеде, он стал виновником нескольких дорожных происшествий, так как голливудские звезды, заглядываясь на знойного «мачо», забывали следить за уличным движением. В Мадриде и Па-

тонио Домингес Бандерас, и он очень гордится своим андалузским происхождением.

Антонио рос любознательным мальчишкой, любил придумывать сказочные истории и рассказывать их домашним. Диапазон его увлечений был велик: он научился играть сначала на пианино, затем на национальном испанском инструменте — гитаре, увлекался танцами и футболом. В 13 лет спел в школьном театре в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда» партии всех апостолов (по очереди). Играл в юношеской футбольной команде Малаги и собирался стать футболистом, но

перелом ноги заставил его отказаться от спортивной карьеры.

В 19 лет, после окончания Школы драматических искусств Малаги, Бандерас со 100 долларами в кармане отправился покорять Мадрид. Он работал официантом, подрабатывал как модель в рекламном агентстве и в 1981 году стал театральным актером. А вскоре его пригласили на лучшую сцену страны — Национальный театр Мадрида. Его игру увидел кинорежиссер Педро Альмодовар, и в 1982 году Бандерас дебютировал в кино, исполнив небольшую роль в картине Альмодовара "Лабиринт страстей". Роли Бандераса в пяти фильмах Альмодовара сделали его суперзвездой Испании. После картин "Матадор", "Свяжи меня", "Закон желания" Антонио сыграл в фильме "Женщины на грани нервного срыва", получившем номинацию на "Оскар". Благодаря этому и Бандерас, и Альмодовар стали известными и в США.

Анита Бандерас, увидев сына в фильме Альмодовара, запаниковала. "Отца увольт с работы, если узнают, что у него такой сын!" — кричала она, позвонив Антонио. Затем отправилась в Мадрид и застала любимого сына в постели со жгучей брюнеткой. "Мама, — сказал Антонио, — познакомься с моей невестой, актрисой Анной Леза". Спокойная Анита вернулась в Малагу.

Однажды Бандерас отправился в Париж на премьеру фильма со своим участием. Выходя из ночного клуба, Антонио и Анна Леза столкнулись с изрядно пьяным Жераром Депардьё. Когда Жерар хотел взять Анну Лезу за руку, Антонио жестко посоветовал тому убираться. Резкий голос испанца и его манера речи только разозлили Депардьё, и они подрались. После того, как все бульварные газеты написали об этой драке, Бандерас приобрел популярность во Франции. Известность плохо подействовала на актера: он стал грубым и пристрастился к выпивке. Альмо-

довар понял, что Антонио надо спасать, и посоветовал Бандерасу уехать в Голливуд.

Покорение Голливуда

В 1992 году Антонио приехал в США, чтобы сняться в роли кубинского композитора Нестора Кастильо в фильме Арни Гличера "Короли мамбо". Он знал по-английски лишь несколько фраз и понимал, что нужно сделать многое для завоевания американской публики. По настоянию Анны Лезы, Бандерас по восемь часов в день занимался с преподавателем. И результаты были впечатляющими: в 1993-94 годах он снялся в фильмах "Филадельфия" с Томом Хэнксом, "Дом духов" с Мерил Стрип, "Рапсодия Майами" с Сарой Джессикой Паркер и "Никогда не говори с незнакомцами" с Ребеккой де Морней. Особенно успеш пришел к нему после исполнения роли в картине Нила Джордана "Интервью с вампиром", где он стал достойным партнером Тома Круза и Брэда Питта. Сильвестр Сталлоне, снявшийся с Антонио в "Убийцах", признался, что как актер Бандерас талантливее его.

В Голливуде Антонио подружился с режиссером мексиканского происхождения Робертом Родригесом и сыграл в его кровавой драме "Отчаянный". Здесь пригодились его музыкальные способности: до начала сцен перестрелок он исполнил мексиканскую песню. Именно Родригесу Бандерас обязан популярностью в Голливуде, а роль в картине "Четыре комнаты" окончательно закрепил за ним славу "латинского любовника" номер один в Голливуде. Но Голливуд, как и всякая красавица, "склонен к измене и перемене". Очередным "секс-символом" стал Джордж Клуни. Бандерасу срочно пришлось менять амплуа "страстного испанского парня", что он и попытался сделать в футуристическом триллере "Воробей".

Женитьба на Мелани Гриффит

В фильме "Двое — это слишком" режиссера Фернандо Труэба Бандерас играл вместе с двумя кинозвездами — Мелани Гриффит и Дэррил Ханна. Он вспоминает: "Как только начались съемки, я и Мелани почувствовали, что нас притягивает друг к другу, словно магнитом. Конечно, мы сначала сопротивлялись, делали вид, что видим друг в друге только партнеров по съемкам. Но невозможно было противостоять этой страсти!"

Съемки проходили на Багамских островах. Однажды после напряженного съемочного дня Бандерас и Гриффит пошли купаться на дальний пляж. "Почему-то, — говорит Антонио, — мы оба забыли купальные костюмы. После этого события развивались в стремительном темпе".

В это время Мелани была замужем за Доном Джонсоном, а Антонио женат на Анне Лезе. Зная вкусы Бандераса, Гриффит подправила свои бедра и сделала губы более пухлыми. Конечно, дочь любимой актрисы Альфреда Хичкока Типпи Хедрен применила и свой волшебный завораживающий взгляд.

Как только Анна Леза узнала о романе Антонио и Мелани, она примчалась в отель в Сиэтле, где проходили съемки фильма "Убийцы", и на глазах изумленного Сильвестра Сталлоне опрокинула на голову мужа вазу с фруктовым компотом. Сироп залил глаза и жгучие локоны Антонио. Потом в него полетели пепельницы и настольные лампы. В довершение всего Анна Леза выбросила с балкона чемоданы неверного мужа.

Мелани и Антонио сняли виллу в Лос-Анджелесе. Антонио стал получать в их тайном калифорнийском гнездышке анонимные угрозы по почте и по телефону. Их жизнь превратилась в настоящий ад. Антонио думал, что это дело рук Джонсона, так как только ему Мелани оставила их новый адрес.

Сразу после съемок фильма "Двое — это слишком" Антонио появился в квартире Мелани и сделал ей предложение. Она, в свою очередь, показала ему татуировку под левой грудью: "Антонио навсегда!" В мае 1996 года они обвенчались без всякого шума в Лондоне. Если Анна Леза при разводе не обошлась без скандала, то Мелани вполне полюбовно рассталась с Доном Джонсоном, тем более, что уплатила сидевшему на мели Дону солидные отступные. В благодарность он доверил ей воспитание детей — Александра, от брака Гриффит со Стивеном Бауэром, и их общей дочери Дакоты.

Охота Мадонны

С Мадонной Бандерас в первый раз встретился в 1991 году в Мадриде во время съемок фильма "В постели с Мадонной". Актриса была так очарована испанским актером, что предложила ему стать ее мужем. Но Бандерас не думал расставаться с Анной Лезой из-за непредсказуемой певицы.

Когда он обосновался в Голливуде, Мадонна продолжила свои атаки.

"Я готова съесть Антонио за завтрак", — заявила секс-бомба. Особенно ей нравились черные глаза, пухлые губы и тугие ягодицы актера. Мадонна стала забрасывать его телеграммами, факсами и подарками, но Бандерас оказался единственным мужчиной, посмеявшимся отвергнуть ее любовь.

Судьба снова свела Антонио с Мадонной в фильме Алана Паркера "Эвита". Она играла роль Эвиты, а он — Че Гевары. Мелани тут же примчалась в Буэнос-Айрес, где проходили съемки. Когда Мадонна потребовала не пускать Мелани на съемочную площадку, Антонио сказал ей: "Мы никогда не разлучаемся с Мелани. Наша профессия слишком опасна для семейных отношений. Я не хочу быть вдали от женщины, которую люблю". На премьеру фильма в Мадриде Мадонна привезла свою двухмесячную дочь, а Антонио и Мелани четырехме-

сячную Эстеллу дель Кармен. Роль Че Гевары в "Эвите" принесла Бандерасу первую номинацию на "Золотой Глобус".

Заботливая и ревнивая Мелани

Мелани всегда слыла капризной и взбалмошной особой. Теперь она стала рекордсменкой по сценам ревности и количеству пластических операций. Во время съемок фильма "Маска Зорро" Гриффит потеряла самообладание и устроила сцену ревности прямо на съемочной площадке. "Берегись, — прошипела она партнерше Антонио — Кэтрин Зета-Джонс, — я слежу за каждым твоим шагом!" После окончания съемок Мелани решила стать более привлекательной. Для этого она делала инъекции коллагена, пилинг, удаление жировых отложений на ягодицах и бедрах. Лучшие косметологи в течение пяти часов "омолаживали" ей кожу на лице. У Бандераса не выдержали нервы. "Вместо того, чтобы заниматься спортом, — кричал он, — ты перетягиваешь и подшиваешь свое лицо! Уймись, я никуда не собираюсь от тебя уходить!"

Мелани присутствует на всех съемках мужа. Приехала она и на съемки рекламного клипа колготок "Санпеллегрино". Партнершей Бандераса была красавица-аргентинка Валерия Мацца. Сюжет ролика прост: оказавшись с героиней в спальне, Бандерас помогает ей надеть колготки и нечаянно цепляется за них. Естественно, "Санпеллегрино" оказываются такими же прочными, как и истинные чувства. В съемках ролика приняли участие лучшие мастера кино Италии, а продюсерами стали Джанни Нуннари и Квентин Тарантино, режиссером — обладатель "Оскара" Джузеппе Торнаторе. А Мелани зорко следила за тем, чтобы ее муж случайно не увлекся красавицей Валерией.

Зная ревнивую натуру женушки, Антонио предупредил ее, что он привык заниматься благотворительностью в Лас-

Вегасе, где устраиваются балы для сбора средств в фонд детей-сирот. Тем не менее, после очередного "благотворительного" занятия Бандерас обратился к врачу-косметологу в связи с распухшим на глазу "фингалом", а Мелани — к психиатру с приступом истерии.

Как Гриффит помирилась с Бандерасом

14 мая 1998 года супруги отпраздновали двухлетие своего брачного союза. Но довольно скоро ревность Мелани поставила под вопрос их семейные узы. "Разведутся — не разведутся" — этот

почти гамлетовский вопрос циркулировал в голливудских кулуарах. Не развелись. Антонио обучает чуть ли не с рождения дочь Эстеллу испанскому языку. Поначалу Мелани противилась этому, но потом согласилась с тем, что Эстелла будет двуязычным ребенком. Гриффит делает все, чтобы у Эстеллы было то, что ей не хватало в детстве, ведь ее отец ушел из семьи, а мать-актриса Типпи Хедрен часто уезжала на съемки. Правда, забота Мелани принимает необычную форму. Так, на карманные расходы она истратила шесть миллионов долларов, из них — 500 тысяч на игрушки для Эстеллы. Антонио, естественно, не нравится такая расточительность. Увидев, что Мелани начинает толстеть, он заставил ее записаться в тренажерный зал и принялся контролировать ее ежедневные занятия спортом.

Но что особенно сблизило супругов, так это совместная работа над фильмом "Сумасшедшая из Алабамы". Здесь впервые Бандерас попробовал себя в режиссуре, а главную женскую роль исполнила Гриффит. Забавная история о расовых и сексуальных предрассудках 60-х годов имела более, чем скромный успех и не привлекла внимание критиков и прокатчиков. Антонио обиделся. "Меня, — сказал он, — не покидает ощущение, что моя жизнь в США нечто временное. Мне бы хотелось продолжить свою карьеру в Европе. Я решил сниматься в Испании, Франции или Италии, или снимать там самому фильмы". Но дело в том, что европейские кинематографисты и прокатчики знают, что Бандерас стоит сейчас больших денег, и поэтому не торопятся приглашать его.

Заботы и увлечения Бандераса

Бандерас обаятелен, среднего роста, во время разговора курит, говорит по-английски с испанским акцентом, довольно заметным, но в фильмах его акцент проявляется не всегда. К таким эпитетам, как

"латинский любовник" или секс-символ, он относится иронически. "Никакой я не любовник. Я муж, отец и примерный семьянин. Я не Казанова. Если бы я прыгал из постели в постель, у меня бы не было времени столько сниматься. К тому же мне уже больше сорока лет".

В Испании Антонио возвращаться не собирается. "В Америке у меня дом, — говорит он, — жена, дети. У Мелани двое детей от разных отцов, которых я усыновил. У нас дочь Эстелла. Все они нуждаются в моей заботе и ласке. Поэтому я не могу надолго с ними расставаться".

Из актрис на него самое большое впечатление произвела Мадонна. "Она так вкалывала, — вспоминает Антонио. — Я сразу понял, что "Эвита" у нас получится. Она знала о Еве Перрон больше всех, кто был на съемочной площадке. А Мелани очень правдоподобна в каждой роли. Когда мы снимаемся вместе, я у нее учусь".

Гриффит давно уже не снимается. Антонио объясняет это проблемой ее возраста. "Голливуд любит только молодых актрис, — считает Бандерас. — Как только актриса переступает возрастной рубеж, от нее сразу же отворачиваются. С мужчинами все происходит по-другому. Шон Коннери может играть в паре с Кэтрин Зета-Джонс и никого это не удивляет. Но в этом году у Мелани есть приглашение от европейских режиссеров".

Бандерас снимается в рекламе, занимается бизнесом. В Испании большой популярностью пользуется парфюмерная линия "Искушение Бандераса", приносящая актеру ощутимый доход.

Иногда ему приходится отказываться от роли. Так произошло с предложенной ему ролью Ататюрка. "Греческая коммуна в США, — сокрушается Антонио, — засыпала меня письмами, в которых утверждала, что Ататюрк виновен в геноциде греков в Турции".

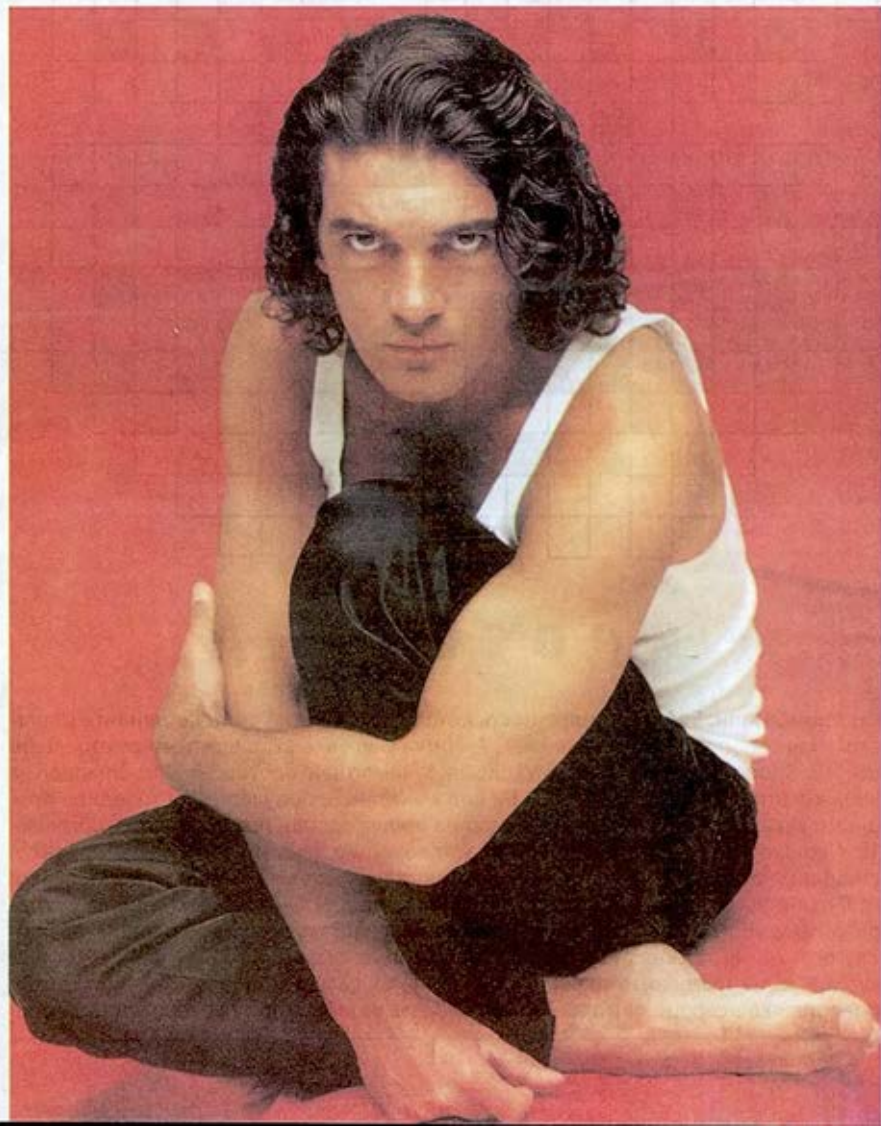
Сейчас Бандерас и Гриффит живут на вилле, скорее, в небольшом дворце,

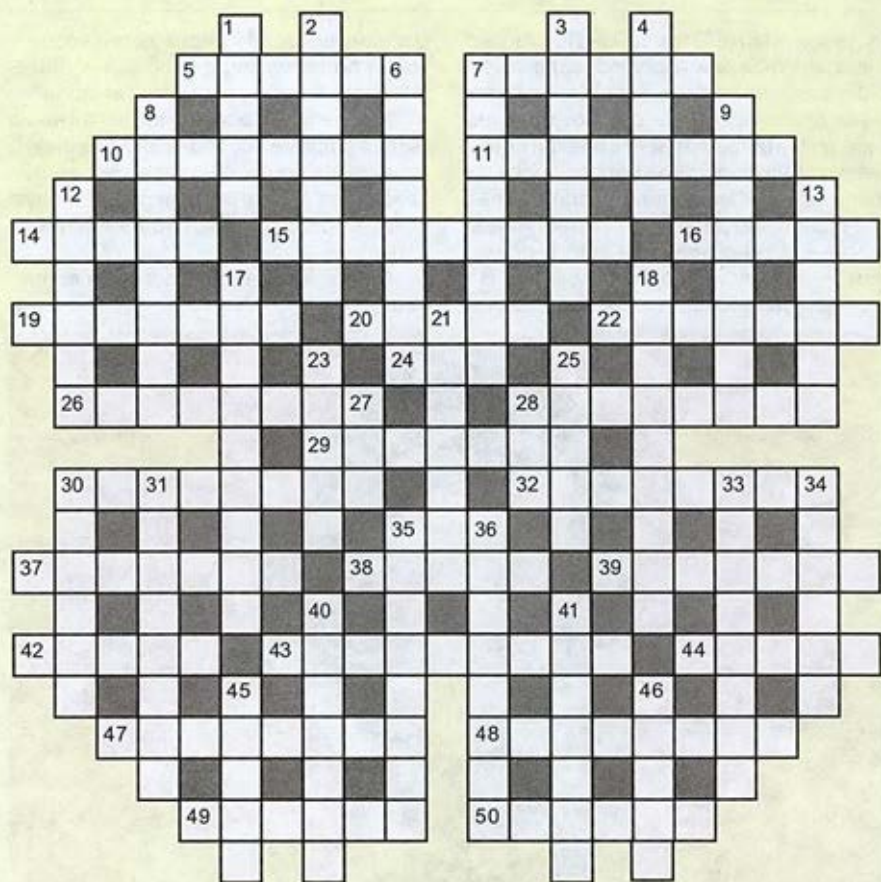
в Хенкок-Парке. Этот район Лос-Анджелеса местная элита облюбовала еще в 20-е годы прошлого века. Самым важным для себя супруги считают правильное воспитание детей. У Гриффит было не такое уж радостное детство, ей не давали денег и не дарили "кадиллаков". "И правильно делали, — считает Бандерас. — Можно привести много примеров — к чему приводит баловство. Например, дети Марлона Брандо. Он с ни-

ми намучился. Мы своих детей возим с собой по всему миру, чтобы они увидели жизнь не только в мире "ягуаров".

Вместе с Эммой Томпсон Антонио сыграл в драме "Воображая Аргентину", в фантастическом триллере "Экс против Севера", а в театре репетирует новую пьесу, в которой играют 18 женщин и он один.

Опять Мелани придется поволноваться...

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Актер, известность которому принесла роль лейтенанта Цветаева в киноэпопее "Освобождение". 7. Нитка в иголке вышивающей рукодельницы. 10. Здоровый волк, прикинувшийся занемогшей бабушкой. 11. Стиходел, в чьей квартире муза не ночевала. 14. Бальный танец, популярный в середине прошлого века. 15. Исключительное право на производство, промысел или торговлю. 16. Окошко, где за автограф порой платят хорошие деньги. 19. Композитор, выпустивший на музыкальную сцену "голосистого соловья". 20. В стихотворении А. Пушкина ночью он "струит эфир". 22. Представитель северного народа, у которого каждый из двоих, здороваясь, легоныко стучит кулаком по голове и плечам другого. 24. Пиратская виселица. 26. Цитрусовый китаец. 28. И ночная бабочка, и курица, и лекарственная трава. 29. Писатель, создавший "Тихий Дон" до того, как подарил свое сердце партии. 30. Повесть, самое известное произведение В. Сол-

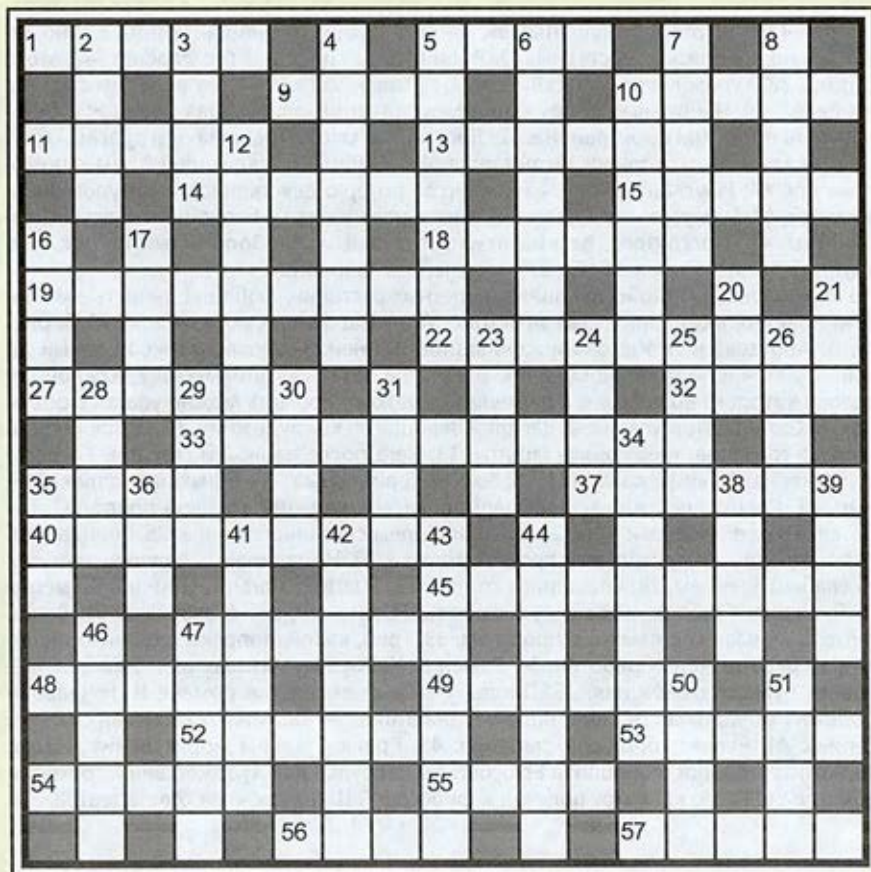
логуба. 32. Прихотливые кушанья. 35. Датский физик, любивший ходить в кино, но только на ковбойские вестерны. 37. Рыба гниет с головы, а государство — с этого города. 38. Художник родом из Витебска, прозванный в Париже "великим старцем XX века". 39. Небольшая вооруженная группа, контролирующая порядок и безопасность в том или ином районе. 42. Лосось, чье мясо окрашивают в красный цвет рачки-каляниды, которыми он питается. 43. Юноша, попадающий в вуз с помощью ног. 44. Римская богиня, чьих жриц за потерю девственности замуровывали живыми. 47. Бумага, вышедшая из кабинета начальника и бегающая по другим кабинетам. 48. Подгруздок, весьма вкусный солёным. 49. Золотистый цветок, чьи клубни едят печеными. 50. Страна засушенных фараонов.

По вертикали. 1. Одно из древнейших лесных растений, любящее тенистые места. 2. Киноактер, в соперничестве за актрису Аллу Парфаньяк победивший М. Бернеса, А. Арбузова и Л. Утесова и женившийся на ней. 3. Словарь, сокращенный до минимума. 4. Спортсмен-школьник. 6. Русское название штихмасса. 7. Южное дерево, у которого во время его цветения от резкого аромата можно упасть в обморок. 8. Столица Португалии. 9. Василий Верещагин как художник. 12. Поток студенческого сознания, требующий защиты. 13. Нега после парной и стопаря. 17. Весьма манерная девица, кривляка. 18. Весь материальный — и близкий, и далекий — мир. 21. Специалист, изучающий периодические явления в живой природе, обусловленные временами года. 23. Высокий шлем старинного воина. 25. Специалист, прерывающий мыслительный процесс индюка. 27. Не задирай ... перед человеком со слабым зрением. 28. Спевшийся коллектив. 30. Поэт, написавший после смерти А. Пушкина: "Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет". 31. Вещь, свято хранимая как память о прошлом. 33. Гриб, какой, вопреки названию, нельзя есть без горячей обработки. 34. Роман В. Набокова, вызывающий у чистого человека чувство омерзения. 35. Плоды, которые дворяне в романе И. Гончарова "Обрыв" мочили. 36. Несходство. 40. "...на Волге" — картина, принесшая славу И. Репину. 41. Рвение, большое старание. 45. Крючок, каким моряк ловит землю. 46. Архитектор, построивший в Брюсовском переулке для Художественного театра дом, где большую квартиру получил и философ Г. Шпет как член совета театра. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 1. Ицзу. 4. Поэт. 8. Шпалера. 10. Истукан. 13. Скопа. 14. Донос. 16. Графика. 17. Кизелец. 18. Елена. 19. Циник. 20. Адамант. 24. Финикия. 25. Трио. 26. Юлия. 27. Раб. 28. Хват. 29. Стон. 31. Иск. 34. Кипр. 35. Абаж. 38. Вторник. 41. Гильдия. 44. Роман. 45. Веник. 46. Человек. 47. Мотовоз. 48. Билет. 51. Повал. 52. Татищев. 53. Геликон. 54. Заяц. 55. Ильф.

По вертикали. 2. Целакант. 3. Утро. 4. Пест. 5. Эрудиция. 6. Апофема. 7. Ранение. 8. Шкала. 9. Апина. 11. Козин. 12. Нолик. 13. Средец. 15. Секира. 21. Травник. 22. Мортира. 23. Любская. 24. Фитофаг. 30. Ястреб. 32. Прикол. 33. Ермолай. 34. Кинетика. 36. ...живопись. 37. Льновод. 39. Оолит. 40. Навет. 42. Леток. 43. Диван. 49. Герц. 50. Дели.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Отдавать это оружие в старину значило признать свое поражение. 5. Один из первых псевдонимов А. Чехова. 9. Фасон по-русски. 10. Самая ушастая лисица. 11. Французский художник-академик, яркий противник импрессионистов. 13. Ненец в старину. 14. Основоположник поэзии французского классицизма. 15. Вложить меч в ... (прекратить борьбу). 18. Брат по матери П. и И. Киреевских, их душеприказчик. 19. След за кормой. 22. Самоцвет в рассказе А. Куприна "Гранатовый браслет". 27. Русский историк и археограф, создавший "Библиологический словарь". 32. Капитанское отличие. 33. Каренин в "Живом трупе" Л. Толстого, узнав, что Протасов жив, говорит о Лизе: "И она ..., и я преступник". 35. Переход от ствола дорической колонны к абаку. 37. Амба, капут, конец, финиш и даже сливай... 40. Пунийская верность по сути. 45. Учреждение в Англии, выпускающее "синие книги". 47. "Душа истории" (Ж. Дюбо). 48. Выдача любовных авансов.

49. Сок гевеи. 52. Автор гимна Италии. 53. Человек, изваянный Поликлетом (скульптура "Диадумен"). 54. Первый серьезный, но маловероятный претендент на настоящее авторство пьес Шекспира. 55. Снег, на котором лиса не догонит зайца. 56. Первая любовь принца Родольфа в "Парижских тайнах" Э. Сю. 57. Убийство выходного дня в погоне за зайцем.

По вертикали. 2. Положение заложника. 3. Народная загадка: стукотит, гурготит — сто коней бежит. 4. Эталон музыкальной слаженности. 5. Самый холодный охотник за судами. 6. Клавесин в Англии — арпсихорд, в Германии — кильфлюгель, в Италии — ... 7. Французский художник-символист, которого не любил и не понимал Ван Гог. 8. Человек из стихотворения М. Цветаевой "Евреям": "Но есть один — напрасно имя Гарри на Генриха он променял!" 10. Мифическая птица, символ чистоты в Древнем Египте. 12. Друг царя Алексея Михайловича, один из первых "западников". 16. Одна из флорентийских мозаик в Янтарной комнате. 17. Химический элемент, ставший первым отравляющим веществом на войне. 20. Насекомоядная певчая птица, что надо помнить при содержании ее в клетке. 21. Пониженный песчаный массив в Сахаре. 23. Водочное зерно на Руси. 24. П. Вяземский в "Автобиографическом введении" писал: "Кажется, и в самом уме моем есть какой-то русский ... и склад". 25. Вокруг него вращаются Бианка, Дездемона, Джульетта, Офелия. 26. Прозвище жителей Новой Англии, возникшее от искаженных голландских слов со значением "Джон Сыр". 28. Самая длинная на Пиренейском полуострове река. 29. "Директор", "Строгая девушка", "...", "Все остается людям". 30. Разница между ковром и паласом. 31. Русский физик, предсказавший сложность атомов и их эволюцию. 34. Легко приручаемая родственница фазана (правда, она легко и дичает). 35. Приставка бывшего чемпиона. 36. Священное культовое дерево римского Гелиополя. 38. Животное, не способное споткнуться. 39. Текст, без которого И. Брамс исполнял бетховенские сонаты и народные напевы в первой гастрольной поездке по Германии. 41. Драматург, чей "красивый сюжет" испортил, если верить М. Горькому, М. Врубель в панно "Принцесса Греза". 42. Гребной боевой римский корабль с тараном и вспомогательным парусом. 43. Жгутиковый паразит в семье простейших. 44. Литературный прием, делающий из мухи слона. 46. Композитор и дирижер, чьими первыми учениками стали Н. Мяковский и С. Прокофьев. 47. Первый тропарь в каждой песне церковного канона. 50. "Выражение мысли, среднее между обычной речью и музыкой" (С. Малларме). 51. Если, по Ш. Баттё, слово — "орган разума", то ... и звук — "органы сердца". ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 7. Лубе. 9. Иждивенчество. 11. Рухло. 12. Голуборозовец. 13. Ифрит. 15. Сиа. 17. Донн. 18. Сплин. 19. Хум. 21. Ганза. 24. Цитозин. 25. Индия. 26. Жмудь. 27. Антимир. 29. Набат. 32. Соя. 33. Чарка. 34. ...речь. 35. ...Щек. 36. Велде. 41. ...постмодернизм.... 42. Умбра. 43. Нивелирование. 44. Данг.
По вертикали. 1. Динго. 2. Юдоль. 3. Швабрин. 4. Антре. 5. Ферзь. 6. Ставропигия. 7. Лорцинг. 8. Бухарин. 10. Контра. 14. Японка. 15. Синица. 16. Лут. 19. Хищничество. 20. Морис. 22. Аммиак. 23. Задека. 28. Мох. 29. Навруз. 30. Бальбоа. 31. Трепанг. 33. Чергава. 37. Емеля. 38. Одурь. 39. Гиень. 40. Эмден.

— Марина Анатольевна, мы все правильно поняли? Ваш новый роман "Каждый за себя" на самом деле мелодрама?

— В самом классическом ее проявлении — главной героиней — "анти-Золушкой", которая с высот благополучия падает в пропасть полной нищеты и отчаяния и пытается выжить, сохранив душевную целостность, не озлобившись, не начав проклинать весь мир. Поток слез, метаний — но в результате все кончается хорошо. Добро торжествует.

— Это выдуманная история?

— Детективная интрига — плод моей фантазии, но у героини — Вероники Кадыровой — есть реальный прототип.

— Если есть детективная интрига, то есть и расследование. Кто его ведет? Каменская?

— Моя героиня — гражданка Узбекистана, нелегально проживающая в Москве, и обращаться в милицию она боится. Вышлют — в полном соответствии с законом в двадцать четыре часа. Ей приходится обращаться к частному детективу.

— Название "Каждый за себя" звучит неоднозначно. Какой смысл вы в него вкладываете?

— Может быть, немного непривычный для человека, воспитанного в духе соцреализма и считавшего, что "один за всех и все за одного" — это хорошо, а "каждый за себя" — это плохо. Но если мы сами не признаем, что у нас есть желания и потребности, если не будем прислушиваться к своей душе и делать то, чего она просит, то ничего хорошего из этого не выйдет. Если мы не будем любить себя, уважать, делать что-то на благо себе, то и ждать, что все это сделают другие, оценив наше благородство и бескорыстие, не стоит. В этом смысле — "каждый за себя", то есть каждый человек отвечает за свою жизнь, за качество этой жизни, которую никто другой за него ни построить, ни прожить не сможет.

"Закон трех отрицаний"

Насте Каменской не повезло — она попала в аварию. Скоро ее выпишут из госпиталя, но сломанная нога все болит и болит, так что Настя передвигается с большим трудом. Она решает обратиться к специалисту, использующему нетрадиционные методы лечения. Но когда Настя звонит по нужному телефону, выясняется, что этот специалист убит. А тут еще одна неприятность. После госпиталя Насте гдеде

Александра Маринина не устает преподносить читателям сюрпризы. Детективный сериал "Каменская", семейная сага "Тот, кто знает", глубоко психологичный "Фантом памяти", пьесы... Но кто мог предположить, что из-под пера известной писательницы выйдет детективная мелодрама? Наш корреспондент решил проверить эту информацию непосредственно у автора.

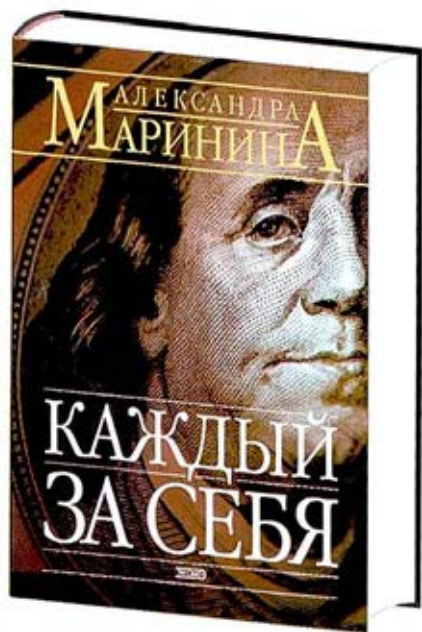
жить: ее квартира занята неожиданно нагрянувшими родственниками. Так Настя оказывается на даче у знакомого, где совершает лечебные прогулки и развлекает себя обсуждением с коллегами подробностей очередного громкого убийства молодой кинозвезды. И вдруг она с ужасом обнаруживает, что за ней кто-то следит...

"Каждый за себя" — современная детективная история о судьбе русской женщины, затянутой в чужую интригу.

...Каждый сам за себя, каждый одержим чем-то своим — кто безрассудной любовью, кто ненавистью, которая не дает дышать. И каждый бесконечно один в скорлупе собственного "я".

Вероника — молодая женщина, врач, волею обстоятельств ставшая домработницей в большой, обеспеченной и сложной семье. Здесь у каждого свои проблемы, свои амбиции, свои счеты друг с другом. Веронике необходимо выжить, уцелеть в этом холодном и жестоком мире. В стремлении построить жизнь заново, обрести независимость, молодой женщине приходится устранять возникающие на пути препятствия, решая чужие проблемы. Она не ждет благодарности и уверена, что делает это для себя. В результате ей приходится пройти через множество жестоких испытаний, вплоть до шантажа и похищения, оказаться в двух шагах от гибели, с почти уже нереальной надеждой, что во мраке ее отчаяния внезапно зажжется спасительный огонь.

Ольга Костюкова

k-systems Irbis

КОМПЬЮТЕРЫ БИЗНЕС-КЛАССА

Красивое решение любых задач!

Компьютер K-Systems Irbis на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper Threading.

Розничные продажи:
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000, МИР (095) 780-0000,
М.ВИДЕО (095) 777-777-5

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556
www.k-systems.ru